

44 коп.

КУИБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

ПОЕЗД СМЕРТИ

9(с)22
п45

41365

52025

ПОЕЗД СМЕРТИ

ИР

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дом политического
просвещения Куйбышевского
Обкома и Горкома КПСС
БИБЛИОТЕКА
1966

9(С)22.

П45

Составил
Ф. Г. ПОПОВ

1—2—4
11-66 М

Ф. Г. ПОПОВ

ОНИ НЕ ПОКОРИЛИСЬ

Контрреволюционный переворот в Самаре

Восьмого июня 1918 года в Самаре был совершен контрреволюционный переворот. Организован он был империалистами Франции, Англии и США, а осуществлен штыками чехословацкого корпуса, солдаты которого были втянуты в эту авантюру путем обмана и провокаций. Чтобы скрыть от народа истинных вдохновителей и организаторов контрреволюционного мятежа и интервенции, власть в Самаре вручили эсерам, создавшим здесь свое правительство — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Режим, созданный в Поволжье эсерами, рабочие презрительно прозвали учредилкой.

Пришедшее к власти на штыках иностранных интервентов, самарское правительство с первых дней своего существования оказалось простой марионеткой в руках черносотенной клики монархического офицерства и фактически было орудием политики иностранных империалистов и российской буржуазии, считавших более удобным на первых порах действовать под демократической вывеской.

* * *

Империалисты Антанты и США начали объединять контрреволюционные силы в России буквально на другой день после Октябрьской революции. Опираясь на их мощную материальную помощь, буржуазия повсеместно приступила к организации мятежей и заговоров, чтобы вооруженным путем восстановить в стране буржуазно-помещичий строй.

Но сил внутренней контрреволюции было недостаточно для осуществления плана удушения Советской власти. Поэтому вскоре на территорию Советской России были введены войска интервентов — Англии, Франции, США и Японии. Вместе с тем империалисты решили использовать части чехословацкого корпуса, находившегося на территории России. Этот корпус, численностью около пятидесяти тысяч человек, состоял из бывших солдат австро-венгерской армии, которые во время первой мировой войны, не желая проливать кровь за чужие интересы австро-венгерской монархии, сдались в русский плен.

Из этих пленных еще до Февральской революции, а затем во времена керенщины и был сформирован корпус. Командные должности в частях корпуса занимали реакционные офицеры — представители буржуазии и помещиков. А после Октябрьской революции здесь нашли себе приют наиболее черносотенные офицеры русской армии.

Рядовые солдаты, разумеется, не испытывали никакой неприязни к Советской власти и не имели никакого желания воевать с Советской Россией. Наоборот, многие из бывших пленных чехов и словаков вступили в Красную Армию и плечом к плечу с русскими рабочими и крестьянами защищали власть Советов во время гражданской войны. Но основная масса солдат корпуса, находясь под постоянным воздействием своего реакционного командования, связанная жесткой военной дисциплиной, не в состоянии была предотвратить преступные планы высшего командования, за спиной которого стояли империалисты Франции, Англии и США.

Под предлогом эвакуации во Францию через Владивосток чехословацкие войска к весне 1918 года были

разбросаны на всем протяжении железнодорожного пути от Пензы до Владивостока. А в конце мая командование корпуса начало мятеж против Советской власти.

Выступление чехословацкого корпуса активизировало внутреннюю контрреволюцию. В Сибири, на Урале и в Поволжье начались антисоветские кулацкие выступления. При активной помощи интервентов эти разрозненные антисоветские выступления сливались в единый поток всероссийской контрреволюции.

В то время Красная Армия только что формировалась. Малочисленные отряды ее и рабочей Красной гвардии, плохо обученные, не имея опытных командных кадров, не могли еще противостоять хорошо организованным регулярным частям интервентов и офицерским добровольческим батальонам. Поэтому интервенты совместно с силами внутренней контрреволюции заняли значительную часть Сибири, Дальнего Востока, Урала и Среднего Поволжья, где они создали послушные иностранным империалистам правительства.

После того как Самара была захвачена интервентами, туда потянулись представители военных штабов и правительства империалистических держав, чтобы на месте руководить борьбой против Советской республики.

На помощь представителю французской военной миссии Жанно, который еще до переворота осуществлял в Самаре руководство белогвардейскими подпольными организациями, прибыл официальный представитель французского правительства Люсъен Комо. Вслед за ним — американские представители Гадлет и Вильямс, а затем военный атташе США майор Хомер. Английское правительство также имело здесь своего агента.

Эти представители — фактические хозяева самарского правительства — не скрывали тех целей, которые ставили перед собой империалисты Антанты и США. Так, Люсъен Комо развязно заявил представителям печати, что «военное вмешательство союзников окончательно ими решено и уже приводится в исполнение как на Мурмане и в Архангельске, так и на Дальнем Востоке».

Так началась полоса контрреволюции в Поволжье, известная под именем самарской учредилки, длившаяся в Самаре ровно четыре месяца, до 7 октября 1918 го-

да, когда Красная Армия вышвырнула из города интервентов и их подручных.

«Чистая демократия» на практике

Как известно, после Великой Октябрьской социалистической революции эсеры и меньшевики в один голос с кадетами и махровыми монархистами истерически кричали о большевистском терроре, о попрании принципов демократизма и народовластия и т. д.

На помощь внутренней контрреволюции пришла буржуазная печать Европы и Америки, а также печать партий II Интернационала. Она открыла против Советской власти яростную кампанию, обливая ее грязью беззастенчивой лжи и клеветы. Эту антисоветскую травлю активно поддержал ренегат Каутский, который выступил в роли защитника «чистой демократии».

Разоблачая клевету на диктатуру пролетариата, В. И. Ленин писал тогда: «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии».

Лучшей иллюстрацией к приведенным словам В. И. Ленина может служить кратковременная деятельность самарской учредилки. Рождение самарской «демократии» ознаменовалось дикой расправой озверевшей белогвардейщины не только с коммунистами, но и с рядовыми работниками советских учреждений, с рабочими, когда-либо открыто выражавшими сочувствие Советской власти, с пленными красноармейцами, крестьянами. Расправлялись без суда и следствия, по подозрению в большевизме. «Подозрение в большевизме» — термин, который с первых дней существования Комуча как органа власти был введен в обиход для оправдания кровавых расправ с оппозиционно настроенными людьми.

Тerror и дикое насилие начинались с момента захвата белогвардейцами каждого города, местечка, деревни. В Самаре в первые дни после захвата расправы совершились прямо на улицах города. Достаточно было кому-либо указать белогвардейцам на человека

и произнести роковое слово «большевик» или «комиссар», как его тут же подвергали нечеловеческим пыткам, а потом убивали. Так погибли в Самаре Ф. И. Венцек, И. И. Штыркин, Я. М. Длуголенский, Т. Ф. Беликин, Габбас Алеев и многие-многие другие. Но далеко не полным подсчетом, на улицах Самары было убито в первые дни не менее трехсот человек — коммунистов, советских работников, рядовых рабочих, красноармейцев, оказавшихся в окружении.

В маленьком городке Мелекессе офицеры сразу занялись облавами и уничтожением подозрительных по большевизму лиц. В несколько дней городская тюрьма и другое арестное помещение были переполнены. Ночью, а часто и среди бела дня арестованных выводили группами за город. Иногда за такой процессией с плачем и стенаниями шли родственники арестованных — женщины, подростки, дети. Белогвардейцы не стеснялись. Дойдя до редкого кустарника на окраине города, они приканчивали арестованных, бросая трупы в ямы и овраги. В этом городке был до переворота союз грузчиков, насчитывающий всего 75 человек. Из них только 21 остался в живых, остальные погибли от рук белогвардейцев.

Наиболее «опасных» арестованных небольшими партиями отправляли из Мелекесса в Самару. Но в Самару многие из них не попали: белогвардейцы убили их дорогой якобы при попытке к бегству.

Когда белые захватили Симбирск (22 июля), они

Я. М. Длуголенский

учинили там такую же расправу, расстреляв на улицах и площадях города около четырехсот человек. Даже самарская меньшевистская газета «Вечерняя заря», которая поддерживала режим учредилки, вынуждена была заявить, что в Симбирске «расстрелы производились без всякого стеснения тут же на улице, без следствия и суда, и трупы расстрелянных валялись на улице несколько дней».

То же происходило и в Казани.

Корреспондент уфимской меньшевистской газеты «Голос рабочего» сообщал об этом: «...Поражало обилье вооруженных людей с белыми повязками на руках, в военной форме. Отдельные группы их по каким-то спискам и указаниям хватали на улицах и в квартирах людей и на глазах толпы одним-двумя выстрелами кончали с ними».

Ответственные военные деятели учредилки открыто призывали к поголовному уничтожению сторонников Советской власти. Член военного штаба и чрезвычайный уполномоченный Комуча Лебедев обратился к крестьянам Казанской губернии со следующим призывом: «... В деревнях остались еще... советские деятели... Не бойтесь ничего, расправляйтесь сами с ними. Учредительное собрание вас в обиду не даст».

И белогвардейцы расправлялись.

После отступления Красной Армии из села Сорочинского белогвардейцы в первую очередь арестовали всех бывших членов волостного Совета. Для расправы с ними создали так называемую следственную комиссию, в которую вошли два торговца и офицер — начальник гарнизона. По постановлению этой следственной комиссии было зверски заколото штыками и зарублено шашками более двадцати человек, перед казнью крестьян заставляли самих рыть себе могилы.

В селе Пьяновке, что в двенадцати километрах от Сорочинского, в руки белогвардейцев попали восемь бывших красноармейцев. Их рубили шашками, топтали конями, а потом свалили в яму и закопали еще живыми.

Торжественно возвестив миру о различных «свободах» и «вольностях», Комуч в первый же день распорядился подготовить в самарской тюрьме 1500 мест. К началу августа в ней было уже свыше 2000 заклю-

ченных, хотя большие партии их несколько раз отправлялись в Тюцкие лагеря. Переполнены были также тюрьмы в Бугурслане, Бузулуке, Сызрани, Уфе, Хвалынске.

Заключенные содержались в кошмарных условиях. Они не имели ни матрацев, ни какой-либо другой подстилки и валялись на голом цементном полу. Тифозные больные и раненые красноармейцы находились в общих камерах. Медицинской помощи им почти не оказывали. В качестве одного из методов следствия применялись пытки.

Убийства арестованных без суда и следствия повсеместно носили массовый характер. В июле военные власти арестовали в селе Толкае шесть человек, работавших до переворота в низовых органах Советской власти. Арестованных сначала привезли в самарскую тюрьму. Однако главный военный штаб распорядился отправить их в Челябинск. Но до места назначения их не довезли, они были зверски убиты дорогой. Главный военный штаб объяснил это убийство попыткой к бегству.

Крестьянин деревни Левой Преображенки, Самарского уезда, Ефрем Васильевич Федоров до падения Советской власти был членом Самарского уездного Совета. Его арестовали и повезли якобы в Самару, но по дороге убили «при попытке к бегству». Его труп, брошенный возле дороги, нашли крестьяне. На нем было много пулевых и штыковых ран. Одновременно с Федоровым в близлежащих селах были арестованы еще шестнадцать крестьян. В пути пятерых из них также убили.

Особенно ужасно убийство большевика, бывшего комиссара милиции П. А. Кондакова «при попытке к бегству». Он был арестован в селе Усолье и на пароходе доставлен в Самару. 6 июля его с пристани вели в тюрьму. На Воскресенской площади, около рынка, офицер приказал Кондакову стать к забору и дал команду конвою. Раздался залп. Кондаков упал, и офицер еще раз выстрелил в него в упор из револьвера. Все это произошло в присутствии многочисленной публики. Офицер, расстрелявший Кондакова, в рапорте мотивировал это убийство попыткой к бегству.

До переворота эсеры очень много кричали о красном терроре, о том, что созданный Советской властью ре-

волюционный трибунал не отвечает истинным народно-демократическим принципам. В действительности с момента установления Советской власти в Самаре революционный трибунал не вынес ни одного смертного приговора врагам Советской власти, и его решения отличались мягкостью и гуманностью.

Что же касается Комуча, то он за четыре месяца господства не сделал даже попытки ввести для своих политических противников какое бы то ни было нормальное судебное разбирательство. Он предпочитал расправляться с большевиками и всеми сторонниками Советской власти втихомолку, без суда, в застенках созданных им многочисленных карательных органов.

В этих страшных застенках люди томились, ежеминутно ожидая расправы, подвергаясь физическим и моральным пыткам. Комендант города Ребенда часто практиковал показательные расстрелы — расправы совершились на глазах у других заключенных, ожидающих своей участии. Это делалось для устрашения, чтобы вынудить у арестованных нужные показания. Так, ночью 8 июля в подвале комендатуры было расстреляно шесть человек, фамилии которых не удалось установить. На это зрелище из камеры вывели 48 других заключенных, и Ребенда произнес перед ними речь, смысл которой сводился к одному: с вами будет то же самое.

Белый террор в деревне

«Закон, покой и порядок!» Эти слова мы читаем в первом приказе Комуча от 8 июня 1918 года. Все это Комуч обещал предоставить населению. Особенно широкие размеры приняла эсеровская демагогия на эту тему в деревне.

В чем же состоял этот закон, покой и порядок?

С первых же дней власти учредилки помещики при деятельной поддержке офицерской клики приступили к восстановлению своих «священных прав» на землю и поместья. Одновременно Комуч объявил мобилизацию в армию молодежи двух возрастов — 1897 и 1898 годов рождения. Это вызвало резкие протесты крестьян. Тогда Комуч поручил военному ведомству направить в деревни карательные отряды.

Деревня оказалась всецело во власти карательных отрядов. Составленные из казаков и добровольцев, навербованных из самых оголтелых головорезов, возглавляемые черносотенным офицерством, эти отряды совершали в деревнях неслыханные жестокости, убивали, истязали, калечили не только мужчин, но и женщин и даже детей.

В июле один из карательных отрядов в составе ста казаков был послан для усмирения крестьян в северо-восточные волости Самарского уезда. В селе Хорошеньком каратели арестовали трех крестьян, все остальные, кому грозил арест, успели бежать в лес. Тогда каратели подвергли жестокой порке плетьями всех, кто оставался в деревне.

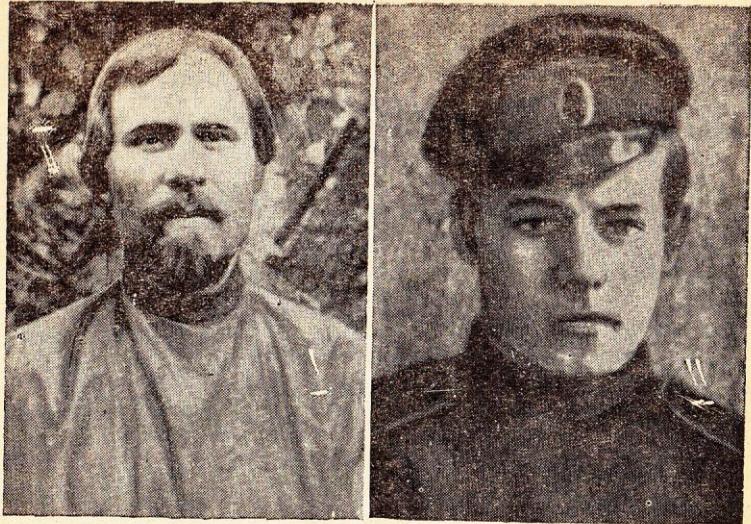
На другое утро этот отряд прибыл в Большую Каменку. Там каратели до смерти запороли жену красноармейца Варвару Козину и арестовали пятерых крестьян. Десять конных казаков погнали их в Красный Яр. И всю дорогу казаки беспрерывно били арестованных нагайками. В Красном Яре их бросили в арестное помещение.

Остальные каратели, захватив с собой каменского крестьянина С. М. Батаева и трех хорошенских — В. Г. Соколова, Ал. Т. и Ан. Г. Цыкиных, направились в Елховскую волость. По дороге каратели их убили, предварительно подвергнув жестокому избиению.

В Елховской волости казаки тоже секли и расстреливали крестьян. Потом переехали в Петропавловскую волость. Там они также подвергли порке крестьян,

В. Г. Соколов

А. Т. Цыкин

А. Г. Цыкин

несколько человек расстреляли, а четырнадцать арестованных привезли в Красный Яр. В здании волостной управы казаки учинили жестокую расправу с арестованными. Некоторым из них выбили нагайками глаза, переломили переносицы. Затем изувеченных и забитых до полусмерти посадили в автомобиль и повезли в Самару. По дороге несколько человек было расстреляно. Всего в этих селах каратели убили 27 человек.

Подобные расправы практиковались повсеместно. Трудно найти деревню, в которой не побывали бы каратели. Приведем еще несколько фактов, с которых сохранились свидетельства очевидцев.

Вот письмо в редакцию одной самарской газеты из села Богатое, Бузулукского уезда. Автор пишет:

«19 сего августа на сахарный завод при с. Богатом, Бузулукского уезда, прибыл отряд солдат, под начальством штабс-капитана.

Из расклеенных перед этим объявлений военного ведомства можно было видеть, что назначение подобных отрядов — исключительно поимка уклоняющихся от военной службы дезертиров и предание их военно-

полевому суду, учрежденному при этих же отрядах. Суд происходил на месте стоянки отряда. Не касаясь полномочий самого отряда, а тем более учрежденного при нем суда, сообщаю только как факт, наводящий на некоторые, не совсем отрадные размышления, — факт применения этим отрядом телесного наказания по отношению к арестованным. Было ли это наказание следствием судебного приговора или нет — неизвестно, только девятнадцатого вечером и в особенности двадцатого утром на глазах многочисленной публики арестованных клали вниз лицом на специально разостланый для этой цели брезент и... вкладывали 20—25 ударов нагайкой. Били так, что некоторые из наказанных после этого не могли сразу встать, а встав, шли, качаясь, как пьяные. Били молодых парней, били пожилых рабочих и крестьян, года которых еще не призваны, и били женщин, которые уже, кажется, не могли иметь никакого отношения к призыву новобранцев.

Вся эзекуция произвела удручающее впечатление на жителей, и у многих невольно напрашивался вопрос: неужели опять нагайка санкционирована людьми, стоящими у власти? Неужели нет иного выхода? Или это последнее средство для вразумления гражданского самосознания?»

Такой же отряд 21 августа прибыл в село Утевку. Командир отряда объявил, что шестеро местных крестьян, которых кулаки и торгаша считали большевиками, будут расстреляны, а тридцать человек подвергнуты порке плетью.

Из намеченных к расстрелу карателям удалось поймать двоих — В. С. Пудовкина и С. М. Проживина. До переворота они были работниками местных органов Советской власти. Белогвардейцы подвергли их жестокой пытке, а потом закололи штыками. Как учредиловские налачи истязали попавших в их руки, лучше всего рассказывает документ самого Комуча. Разъездной агитатор Комуча Кодаков, агитировавший за учредилку, в своем докладе для начальства вынужден был описать эту картину.

«22 августа сего года, — писал Кодаков, — отряд был в селе Утевке, где по постановлению военно-полевого при отряде суда порол плетью граждан и расстрелял бывших председателя Совета Семена Михайловича

Проживина и комиссара Василия Пудовкина... Подробности расстрела их, вернее способ расстрела... отличается небывалой жестокостью. Так, например, труп Василия Пудовкина был изуродован: голова разбита, с вытекшим глазом, спина, бока носят следы ударов прикладами, руки до плеч буквально представляли куски мяса с ободранной или отбитой кожей. Кроме того, на спине были две-три колотые штыковые раны».

Из намеченных к порке тридцати человек было выпорото двадцать семь. Даже беременная женщина была подвергнута истязанию плетьями. После 25 ударов на гайкой у нее начались роды. Порка была настолько жестокой, что один из подвергнутых экзекуции, Илья Мокеев, через несколько дней умер.

Но палачам от «чистой демократии» и эти расправы казались недостаточными. Военные власти Комуча разработали целую систему, как приводить население к покорности с помощью пушек. Эта система выглядела так: села, уроженцы которых дезертировали из белогвардейской армии, несли за это прямую ответственность. Взамен бежавших и скрывающихся от призыва они должны были поставлять в армию новые контингенты людей. В случае же неповиновения эти села подлежали расстрелу огнем артиллерии.

И вот населению непокорной волости предъявляется ультиматум: в трехдневный срок выполнить приказ о мобилизации. А в случае неисполнения, говорилось в ультиматуме, против волости «будут открыты военные действия, причем за артиллерийские снаряды и причиненные убытки деньги взыщутся с населения волости, а ослушники будут преданы военно-полевому суду»¹.

Так выглядели на практике многочисленные декларации деятелей Комуча о свободе и народовластии.

Поезда смерти

Еще в первые дни после захвата Самары белогвардейцы начали отправлять на восток наиболее видных арестованных большевиков, которые были объявлены

¹ Газ. «Вестник Комуча» № 48, 5 сентября 1918 г.

политическими заложниками. Но по пути белогвардейцы хладнокровно и жестоко расправились со многими из них.

Часто убийства совершились по требованию торгащей, спекулянтов и уголовных элементов, которым Советская власть не давала развернуться. Так, на станции Самара из вагона был взят сызранский большевик И. И. Берлинский. На него надели ручные и ножные кандалы и передали сызранским белогвардейцам, которые впоследствии замучили его.

На одной из станций, восточнее Самары, из вагона вывели пензенского большевика Н. Г. Либерсона и тут же расстреляли. Такая же участь постигла на станции Бугуруслан работника местного Совета Эндина.

Эти случаи — не единичное явление. Можно было бы составить длинный список злодеяний белогвардейцев, называвших себя представителями «чистой демократии».

Несмотря на массовые убийства большевиков и всех сторонников Советской власти, все же тюрьмы были переполнены. Когда войска учредилки начали отступать, белогвардейцы приступили к полной эвакуации тюрем сначала из близких к фронту городов — Большеска, Хвалынска, Сызрани. Наиболее видных большевиков расстреливали, а остальных загоняли в темные и сырье трюмы барж и отправляли в Самару. По пути многих расстреливали. Так, на одной из барж белогвардейцы вывели из трюма пятнадцать человек, в том

Н. Г. Либерсон

числе сызранского комиссара продовольствия И. В. Скворцова, и всех расстреляли.

Еще большее зверство учинили белогвардейцы над рабочими поселка Иващенкова (теперь гор. Чапаевск). 2 октября 1918 года белогвардейцы жестоко подавили вспыхнувшее там восстание. В течение нескольких дней белые расстреляли в поселке около тысячи человек, а несколько сот человек погрузили в эшелон и повезли в Уфу. Но до Уфы довезли очень немногих. Один из рабочих, случайно спасшийся, поведал, как белогвардейцы расправлялись с рабочими в дороге. В вагоне было двадцать пять человек. На станции Кротовка открылась дверь и послышалась команда:

— Выходи по три человека!

С вышедших из вагонов рабочих сняли одежду. А затем на них налетел отряд кавалеристов и началась рубка.

Из этого вагона зарубили восемнадцать человек.

После бегства белых в районе Кротовки по линии железной дороги обнаружили 306 трупов. Все погибшие были зарублены шашками.

Самарская тюрьма не могла вместить всех арестованных, поэтому учредиловцы систематически вывозили заключенных в тюрьмы других городов — в бугурсланскую, уфимскую. Когда же к Самаре подошли части наступающей Красной Армии, все арестованные были вывезены на восток, а в скором времени эшелоны заключенных были отправлены и из других тюрем — бугурсланской и уфимской, а также из Тюзских лагерей.

Народ назвал эшелоны с заключенными поездами смерти. Название появилось не случайно. Это были действительно поезда смерти, обитатели которых подвергались таким издевательствам, о которых нельзя вспомнить без содрогания.

Последний поезд с заключенными был отправлен из Самары за день до бегства белогвардейцев, в ночь с 5 на 6 октября 1918 года. В этом поезде находилось около 2700 человек, в основном политзаключенные. Здесь были коммунисты, работники советских учреждений, пленные красноармейцы, рабочие и крестьяне. Среди них — женщины, подростки, дети, старики.

Этот поезд прибыл в Уфу 10 октября. После трех-

дневной стоянки он был отправлен дальше на восток.

Через несколько дней в Уфе был сформирован другой эшелон. В него помимо уфимцев попали заключенные, привезенные ранее из тюрем Самары, Бугурслана, Белебея, Мензелинска, Стерлитамака, Бирска и других городов. Во втором эшелоне было около 1600 заключенных. Среди них самарские большевики М. О. Авейде, В. К. Адамская, С. И. Дерябина, П. И. Андронов, В. Е. Скубченко, А. В. Цепелевич и другие.

Особенно много испытаний пришлось на долю заключенных этих двух последних эшелонов, которые находились в пути, когда в Сибири уже стояли сильные холода. В небольшие товарные вагоны без нар втолкнули по 60—70 человек, и люди не могли даже сесть.

Многие, арестованные в летнее время, не имели теплой одежды и обуви, а у тех, кто имел, ее отнял конвой. В вагонах не было печей. Около двух месяцев эти поезда находились в пути. По несколько дней подряд людям не давали ни пищи, ни воды. Но этим мучения заключенных не ограничивались. Офицеры конвоя группами расстреливали заключенных, иногда не утруждая себя даже тем, чтобы вывести из вагона свои жертвы: стреляли прямо в вагоны.

Не менее трети заключенных погибло в пути от голода, холода и пуль конвоя. Умерших от голода было бы, вероятно, намного больше, если бы рабочие сибирских городов, поселков и железнодорожных стан-

П. И. Андронов

ций не заботились об узниках, не оказывали им помощи. Когда молва об ужасах поездов смерти распространилась по всей Сибири, власти вынуждены были иногда разрешать населению передавать в вагоны продукты. По инициативе подпольных организаций большевиков на некоторых железнодорожных станциях были созданы специальные подпольные комиссии помощи заключенным и образованы продовольственные фонды для снабжения эшелонов смерти. К делу помощи были привлечены и крестьяне ближайших сел.

Непокоренные

После почти двухмесячного неимоверно тяжелого пути оставшиеся в живых заключенные были размещены в концлагерях Восточной Сибири и Дальнего Востока. Большую группу заключенных поместили в знаменитую Александровскую каторжную тюрьму — Александровский централ.

Белогвардейцы полагали, что пережитое заключенными в поездах смерти и в тюремных застенках надломит их волю, сделает покорными, вызовет желание заслужить доверие белогвардейцев, пойти на предательство. Испытывая все более острую нехватку живой силы для борьбы против наступающей Красной Армии и для подавления широко развернувшегося партизанского движения, колчаковцы повели среди заключенных агитацию за вступление в белую армию. Многие заключенные вступили в армию, получили оружие, но очень скоро направили это оружие против белогвардейцев. Они переходили к партизанам и в их рядах снова боролись против белогвардейцев и интервентов. Испытав смертные муки и страдания в поездах смерти и в тюремных застенках, проникнувшись жгучей ненавистью к белогвардейцам и интервентам, эти люди цементировали ряды партизан, служили образцом стойкости, мужества и дисциплины.

Из узников поездов смерти вышло немало видных партизанских руководителей и командиров. Основное ядро широко известного в Сибири партизанского отряда под командованием Д. Е. Зверева, который наносил белогвардейцам очень чувствительные удары, состоя-

ло из бывших заключенных поездов смерти. Зверев — уроженец Бугурусланского уезда, Самарской губернии. Он попал в плен, будучи ранен во время боя с белогвардейцами в Поволжье. После мучительного пути в поезде смерти он оказался в концлагере близ Иркутска. С разрешения Иркутского комитета большевиков Зверев и его друзья — бывшие красноармейцы — вступили в отряд особого назначения. Этот отряд формировался специально для карательных экспедиций против партизан и непокорного населения Сибири. Но Зверев и его друзья не стали карателями. Будучи посланы в одну из деревень, они перебили белых офицеров и перешли к партизанам. Впоследствии отряд Зверева сыграл выдающуюся роль в борьбе с белогвардейцами.

Точно так же поступили многие заключенные из других концлагерей и Александровского централа. Вступив в белую армию, они создавали там большевистские группы, вели агитацию среди мобилизованных солдат, поднимали восстания и переходили к партизанам.

Многие коммунисты, вырвавшись из белогвардейских застенков, пополнили подпольные большевистские организации в колчаковском тылу и внесли достойный вклад в разгром Колчака. Видные деятели Самарской организации большевиков А. А. Масленников и П. А. Вавилов, бежав из концлагеря, приняли активное участие в деятельности большевистской организации в Омске, входили в состав Сибирского областного комитета, были членами штаба по руководству восстанием против Колчака.

Но и те, кому не удалось вырваться из белогвардейских застенков, не склонили головы, не опустили рук, не смирились со своей участью. В сентябре 1919 года партизанский отряд под командой Н. А. Каландарашвили освободил из Александровского централа 420 политзаключенных. Большинство бежавших вступило в партизанские отряды Каландарашвили, Бурлова и Зверева.

В декабре 1919 года политзаключенные Александровской тюрьмы, которых к тому времени было свыше двух тысяч человек, подняли восстание. Восставшие обезоружили внутреннюю охрану, однако пробиться за пределы централа они не смогли. Два дня они удержи-

вали тюрьму, но затем к белогвардейцам пришло подкрепление с артиллерией. После жестокого артиллерийского обстрела белогвардейцы овладели тюрьмой. Восстание было жестоко подавлено. 274 человека, в большинстве раненые во время боя, были расстреляны без суда. В конце декабря партизанам удалось захватить тюрьму и освободить томившихся там людей. Большинство бывших узников поездов смерти, способных носить оружие, вступили в партизанские отряды, чтобы продолжать борьбу против белогвардейцев и интервентов, за восстановление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке.

* *

В этом сборнике публикуются воспоминания людей, которым удалось пережить все ужасы белого террора в Самаре, проделать дальний и тяжкий путь в поездах смерти, испытать муки в белогвардейских застенках и концлагерях. Авторы этих бесхитростных рассказов не литераторы, но они ярко и убедительно нарисовали обстановку, которая сложилась на территории, временно занятой белогвардейцами и интервентами.

Палачи, творившие свои злодеяния под флагом демократии, как это было на территории Комуча, или под флагом защиты порядка и законности, как рекламировал свою миссию Колчак, фактически были исполнителями воли европейских и американских империалистов, стремившихся задушить революцию. Как это перекликается с событиями, которые происходят в наших дни во Вьетнаме, в Конго, в странах Латинской Америки! Сбрасывая бомбы на мирные деревни Вьетнама, оплачивая наемников, творящих расправу с патриотами в Конго, насаждая и поддерживая штыками диктаторские режимы в Латинской Америке, империалисты США тоже кричат о защите демократии.

Так события далекого прошлого помогают понять то, что происходит сегодня. История — хороший учитель, и уроки ее зовут нас к бдительности.

ПИСЬМО К. П. СЕРОВУ

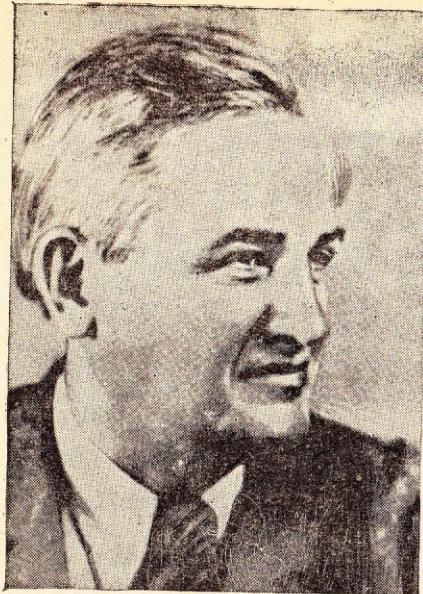
Дорогой Константин Петрович!
Какой сюрприз! Какое удовольствие получить книгу с теплой и великолдущной надписью — и по-русски и по-английски.

Это настоящее достижение — писать так ясно на чужом языке, особенно потому, что Вы овладели им, несмотря на напряжение и волнения такой беспокойной и деятельной жизни, как Ваша.

Это волнующее переживание — чтение этой небольшой книги, так просто и живо написанной. Она перенесла меня назад через десятилетия, в май 1918 года, когда я путешествовал по Транссибирской дороге из Петрограда на Балтике во Владивосток — на берегу Тихого океана, наблюдая влияние и распространение Великой Октябрьской социалистической революции по обширному евразийскому континенту.

Трудно представить, что всего несколько месяцев

Альберт Рис Вильямс (1883—1962) — американский публицист. Очевидец и участник революционных событий в России в 1917—1918 гг. Встречался с В. И. Лениным. Автор правдивых книг о Ленине и об Октябрьской революции, искренний друг СССР. Публикуемое письмо было написано Вильямсом К. П. Серову, одному из бывших узников поезда смерти, по получении предыдущего издания этой книги.

Альберт Рис Вильямс

лосердном избавлении заключенных от их страданий при помощи яда или пуль, а также фото нескольких заключенных, сидящих со священными ногами в открытых дверях теплушек.

Я очень часто упоминал об этом постыдном поезде смерти в своих речах перед американскими слушателями и в своих книгах. Образ этого ужасающего поезда постоянно преследовал меня, моя память была не в состоянии совершенно избавиться от него.

Не один раз мне снился кошмарный поезд, двигающийся сквозь сибирскую зиму все вперед, вперед и вперед... Но куда двигающийся? Что чувствовали измученные узники? Какова была их судьба? Осуждение?

Я часто задумывался над этими вопросами и хотел знать, какие могут быть ответы. И теперь внезапно, неожиданно, не от наблюдателя, как американский врач, не от журналиста или историка, которые компилируют его, а прямо от Вас, Константин Петрович, про-

спустя, по этому же пути, по этим же рельсам, Вас везли в этом ужасном поезде смерти, когда контрреволюция временно захватила власть и Вы оказались в лапах и во власти этой грязной банды негодяев, палачей и преступников.

Как Вы можете заметить, в американском издании моей книги об Октябрьской революции — которую я посылаю Вам — есть сообщение о поезде смерти врача американского Красного Креста. Это сокращенный текст, но в нем приведены размышления доктора о ми-

хавшего в этом ужасном поезде смерти весь его мучительный путь от Самары до Владивостока, я получаю ответы со всеми причиняющими ужасающую боль деталями.

Каждая глава небольшой книги вызывает напряженный интерес, одновременно страшный и волнующий.

Для меня наиболее драматичным и показательным является простой рассказ о Ваших собственных переживаниях — о девятнадцатилетнем парне на Волге, умело направляющем свои способности против контрреволюции; затем внезапно попавшем в сети ареста; запертом на целые месяцы в постыдном поезде смерти — о голодающем, мерзнувшем и терроризируемом пьяными охранниками, стреляющими дико по вагонам, о Вашем удивительно простом избавлении и побеге в леса, к партизанам; о заключительном разгроме контрреволюции и изгнании последних захватчиков из Сибири; о переходе от войны к мирным задачам учебы и реконструкции.

Тесная параллель — аналогия — между линией Вашей жизни и ходом Октябрьской революции. Рассказывая свою историю, Вы также хорошо рассказываете историю самой революции; ее ранние цели и идеалы; невероятные испытания и лишения, перенесенные ею, ее окончательный триумф над врагами и препятствиями; длительные кропотливые задачи строительства коммунизма — нового общества мира и изобилия.

Если бы только подрастающее поколение и вообще любой в Советском Союзе и окружающем мире читал бы эту книгу о Революции в каждую годовщину, они смогли бы понять огромную храбрость, выносливость и жертвы участников Октябрьской революции — и лучше оценить богатое наследство, принадлежащее им сегодня.

Тысячу раз благодарю за то, что прислали мне эту удивительную повесть, мое высочайшее уважение к Вам, Константин Петрович, а также к этим доблестным женщинам Зое и Тане, которых Вы упоминаете как Ваших соратниц и которых я знал как верных друзей и товарищей в те волнующие дни интервенции в городе у Золотого Рога на Востоке.

Через огромный широкий океан, разделяющий нас,

я протягиваю к Вам всем с приветом мои руки, и с радостью ожидаю не столь отдаленного будущего, когда мы встретимся, и я смогу действительно пожать Ваши руки.

США.
Оссининг,
28 апреля 1961 г.

ЛЮСИТА ВИЛЬЯМС

**ОНИ ПОКАЗАЛИ
ЛУЧШИЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА
РУССКОГО НАРОДА**

(Альберт Рис Вильямс о белом терроре)

Но придет день — и перед судом истории пред-
«... станут, с одной стороны, большевики, обвиняемые
в проведении красного террора, а с другой — белогвар-
дейцы и черносотенцы, обвиняемые в белом терроре.
И когда судьи посмотрят на руки подсудимых, они уви-
дят, что мозолистые натруженные руки рабочих и кре-
стьян белее черных рук привилегированных дам и гос-
под»... Так заявил Альберт Вильямс в комиссии Овер-
мана, созданной Сенатом США в феврале 1919 года
для расследования русской пропаганды.

Он говорил: ...«Вам постоянно расписывают все ужа-
сы красного террора... Обратитесь к материалам мисте-
ра Аккермана из газеты «Нью-Йорк таймс». В одной из
своих статей он сообщает, что поезд, увезший с Урала
2100 заключенных большевиков, доставил в Никольск
только 1300 человек. Что же случилось с остальными
заключенными? Оказывается, поезд был составлен из
товарных вагонов без окон, без уборных; двери заби-
ли, продовольствия не дали. Люди умирали от голода,
кончали жизнь самоубийством, а некоторые были рас-
стреляны при попытке к бегству. Многие из заклю-
ченных, когда их снимали с поезда, умирали на руках

Люсита Вильямс

Мои симпатии отнюдь не на стороне великих князей, а на стороне восьмисот рабочих и крестьян».

Так Вильямс парировал обвинения большевиков в красном терроре. Подробности о самарском поезде смерти Вильямс узнал из дневника Рудольфа Бьюкели, опубликованного в американском журнале «Красный Крест» в апреле 1919 года. Записи из дневника Бьюкели потрясли Вильямса.

«Образ этого ужасающего поезда постоянно преседовал меня, моя память была не в состоянии совершенно избавиться от него...» — писал впоследствии Вильямс бывшему узнику поезда К. П. Серову.

В своих многочисленных выступлениях, докладах, лекциях о Советской стране в течение многих лет Вильямс много раз вспоминал о поезде смерти.

Поэтому он с огромным интересом узнал о том, что есть сборник воспоминаний бывших заключенных самарского поезда смерти. А было это так.

Будучи тяжело больным, он приехал в 1959 году в Москву, где его поместили в больницу.

работников американского Красного Креста... Мне известно, что на многих американцев особое впечатление произвели рассказы о гибели пяти великих русских князей, брошенных в колодец. Считают, что их погубили большевики. Между тем, в поезде смерти погибло не пять, а восемьсот человек. Не будем сейчас касаться их убеждений. Вот перед нами восемьсот простых рабочих, которые строили дома, мостили улицы, сеяли хлеб, добывали уголь, водили поезда. А вот пять великих князей, которые жили на крови и слезах русского народа...

Там он встретился со своим старым другом еще по Владивостоку с 1918 года, с Зоей Большой (Зоя Ивановна Секретарева).

Вильямс показал ей свою книгу «Сквозь русскую революцию».

Перелистывая ее, Зоя Большая вдруг наткнулась на фотоснимок, поразивший ее:

— Откуда это у вас? — взволнованно спросила Зоя, увидев снимок узников поезда смерти.

— А почему это так вас заинтересовало? — удивился Альберт.

— Да как же, ведь в этом поезде находился мой муж — К. П. Серов, — ответила Зоя.

— Вот как! — воскликнул пораженный Вильямс. — Разве из этого поезда остался кто-либо в живых?

— Мой муж и некоторые другие. Есть книжка с воспоминаниями об этом поезде моего мужа и других заключенных, — ответила З. И. Секретарева.

Она обещала Вильямсу, что ее муж пришлет ему эту книгу. В июне 1959 года Вильямс писал Зое Большой: ... «То, что Вы пишете о своем муже в письме, исключительно интересно. Просто чудо, как он остался в живых после путешествия в поезде смерти. Книга об этом должна быть особенно ценной и интересной. С удовольствием прочту ее».

Сборник «Поезд смерти», изданный в Куйбышеве в 1960 году, был послан А. Вильямсу. Он произвел на Вильямса огромное впечатление, о чем он и написал К. П. Серову.

Альберт нашел, что книга, как человеческий документ, написанный кровью сердца заключенных, как он выразился, обладает огромным воспитательным воздействием, на юношество в особенности.

В письме к одному из многочисленных своих друзей в СССР он писал: ... «Одновременно я получил книжку «Поезд смерти», которая живейшим образом вскрывает тяжелые испытания, пережитые советскими людьми в те тяжелые, но в то же время изумительные дни...»

Главной целью жизни Вильямса была подготовка книги о В. И. Ленине. Все последние годы жизни он посвятил этой работе. Но даже и в этих условиях, тяжело больной, перегруженный огромной работой над

II - Train of Death
you mother I TO
White - ~~so~~ got
~~Pete~~ Pete at least
you enjoy all them
privileges - ~~but~~ take care for
yourself there ~~now~~ can't
get ~~out~~
I imagine I better ask
you not even paid for those
privileges - have done
meander
Sufficing with the rest
they did not believe wrong
enough - But it should be known
they accuse of it - they say you
do things every year
she reads it.
After he made of iron men
and was to knock over and take
them down they would want you to do the same
they would like you to knock them down that night before the day

Черновые наброски А. Р. Вильямса для предисловия к сборнику
«Поезд смерти»

этой книгой, он делал наброски к предисловию для сборника «Поезд смерти».

К сожалению, смерть помешала ему. Остались лишь отдельные мысли, записи, наброски.

По этим обрывочным записям можно судить, как высоко он ценил эту маленькую книгу, какое большое воспитательное значение он придавал ей.

А с другой стороны, эти записи говорят, какое обстоятельство предисловие он готовил.

Он еще и еще раз восстанавливал обстановку того времени, эпоху гражданской войны. Обстановку интервенции, разгул реакции, садизм и террор белогвардейцев, страдания русского народа.

Такие записи: «огромное число казненных — символ страданий великого русского народа», «раскрытие свойств народа, природы достоинства народа» — говорят о том, что Вильямс намеревался отдать должное высоким качествам русского народа.

Много записей, касающихся непосредственно поезда смерти, заключенных в нем и самого сборника о поезде смерти.

Вот эти записи.

«В высшей степени захватывающе и наглядно написанная самими заключенными, пережившими все это, написанная кровью сердца».

«Какую удивительную картину рисует она об этой преданной группе».

«Вы не представляете себе, какую ужасную цену вы заплатили за привилегию написать свои воспоминания».

«Невозможно представить себе эти ужасные стра-
дания».

«Но нужно осознать это, дать себе отчет в этом».

«Молодые большевики погибли. Умереть — не успевши пожить».

«Нет необходимости горевать о заключенных, сетовать о них. Они не хотели, чтобы вы это делали, они хотели, чтобы вы наслаждались свободой и счастьем. Вот почему они принесли такие жертвы».

Альберт восхищается беспримерной выдержанкой и мужеством заключенных.

Он намеревался закончить свое предисловие обращением к своим юным друзьям из Советского Союза —

из Куйбышева, Горького и других мест, с которыми он вел переписку.

Он говорит своим юным друзьям, что мы должны быть благодарны тем, кто испытал смертные муки, тем, кто погиб, и тем, кто выжил и мужественно продолжал борьбу за счастье простых людей.

Он писал в своих заметках: «Им наша благодарность за то, что они действовали так хорошо, так смело... Они сделали так много, что вы должны быть им благодарны...». И он добавляет:

...«Они оставили нам так много еще, чтобы вы доделывали...»

Альберт настойчиво советовал прочитать этот маленький сборник о заключенных поезда смерти.

И он призывает молодежь изучать историю, развивать завещанное борцами революции, идти в ногу с жизнью, чутко улавливать пульс жизни. Альберта глубоко взволновало, что большинство тех, кто выжил, сразу же после освобождения из поезда смерти отправились в сопки, в тайгу, в партизанские отряды, чтобы с оружием в руках бороться против интервентов и контрреволюционеров.

Выносливость, стойкость и мужество узников, подвиг их восхищали Вильямса. Он считал, что они показали лучшие черты характера русского народа.

Январь 1964 г.

СТРАШНЫЙ ПОЕЗД

(Из записок сотрудника американской миссии Красного Креста на Дальнем Востоке).

О записках Рудольфа Бьюкли

Записки сотрудника американской миссии Красного Креста на Дальнем Востоке Рудольфа Бьюкли впервые были опубликованы на русском языке в Шанхае (Китай) в январском номере журнала «Солнце» за 1919 год. Затем они появились в печати на английском языке в Америке, в апрельском номере журнала «The Red Cross magazine» («Красный крест») за тот же год.

Для настоящего издания в основу взят русский текст из журнала «Солнце», который подвергся небольшому сокращению и частично литературной правке.

Автор записок увидел поезд смерти на Дальнем Востоке 18 ноября 1918 года, после полуторамесячного путешествия заключенных в самых невыносимых условиях, когда более трети узников уже погибло от голода, холода и от пули белогвардейцев. Конечно, меньше всего Рудольф Бьюкли хотел вызвать сочувствие к большевикам и привлечь симпатии к советскому строю. Но потрясенный ужасами этого страшного поезда, он нарисовал правдивую картину мучений заключенных и нечеловечески жестокого отношения к ним со стороны белогвардейских властей Сибири и Дальнего Востока.

Поэтому записи сыграли положительную роль. Тогда, в 1919 году, они обратили внимание общественного мнения США на позорную роль, которую взяло на себя правительство, направив на территорию Советской России для борьбы против советского народа свои войска. Как тогда, так и в последующие годы записи Бьюкли были на вооружении прогрессивных деятелей США, таких, как Альберт Рис Вильямс, который, как он сам

пишет, «очень часто упоминал об этом постыдном поезде смерти в своих речах перед американскими слушателями и в своих книгах».

Рудольф Бьюкели и другие рядовые сотрудники американской миссии Красного Креста сочли своим долгом предпринять шаги для облегчения положения заключенных. Но вместе с тем, читая записки, нельзя не видеть, как эти попытки рядовых сотрудников Красного Креста становились в резкое противоречие с общей линией высших сфер оккупантов. «Мы делаем это, — замечает Бьюкели, — не имея никаких полномочий, но перед лицом описанных ужасов нам безразлично, кто и как об этом думает».

Когда об ужасах поезда смерти стало широко известно рабочим Дальнего Востока и Сибири, благодаря помощи которых только и поддерживалась жизнь заключенных, белогвардейские власти, за спиной которых стояли иностранные интервенты, постарались сорвать и не допустить оказание дальнейшей помощи. Харбинские железнодорожники организовали фонд помощи, намереваясь закупить на собранные средства продовольствие и медикаменты для узников. Тогда белогвардейские власти распорядились отправить поезд обратно, в Читу, причем было заявлено, что «с больных позаботятся в госпитале в Фовейорди» (станция недалеко от Харбина). «Но это был обман для того, чтобы отвести поезд от Харбина». И умирающих заключенных продолжали держать в холодных вагонах без пищи, без всякой помощи, а белогвардейцы из банды головореза Семенова выхватывали из их среды все новые жертвы.

Пытаясь установить причины столь зверского и бесчеловечного отношения к заключенным, автор записок считает повинной во всех этих ужасах русскую систему, понимая под этим неаккуратность и халатность чиновников, не обеспечивших нормальное содержание заключенных.

Подобные рассуждения — это, конечно, плод ограниченного политического кругозора автора, сформировавшегося под воздействием потоков клеветы, которую обрушилась на сознание простых людей Америки буржуазная пропаганда.

Будучи пропитан этой лживой пропагандой, автор не замечает, что во всех этих и многих других ужасах, которые он наблюдал на захваченной интервентами и белогвардейцами территории Сибири и Дальнего Востока, повинны не русская система и не отдельные чиновники, а система капитализма. Ведь без мощной поддержки и помощи со стороны иностранных империалистов, в том числе и американских, ни самарский Комуч, ни впоследствии Колчак, ни многие другие контрреволюционные правительства на территории России не могли бы продержаться и одного дня. Не секрет, что именно американские империалисты снабжали белочехов и Колчака оружием, боеприпасами и другими военными материалами. Только за короткий период, с августа по 20 ноября 1918 года, по далеко не полным данным, США передали белочехам и сибирским белогвардейцам 200 тысяч винтовок, 220 тысяч снарядов, большое количество орудий, пулеметов и патронов.

А после того, как Колчак произвел переворот, объявив себя верховным правителем России, США взяли на себя полное вооружение его армии, снабжение ее обмундированием и обувью.

Да и та же миссия Красного Креста, сотрудником которой был автор записок, была послана в Россию американскими монополиями не только и, может быть, не столько для облегчения страданий нуждающихся. Известно, что эта организация была использована американскими империалистами для ведения шпионской и подрывной работы против Советов. Через Красный Крест империалисты США снабжали белогвардейцев медикаментами, обмундированием и даже оружием. Именно через миссию Красного Креста США доставили Колчаку в 1918 году 350 тысяч пар армейской обуви и много другого военного имущества.

И в наши дни империалисты США теми же методами, как и раньше, стараются задушить национально-освободительное движение в странах Азии, Африки и Латинской Америки, подавить стремление народов к свободе и независимости.

* * *

Мы печатаем записки Рудольфа Бьюкели как свидетельство американского гражданина, который близко соприкасался с порядками, установленными в Сибири и на Дальнем Востоке в период иностранной военной интервенции. Излишне подчеркивать, что автора записок никак нельзя заподозрить в симпатиях к революции, а тем более к большевикам.

Вот что рассказал Рудольф Бьюкели в своем дневнике.

* * *

Восемнадцатое ноября 1918 года. Я в Никольско-Уссурийске, в Сибири. За последние два дня я видел столько горя, что его хватило бы на всю жизнь. Попробую записывать, как смогу, то, что я видел.

Я много читал о тюрьме в Калькутте. Мне рассказывали об изнуренных голодом и туберкулезом русских солдатах, возвратившихся из германских лагерей для пленных. Всего лишь месяц назад я был сторонником братоубийственной войны и проповедовал доктрину ненависти. Сегодня я смиренno прошу прощения за мои помышления и умоляю от глубины души дать мне возможность внести свою долю работы для улучшения участия людей, независимо от их национальности. Быть может, настанет когда-нибудь день, когда этот мир превратится в великое братство и то, что я видел, — станет невозможным.

Я видел мертвцев, чьи тела были изъедены червями еще до того, как они расстались с жизнью после

шести недель мучительного голода, грязи и холода. Клянусь богом, я не преувеличиваю!..

То, что я видел, повторяется по всей Сибири, и тысячи, нет — десятки тысяч людей буквально сгниют до смерти. Я говорю это сознательно, потому что жизнь — это самая дешевая вещь в Сибири. Каждую ночь, перед тем как лечь спать, я делаю свои записи, пока я еще нахожусь под впечатлением виденного; и я вызываю любого — пусть он посмотрит на эти картины и попробует писать связно. Прошлой ночью по пути домой, пройдя с доктором Розетом по поезду, я почувствовал ужасную слабость. Если бы кто-нибудь рассказал мне о том, что я слышал и видел, я посчитал бы это ложью. Сегодня я сижу и записываю все это в надежде, что простое описание подробностей облегчит меня, я снова смогу разумно мыслить, серьезно и добросовестно работать.

Этот поезд смерти (под этим названием он сейчас известен всей Восточной Сибири) вышел из Самары приблизительно полтора месяца назад. Русские железнодорожные служащие подтверждают, что станцию Маньчжурия, т. е. 1200 миль к западу отсюда, этот поезд прошел, по крайней мере, три недели назад. С того времени он прошел через станции Хайлар, Цицикар, Харбин и Мулин, двигаясь все вперед и вперед, словно проклятый, по стране, в которой его несчастные пассажиры находят мало пищи и еще меньше жалости...

Как я говорил, — поезд смерти вышел из Самары почти два месяца назад в сопровождении нескольких русских офицеров. В нем находилось 2100 человек*, арестованных по самым различным причинам. По-видимому, это были гражданские лица. Некоторые из них были большевиками, другие были взяты из самарской тюрьмы. Когда чехи и русские заняли Самару, они очистили всю тюрьму, набили арестованных в этот поезд и отправили на Восток.

Еще до того, как мы обнаружили в Никольске этот отвратительный караван, в нем умерло 800 человек от голода, грязи и болезней. В Сибири ужас и смерть

* В этом эшелоне было не 2100, а 2700 человек, следовательно, погибло заключенных значительно больше 800. — Сост.

Заключенные одного из вагонов поезда смерти

встречаются на каждом шагу в таком масштабе, что потрясли бы самое черствое сердце.

Насколько мы могли сосчитать, вчера в поезде было 1325 человек мужчин, женщин и детей, запертых в этих страшных вагонах. За прошедшую ночь умерло еще шестеро. Постепенно они вымрут все, если поезд оставят в таком состоянии.

Это может показаться жестоким, но мне невольно пришла в голову мысль, что для того, чтобы безболезненно убить этих несчастных, потребовалось бы яду не больше чем на три доллара, или долларов на 10 патронов. И все же в течение недель этот поезд из 50 вагонов странствовал от станции к станции, и каждый день все новые трупы вытаскивали из него.

В каждом вагоне размером 24 фута на 11 находилось от 35 до 40 человек, а двери вагонов открывались очень редко, разве только затем, чтобы выбросить тела умерших или выпустить женщину, которой было бы лучше быть мертвой.

Мне говорили, что когда поезд тронулся в путь, во многих вагонах было по 60 человек, но потом смерть позаботилась дать другим больше места. Я видел умирающих и слышал их предсмертный хрип. Одни были полуголые, и паразиты кишили на их телах. Другие лежали в полусознательном состоянии.

Ничего похожего на санитарное обеспечение в поезде не было. И скопление грязи и нечистот, в которых жили и умирали эти люди, не поддается описанию.

Русский офицер, возглавлявший этот эшелон, пытался давать какие-то несвязные объяснения причин, по которым эти люди подвергались таким ужасным лишениям и издевательствам. Он пытался сочинить какую-то историю. Предполагалось, что в пути их будут регулярно кормить на различных станциях, но часто по несколько дней они не получали даже хлеба. И если бы не доброта крестьян-бедняков, которые со слезами на глазах отдавали им то немногое, что могли, они остались бы абсолютно без всякого питания.

Я разговаривал с женщиной-врачом, которая выполняла работу представителя Красного Креста в Красной гвардии. Высокообразованная, интеллигентная женщина лет сорока. Она находилась в этом поезде много недель. Я разговаривал с молоденькой девушкой, лет

восемнадцати, красивой, хорошо воспитанной. Если не прийти к ней на помощь, то она умрет в этом поезде. Ее одежда состояла из грязной блузки и тряпки, наподобие нижней юбки, пары чулок и туфель. У нее нет пальто — в эту жестокую зимнюю стужу! Я разговаривал с человеком, который вообще не понимал различия между Красной гвардией и гвардией любого другого цвета. Его жена поссорилась с другой женщиной, которая, очевидно, написала донос. В ту же ночь он был арестован в своем доме и обвинен в принадлежности к Красной гвардии. В течение ближайших 48 часов он умрет. Я говорил с человеком, который, идя вечером домой с работы, остановился, чтобы спросить о причине какого-то уличного инцидента. Полиция арестовала многих в собравшейся толпе. Среди арестованных оказался и он. Он умрет в поезде.

Эти рассказы не могут быть подтверждены, так как рассказывающие умирают. Я видел их умирающими, а на следующее утро их трупы выбрасывали из вагонов подобно мусору. Живые оставались равнодушными. Они знают, что их очередь будет следующей. Может быть, они даже завидуют тем, кто отмучился.

Доктор Скэддер и доктор Менджет минувшей ночью отправились во Владивосток и сделают все, что в их силах, чтобы довести до сведения надлежащих властей обо всем, что они видели. Я послал несколько телеграмм.

Приехал мистер Дж. Н. Стронг, прибывший из Пекина менее 24-х часов назад, и сейчас же посланный нам в помощь. Он передал мне кое-какие новости... Наши руки связаны «дипломатией». Люди умирают, в то время как идет бесконечная болтовня о свободе, справедливости, гуманности.

Благодарение богу, что нам посчастливилось задержать поезд. Я не знаю, что случилось, но сегодня по каким-то причинам изменилось отношение русских властей. Они начали кормить пленников и обещали, что разрешат помыть вагоны и позволят этим несчастным людям немного размяться.

Сегодня 130 человек мы отправили в госпиталь и под тем или иным предлогом продолжаем задерживать поезд. Это — главное. Прошлой ночью его должны были отправить обратно, но не отправили; я не думаю, что

русские железнодорожные власти рискнут сделать это, пока мы находимся тут и поддерживаем у заключенных надежду на помощь.

Мы делаем все это, не имея никаких полномочий, но перед лицом описанных ужасов нам безразлично, кто и как об этом думает.

В печати невозможно говорить об участии несчастных женщин, которые находятся в этих ужасных условиях. Все же с ними обращались лучше, чем с мужчинами. Вы, конечно, понимаете почему.

В одном вагоне 11 женщин. Мы сидели и беседовали с ними на смешанном жаргоне из французских, русских и немецких слов. Внутри вагона повешена веревка. На ней 4 пары чулок, принадлежащих этим 11 женщинам. Пол покрыт отбросами и грязью. Никаких средств для очистки нет, ни веников, ни ведер. Женщины неделями не снимали одежды. В центре вагона маленькая печка, вокруг нее на полу щепки и куски угля. По стенам вагона два ряда досок, на которых его обитатели спят ночью и скорчившись сидят днем. Физическое состояние их значительно лучше, так как у них на 11 человек целый вагон, в который мужчин набили бы, как в другие, человек 35.

Прошло еще два дня. После того, как мы прибыли сюда, к поезду прицепили вагон-кухню с большим котлом. И стража заявила, что пленникам дадут немнога супа. Один котел на 1325 человек, и суп в старой заряженной плошке, просунутой в вагонный люк!

Вчера русский офицер взял из одного вагона женщину. Он возвратит ее обратно, когда поезд тронется. В одном из вагонов находится изнуренное существо, которое когда-то было человеком. Он был журналистом. Его жена в этом же поезде. Ей осталось жить несколько дней.

Когда люди поднимаются на ноги, то они заполняют всю внутренность вагона. На нарах, устроенных в два ряда вдоль стенок вагона, лежат как попало, в перемежку мертвые и живые. Сегодня в 8 часов утра охрана сказала нам, что этой ночью умерло три человека и трупы убраны. Когда мы шли вдоль поезда, нас окликнул человек из одного вагона и сказал охране, что внутри мертвый. Мы настояли, чтобы дверь была открыта, и вот что мы увидели: прямо у входа лежало

тело юноши лет 18—19. На нем не было ничего, кроме тонкой рубашки, до такой степени изорванной, что была открыта вся грудь и руки. Вместо брюк на нем был кусок джутового мешка. Ни чулок, ни ботинок. Какие страдания должен был перенести этот мальчик в сибирские холода, прежде чем умер от голода, грязи и холода!

Мы забрались в вагон и обнаружили еще два трупа, лежавших среди живых на втором ярусе нар. Живые почти все были полуодеты, истощены, с ввалившимися глазами. Их сотрясал ужасный кашель. На всех лежала печать смерти. Если им не будет быстро оказана помощь, то они все умрут. Мы заглядывали только в некоторые вагоны, но в одном из них мы заметили маленькую девочку лет одиннадцати. Она рассказала, что ее отца мобилизовали в Красную гвардию. И вот теперь отец, мать и дочь находятся в этом поезде, где они и умрут.

Мы ушли из вагона в 10 часов, так как нам надо было присутствовать при распределении одежды среди австрийских офицеров. Возможно, что в результате нашего вмешательства или что-то произошло во Владивостоке, о чем я не знаю, но в то время, когда мы работали на станции, мы узнали, что заключенных выпустили из вагонов. Мы выбежали наружу и увидели ужасающую процессию, примерно из 45 повозок. На каждой из них сидело по 3—4 заключенных под охраной казака. Мы сейчас же взяли дрожки и сказали кучеру, чтобы он занял место где-нибудь в середине процессии, чтобы мы не особенно бросались в глаза, и отправились вместе с процесссией.

Проехав около 4 миль, мы остановились у городских госпитальных бараков. Здесь заключенных высадили на землю, где они сидели и дрожали от холода. Было уже 4 часа 15 минут пополудни, когда людей стали уводить группами по 8 человек, их стригли и отправляли в баню. Затем, обутые в тоненькие шлепанцы, с чем-то вроде купальных халатов на плечах, они шли, или их вели в другое здание, находившееся примерно в 100 ярдах, в котором стояли ржавые железные койки с грязными соломенными матрацами и такими же грязными подушками. Это уже кое-какие удобства по сравнению с их прежним положением. Мы пробились через

охрану и вошли в помещение. Казачий командир заверил нас, что будут и одеяла. Это было уже кое-что. Но среди этих людей было много таких, которым осталось уже немного жить.

22 ноября. Сегодня мы поднялись в 7 часов и отправились в госпиталь, где мы условились встретиться с доктором Селезневым, старшим военным врачом. Прибыв на место, мы нашли все в ужасном состоянии — более чем на 400 человек больных было только три врача и три сестры. Двое больных умерли в течение ночи. Врачебный осмотр показал, что все живые страдают различными заболеваниями, включая два случая тифа. Здесь мы узнали, что около недели тому назад из поезда выброшены два человека, заболевшие тифом.

Госпиталь, которым располагали врачи, состоял из четырех небольших деревянных домов, в которых от силы можно было разместить 200 человек. Когда мы пришли, то увидели, что на некоторых койках лежало по три человека, коридоры были запруженны телами людей, лежащих прямо на цементном полу. Одно одеяло служило подстилкой, другое было свернуто и заменяло подушку, третьим укрывались. На одном одеяле лежало 8 человек. В комнате, рассчитанной на двадцать человек, помещалось 52. Невозможно было пройти, не наступив на людей. Вид и атмосфера были ужасные.

Доктор Селезnev информировал нас о положении дел. Подтвердилось то, что мне говорили раньше: в течение недель, пока поезд двигался то туда, то сюда, его пассажиры умирали от различных болезней, включая тиф, дизентерию, инфлюенцу и просто от голода.

В официальном рапорте д-ра Селезнева говорилось: «Люди в поезде по неделям оставались без горячей пищи, без кипяченой воды, даже без хлеба. Вследствие недостаточного питания и огромной скученности развились заразные болезни. В добавление к этому появились различные кожные болезни. Я не имел времени систематизировать все заболевания, которыми страдают больные, так как вся энергия персонала госпиталя в настоящее время направлена на то, чтобы помыть и постричь больных, обеспечить их чистым бельем, чаем и пищей, а также найти для них помещение, ибо они призывают непрерывным потоком.

По словам офицеров, сопровождающих поезд, у коменданта станции есть распоряжение отправить поезд обратно на запад. Но я уверен, что среди пассажиров имеется значительное число лиц настолько больных и истощенных, что дальнейшее пребывание в вагонах будет для них роковым».

Мы все еще задерживаем поезд с помощью чешского лейтенанта. Он даже согласился в случае необходимости вывести из строя машину. Прошлым вечером начальник станции показал нам телеграмму с требованием, чтобы в час ночи поезд был отправлен. Но он все еще здесь. В случае, если будет новый приказ лейтенанту, он телеграфирует в ответ, что поезд задерживается препятствиями на пути, но что он принимает все меры к отправке. В случае, если ничего не поможет, он подчинится распоряжению, и поезд будет отправлен.

Сегодня положение в госпитале по-прежнему плохо. Четыре новые смерти, двое умирающих и новый поток больных. Сейчас в госпитале 700 человек. Пришло занять сарай. В помещении 41 фут на 20 на грязном полу на соломе без подушек лежат 42 человека. Уборные неописуемы и отвратительны. Обо всем этом невозможно рассказать.

Вечером прибыл д-р Менджет и сказал, что генерал Грэвс имел продолжительную беседу с японским и русским командующими, которые оба его заверили, что они приложат все силы для того, чтобы сотрудничать с ним. Но, видимо, их слова значат очень мало.

...Мы все еще задерживаем поезд. Мы договорились с русской баней в 3—4 милях отсюда о том, чтобы помыть завтра всех заключенных. Это будет стоить 450 рублей. Они встанут в 6 часов, пойдут в баню и будут мыться по 60 человек сразу. На мытье всех потребуется 10 часов, а может быть и больше.

Наутро следующего дня был жесткий холод. Ночью была сильная вынужда. Стронг в 5 часов уехал в баню, чтобы все подготовить. Менджет и Олсон спали в вагоне, чтобы быть на месте, когда появятся первые заключенные. У меня болит горло, и я собираюсь встать не ранее 8 часов, когда надо будет сменить Стронга.

Они начали в 7 час. 30 мин., так как лейтенант Новак не мог разыскать вагона Красного Креста, который ночью передвинули на другое место.

8 час. 15 мин. утра. Я в бане. Только что сменил Стронга, который пошел завтракать. Баня готова, и мы ждем первую партию. Вдали мы замечаем толпу людей, которые движутся очень, очень медленно, с большим трудом. Многие спотыкаются, и товарищи их поддерживают. В этой партии 120 человек, их сопровождают 15 конвойных с заряженными винтовками, словно у этих несчастных есть сила бороться или бежать, даже если бы они и захотели это сделать. Они могут только брести.

Первые 60 человек вошли в баню. Их отвратительное тряпье горит на костре. В бане каждый получил кусок мыла, и сейчас они скребут себя. Прибыл фургон с 80 свитерами, 450 парами носков и 120 пижамами.

Завтра, когда этот поезд отправится, на нем будет 925 красных крестов, но я все же буду называть его поездом смерти. Нет никакой надобности скрывать тот факт, что почти все эти люди умрут, потому что, как только поезд тронется в путь, все опять будет по-прежнему и вновь из каждого вагона будут выбрасывать трупы.

23 ноября. Сегодня мы уезжаем во Владивосток. Мы сделали все, что могли. Мы только что узнали, что в госпитале заболели тифом еще 30 человек, и бог знает сколько в поезде. Мы закупили ведра и швабры для поддержания чистоты в вагонах, это немного поможет.

* * *

Предположение о том, что поезд смерти так и останется поездом смерти, полностью сбылось. Как только он отправился в путь, с востока на запад, двигаясь взад и вперед от города к городу, ужасные вести о нем стали доходить до Владивостока. Официальное донесение комиссии Красного Креста гласило:

«Нам сообщают, что поезд с заключенными будет передвинут на 10 миль дальше от Никольска, благодаря возмущению, вызванному его присутствием. Там он будет оставлен, и мы сможем следить за его состоянием».

Однако 6 декабря полковник Эмерсон телеграфировал из Харбина, что поезд, теперь уже в составе 38 вагонов, миновал Цицикар по дороге в Читу. Таким образом, мы получили первое известие о том, что поезд

смерти опять в пути и передвигается в Западную Сибирь. Полковник Эмерсон сообщил, что американский консул в Харбине просил русского генерала, ведающего движением на Восточно-Китайской железной дороге, задержать поезд-тюрьму в Бухеду. В этой телеграмме предлагалось задержать поезд и эвакуировать заключенных в бараки, занятые японцами. В этом случае можно было бы закупить в окрестностях достаточное количество продовольствия и обеспечить больных до тех пор, пока из Владивостока не прибудет поезд с помощью.

Другое сообщение от 9 декабря передавало слова служащих русского железнодорожного корпуса в Цицикаре, Фовейорди и на других маленьких станциях, расположенных дальше на восток, что с того времени как поезд вышел из Никольска, несчастные заключенные вновь стали жертвами болезней и нужды. В Цицикаре 120 человек были признаны опасно больными. Со времени отъезда из Никольска 15 человек умерло. Заболело 15 солдат из состава русского конвоя. В каждом вагоне находилось по 32—33 человека. В телеграмме полковника Эмерсона подробно описывалось состояние каждого вагона. По размерам ужасов и страданий оно могло поспорить с тем, что было, когда поезд прибыл в Никольск и мы обратили там на него внимание.

Железнодорожники в Харбине организовали фонд помощи для покупки продовольствия, в этом деле приняли участие и жившие здесь американцы. Полковник Эмерсон сообщил, что необходима немедленная помощь, иначе люди в поезде погибнут.

Офицеры, сопровождающие поезд, получили телеграмму с требованием не высаживать ни одного заключенного на территории Маньчжурии, а везти всех в Читу. В Харбине офицеров информировали, что о больных позаботятся в госпитале в Фовейорди, расположенному в 12 верстах (около 8 миль) от Харбина. Но это был обман, для того чтобы отвести поезд от Харбина, так как госпиталь в Фовейорди не был приспособлен для этого и не принял заключенных. Офицеры растерялись и не знали, что делать дальше, и просто двигались от одного пункта к другому.

Сибирская комиссия сразу же телеграфировала запрос — нельзя ли задержать поезд в каком-нибудь

пункте в Маньчжурии и эвакуировать людей в госпиталь. Медицинское бюро считало это единственным путем для кардинального разрешения вопроса, тем более, что, как считалось бесспорным, поезд представлял собой рассадник тифа.

Мы рассчитывали организовать некоторую помощь, но из очередного сообщения узнали, что поезд проследовал за Читу далее на запад.

Таким образом, очевидно, что 38 вагонов с заключенными продолжают медленно передвигаться от станции к станции, в то время как список мертвых и умирающих растет с ужасающей быстротой.

Все это — наглядная иллюстрация положения в Сибири.

Пошла другая неделя. Сообщение комиссии от 16 декабря гласит:

«Трагические злоключения пленников поезда смерти, сведения о котором впервые были получены из Никольска от работников Красного Креста, с каждой неделей увеличиваются. Как сообщалось на прошлой неделе, поезд двигался в направлении Читы и Красный Крест пытался добиться распоряжения, чтобы состав задержали в каком-либо пункте, где умирающих людей можно было бы госпитализировать во избежание эпидемии. Но сейчас, после продвижения на запад, поезд как будто бы опять повернули обратно, на Владивосток. 10 декабря армейская разведывательная служба получила донесение, что поезд проследовал через станцию Маньчжурия 7 декабря по пути в Читу.

Через 3 дня поступила другая телеграмма с сообщением, что поезд был повернут в обратном направлении и, вероятно, находится сейчас где-то в окрестностях Цицикара, в середине Маньчжурии, на Китайско-Восточной железной дороге.

Совершенно ясно, что поезд просто перебрасывается из одного пункта в другой. И везде власти не разрешают высаживать заключенных и не желают брать поезд под свою ответственность».

Проходят дни и ночи, недели складываются в месяцы, и все меньше и меньше становится несчастных, по мере того, как смерть неумолимо собирает свою жестокую, непрекращающуюся дань.

ПАЛАЧИ ОТ «ЧИСТОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Под вечер 7 июня 1918 года нашу коммунистическую дружину (в составе ее были и беспартийные рабочие), находившуюся бессменно в окопах на берегу реки Самары, сменил только что прибывший на подмогу уфимский отряд. А рано утром 8 июня войска мятежного чехословацкого корпуса переправились через реку и захватили город.

Захват Самары интервентами был совершен не без помощи подпольной белогвардейской организации, созданной здесь эсерами и реакционной кликой бывшего офицерства царской армии.

Защитники Самары в ночь на 8 июня были более спокойны и уверены в прочности положения, чем в

Хатаевич Мендель Маркович (1894—1937) — видный партийный работник, член КПСС с 1913 года. С 1914 по 1917 год находился в ссылке за революционную деятельность. После Февральской революции работал в Гомеле. С 1918 года — в Самаре на руководящей партийной и советской работе. После освобождения Самары — на партийной работе в Гомеле, в Самаре, на Западном фронте. В 1928—1932 годах был секретарем Средневолжского крайкома ВКП(б), затем секретарем Днепропетровского обкома КП(б)У, избирался в состав ЦК КПСС.

М. М. Хатаевич

шен на грузовике в сторону реки Самары в четыре часа утра. Мы еще не знали, что мятежники вступили в город. Нам сообщили по телефону, что одна из милицейских частей кем-то обстреливается. На перекрестке улиц Льва Толстого и Самарской мы столкнулись совершенно неожиданно для себя с наступающими цепями противника, продвигающимися по Самарской улице. Мы спешились, укрываясь за выступами домов, установили пулеметы и вступили в перестрелку.

Через несколько минут после ощущения небольшого

предшествовавшего три-четыре дня.

Пришедшие 7 июня значительные по тому времени подкрепления (кроме уфимского, пришел еще красногвардейский отряд в пятьсот человек из Симбирска) давали некоторое основание для такого оптимизма. Многие из товарищей, не спавшие несколько ночей подряд, устраивались соннуть в клубе где-нибудь на столах или на полу, меньше всего ожидали, что через три-четыре часа они будут разбужены стрельбой вступившего в город врага.

Наш небольшой отряд (из дружины при штабе революционной охраны) с одним тяжелым и двумя легкими пулеметами был бро-

шен на грузовике в сторону реки Самары в четыре часа утра. Мы еще не знали, что мятежники вступили в город. Нам сообщили по телефону, что одна из милицейских частей кем-то обстреливается. На перекрестке улиц Льва Толстого и Самарской мы столкнулись совершенно неожиданно для себя с наступающими цепями противника, продвигающимися по Самарской улице. Мы спешились, укрываясь за выступами домов, установили пулеметы и вступили в перестрелку.

Через несколько минут после ощущения небольшого

толчка винтовка, бывшая у меня в правой руке, непропорционально выпала, а рука бессильно опустилась. Потребовалось не менее одной минуты для того, чтобы я сообразил, что ранен. Ранен я был выстрелом не из цепи, наступавшей против нас, а предательской пулей откуда-то со стороны. Стреляли члены подпольной белогвардейской организации, выступившие в этот момент в нашем тылу на помощь интервентам.

В нашем маленьком отряде уже было несколько раненых и убит пулеметчик. Видя невозможность сдержать значительно превосходившие нас силы противника и обстреливаемый белым офицерством с флангов (из окон и с крыш), наш отряд стал отступать к Волге. Я же, чувствуя наступающую слабость, вошел в калитку ближайшего двора на Самарской улице, чтобы там где-нибудь, если удастся, укрыться и получить первую помощь. Это был очень большой двор с множеством деревянных флигелей. Мне помнится, что я стучался в несколько дверей, но жители, напуганные стрельбой на улицах, не решались открыть. Только в самом конце двора меня впустили в небольшую хибарку, где, к моему счастью, оказалась знавшая меня коммунистка Сосновская. Ее муж, коммунист-польян, недавно вместе с ней приехавший в Самару, в это время был в другом нашем отряде, прикрывавшем артиллерию, которая стояла на Хлебной площади. Сосновская быстро втащила меня в какой-то подвал и полотенцем перевязала руку. Силы меня покинули. Несколько часов до первой медицинской помощи провел я в этом подвале, временами в полном беспамятстве, иногда в полузабытии. Как мне потом передавали, перевязывал меня доктор Клячкин.

Спустя много часов, уже к вечеру этого дня, меня на носилках понесли в Шихобаловскую больницу.

Сознание только временами возвращалось ко мне; один из этих моментов глубоко запечатился в моей памяти. Какой-то белогвардец, вооруженный винтовкой, отвернулся простыню, которой было закрыто мое лицо. Злобно ругаясь, он приставил острие штыка к моей груди. Я уже ощущал холод этого штыка и посейчас удивляюсь тому совершенному безразличию и апатии, с которой воспринимал все происходящее. Очевидно, упадок сил, ослабление энергии и воли к жизни,

вызванные громадной потерей крови, были тому причиной. Несшие меня на носилках и сопровождавшие их молодые девушки или женщины (к сожалению, я до сих пор не знаю, кто же тогда спас меня от такой близкой смерти) подняли крик на всю улицу. Они уверяли солдата, что я их родственник, раненный случайно шальной пулей. Вцепившись в руку, уже собравшуюся нажать на штык, они сумели меня отстоять.

Дней десять лежал я в Шихобаловской больнице. Но вот нашим подпольщикам, оставшимся в городе, стало известно, что белогвардейские власти собираются учинить облаву в больницах на раненых коммунистов и красноармейцев, чтобы забрать их в тюрьму. И накануне этой чистки больниц товарищи решили перевести меня в более безопасное место. Меня поместили... в родильный дом.

В этой больнице для рожениц, содержателем которой был доктор Шаргородский, я оставался около двух месяцев. Доктор Власов, ныне умерший, посещал меня там регулярно, и при его помощи раны мои стали заживать.

Товарищи из подпольной организации, проявившие ко мне очень большое внимание, поместили меня временно, до приискания лучшего, на квартире некоего Гандурина, тогда жившего в Самаре. Жена его, не бывшая никогда большевиком и близким к нашей партии человеком, тем не менее проявляла ко мне самое чуткое товарищеское отношение. Сам же Гандурин все время смотрел холодно и косо в мою сторону и не особенно старался скрыть свое недовольство и боязнь. Это вынудило меня на третий день пребывания в этой квартире покинуть ее, не дождавшись другого убежища.

Имея сведения, что на дачах скрывается много наших ребят, я решил направиться туда же и там где-нибудь устроиться. Я не опасался быть узнанным, ибо в Самаре до переворота я жил не более трех месяцев, да и ранение и выросшая после ранения борода изрядно изменили мою внешность.

Я сел в трамвай, чтобы ехать на дачи, но на третьей или четвертой остановке был арестован унтер-офицером контрразведки по указанию какого-то опознавшего меня обывателя. Это было 17 августа. Меня повезли на извозчике в номера «Львов» по Самарской улице, где по-

мещался, кажется, штаб охраны или какое-то другое карательное учреждение белых.

Хотя в больнице я был записан под вымышленной фамилией, но, будучи опознан, при допросе подтвердил свою настоящую фамилию и принадлежность к большевикам. Не желая подводить никого из помогавших мне укрываться, я отказался отвечать на вопрос о моем местопребывании за предыдущее время. Рассвирепевшие каратели подвергли меня жестокому избиению: долго колотили рукояткой нагана по лицу и по голове, засовывали дуло револьвера в рот и угрожали немедленно спустить курок, били каблуками по забинтованной груди, где раны еще не закрылись. Никаких ответов больше от меня они не получили. Во время избиения я потерял сознание. Очнулся спустя несколько часов в арестном помещении при учредиловском штабе охраны. Я был весь разбитый, в синяках и кровоподтеках, с запухшим лицом.

На следующий день меня допрашивал уже без рукоятки следователь ведомства юстиции при Комитете членов Учредительного собрания, и в тот же день вечером я был отправлен в тюрьму, откуда попал сразу в тюремную больницу. Вид у меня при этом был таков, что принимавший меня тюремный надзиратель сказал: «Ну, этот больше трех дней не протянет...»

В тюремном больничном бараке, изолированном от главного тюремного корпуса, кроме меня было двадцать — двадцать пять заключенных. В этом бараке я оставался немногим более полутора месяцев, вплоть до вступления в Самару Красной Армии.

5 октября белогвардейцы производили эвакуацию тюрьмы, где находилось в этот момент до трех тысяч арестованных. Из этих заключенных и был составлен знаменитый поезд смерти, об ужасной судьбе всех погибших в который в печати уже сообщалось.

С эвакуацией очень торопились, так как в связи с победоносным наступлением Красной Армии среди белогвардейцев началась паника. Выгнать больных из расположенных в отдалении больничных бараков и присоединить их к общей массе эвакуируемых, собравшихся на главном тюремном дворе, администрация поручила тюремным надзирателям, большинство которых, будучи местными жителями, оставалось в Самаре. Ког-

да они пришли в наш больничный барак с предложением немедленно выходить, часть находившихся там стала было собирать свои вещи. Я же и некоторые товарищи заявили, что мы больны, двигаться не можем и никуда с места не тронемся. Я лично ожидал немедленной расправы с нами. Но, считая гибель свою при эвакуации в железнодорожном эшелоне (при отсутствии перевязок и т. д.) также неизбежной, все же пришел к выводу, что останется больше шансов на спасение, если мы не тронемся с места. Нашему примеру последовали и остальные. Нам угрожали сейчас же позвать казачий конвой, но мы все же не двигались с места. Очевидно, конвой торопился — ему было не до нас, и нас оставили в покое.

После этого мы провели в тюремной больнице два жутких и вместе с тем радостных дня. Слышна была приближающаяся стрельба. По орудийному гулу мы определяли все более сокращающееся расстояние, отделяющее Красную Армию от Самары.

К вечеру 7 октября мы были освобождены из тюрьмы самарскими рабочими еще до вступления в город Красной Армии.

1932 г.

Д. И. СТАРОВОЙТОВ

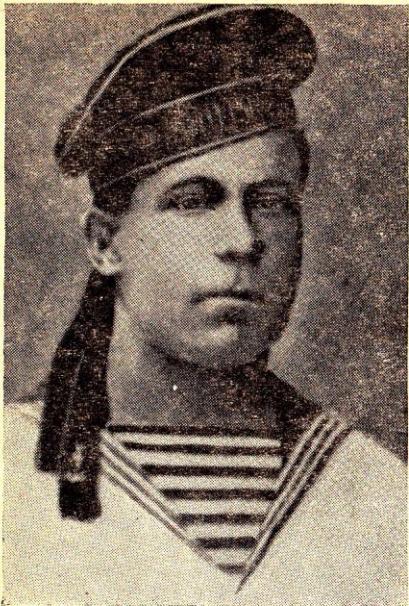
В ЗАСТЕНКАХ УЧРЕДИЛКИ

В дни Октябрьской социалистической революции я находился в Финляндии, в городе Або, где стояла наша часть — 2-я авиационная бригада Балтийского флота.

В марте 1918 года был подписан Брестский мирный договор с Германией. По условиям договора Советское правительство должно было вывести корабли и все соединения Балтфлота из Финляндии. В связи с этим нашу часть перебросили в Самару, куда мы прибыли во второй половине марта 1918 года.

Обстановка в Самаре в то время была очень слож-

Старовойтов Денис Иосифович (р. 1894) — бывший матрос Балтийского флота, член Коммунистической партии с марта 1918 года. До призыва на военную службу был рабочим на Брянском заводе в Екатеринославе (Днепропетровске). В Самару прибыл в составе отряда балтийцев в марте 1918 года. Принимал участие в боях против мятежного чехословакского корпуса. После побега из поезда смерти боролся с интервентами и белогвардейцами в рядах дальневосточных партизан. Впоследствии был на советской и партийной работе на Дальнем Востоке и в Калининской области. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Калининской области.

Д. И. Старовойтов

вес получили представители партий — максималистов, левых эсеров. Даже пост председателя губисполкома некоторое время занимал максималист.

Многие матросы гидроавиации (так именовалась наша часть здесь) были членами Коммунистической партии. Они вели большую разъяснительную работу среди беспартийных матросов, поэтому наша часть была опорой большевиков и Самарского горисполкома, который был всецело большевистским.

С прибытием в Самару нам поручили охрану внутреннего порядка в городе. С этой целью из нашей части ежедневно выделялись специальные команды, которые патрулировали улицы города.

В конце мая было получено сообщение о начавшемся мятеже чехословацкого корпуса. 31 мая мятежники из Сызрани прорвались через волжский мост на левый берег и двинулись вдоль железной дороги на

ной и тревожной. Белогвардейцы при поддержке правых эсеров, меньшевиков, кадетов почти открыто сколачивали силы для борьбы против Советов. Город наводнили вооруженные банды анархистов. Навербованные из темных и уголовных элементов, эти отряды терроризировали мирное население, занимались вооруженным грабежом, пьянизовали, чем дискредитировали Советскую власть, препятствовали установлению порядка в городе.

К этому надо добавить, что и в Самарском губисполкоме в тот период пере-

Самару, тесня немногочисленные отряды советских войск.

По призыву губкома партии наш отряд 1 июня погрузился на пароход. На борту его мы установили четыре пушки и несколько пулеметов. Перед нами была поставлена задача: спуститься вниз по Волге к сызранскому мосту и ударить по мятежникам. Однако наша экспедиция успеха не имела. Не приспособленный для боевых действий пассажирский пароход представлял прекрасную мишень для артиллерии противника, мы же с парохода из-за возвышенных берегов Волги не могли точно определить места расположения мятежников.

2 июня мы вернулись в Самару, а на следующий день, сняв с парохода пушки и пулеметы, отправились на фронт в район станции Липяги.

Наши малочисленные отряды не смогли выдержать натиска во много раз лучше вооруженных регулярных частей чехословацкого корпуса. С большими потерями мы отступили к Самаре.

Во время боя шестеро матросов с пулеметами, в том числе и я, прикрывали правый фланг наших войск. Мы были несколько в стороне, поэтому, когда наши части отступили, мы оказались в окружении. Отстреливаясь, мы пытались пробиться к своим. Четверых товарищей убили, а я и еще один матрос были прижаты к разлившейся реке Татьянке. Бросив пулеметы в реку, мы вплавь переправились через нее. Но, не зная местности, потеряли направление и лицом к лицу столкнулись с отрядом неприятеля. Мы были безоружны, и нас отправили в штаб мятежников на железной дороге.

Так я оказался в лапах белогвардейцев. После того как интервенты захватили Самару, нас вместе с другими пленными отправили в городскую тюрьму.

Сначала меня втолкнули в общую большую камеру, где было уже более сорока человек. Здесь я встретил своих сослуживцев по отряду гидроавиации — Григория Малашевича, Сильвестра Сухорукова, Федора Сазонова, Алексея Зайцева и др. Некоторые из них были захвачены во время неудачного для нас сражения под Липягами, другие, не успев выбраться из города, который они плохо знали, были арестованы в первые дни после переворота. Белогвардейцы боялись держать матросов большими группами в общих камерах, поэтому через

Г. Н. Малашкевич

граммов) хлеба и пол-литра жидкой похлебки.

Однажды к нам в камеру зашел какой-то тюремный чин. Он назывался бывшим морским офицером. Видимо, он хотел прощупать матросов, узнать их настроение и завербовать в белогвардейскую армию. Прикинувшись сочувствующим нам, которые, по его словам, только по своей политической неопытности примкнули к «разрушителям России» — большевикам, он пытался внушить мысль о безнадежности борьбы за Советскую власть.

— Вот вы, матросы, — говорил этот офицер, — считаетесь бывальными, развитыми, а пошли за большевиками, которые разрушили Россию, предали и продали ее Германии... Вы должны теперь своей кровью на фронте против большевиков заслужить прощение России...

Тут мы не выдержали. Матрос Одинцов сказал:

— Вы — офицер и образованный человек, а говорите такую глупость. Мы знаем, за что борются большевики. Они не предатели, а защитники народа.

несколько дней нас рассадили по одиночкам. Но так как в тюрьму непрерывным потоком доставляли все новых арестованных, теперь уже из среды мирного населения, подозреваемых в сочувствии Советской власти, то в камерах для одиночек нас было по три-четыре и даже больше человек. Большинство заключенных валялось на голом цементном полу. Раненым и больным никакой медицинской помощи не оказывали. Узников держали впроголодь: в день давали фунт (400

Другой матрос, Федор Сазонов, разгорячился и, потрясая кулаками, закричал:

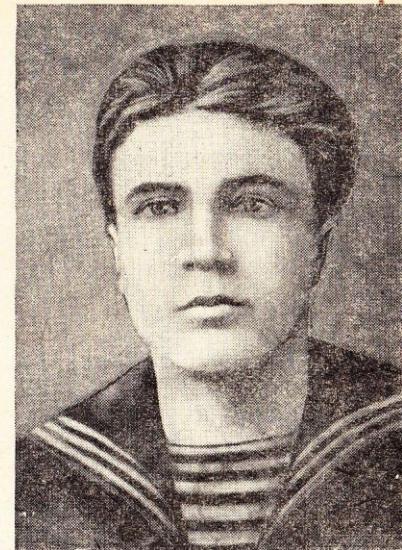
— Вы опять хотите нас топить и вешать, как после девятьсот пятого года. Не выйдет, господин офицер!

Офицер ушел. А в двенадцать часов ночи Сазонова вызвали на допрос, и больше мы его не видели. Много позже мы узнали, что его долго держали в одиночной подвалной камере, часто водили на допросы, мучили. А в сентябре по приговору военно-полевого суда его и еще четырех товарищей расстреляли.

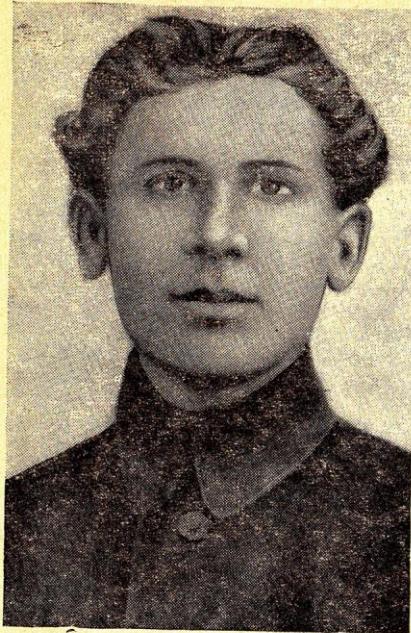
Военно-полевой суд в тот раз приговорил к расстрелу одиннадцать человек. В числе приговоренных кроме Федора Сазонова были еще двое из нашего отряда — Григорий Малашкевич и Сильвестр Сухоруков. Но им повезло. Белогвардейцы повели на расстрел не всех сразу. В первую очередь попали Федор Паршин, Федор Сазонов и еще трое. Их расстреляли... А когда готовились уже вывести остальных, из Комуча пришло решение о замене расстрела долголетней каторгой. Они получили по двенадцать лет каторги и были отправлены в Сибирь.

Пока я находился в тюрьме, каждую ночь из камер выхватывали людей, уводили, и больше они не возвращались. Говорили, что арестованных вывозят на Корсий остростров и там расстреливают.

По мере развития успехов Красной Армии на фронте тюремный режим становился все более жестоким. Охрана тюрьмы, по-видимому, была специально подобрена из самых оголтелых ненавистников Советской власти. Камера, в которой я сидел, находилась на пер-

С. С. Сухоруков

Ф. В. Паршин

видя, что я уже перестал шевелиться, охранники ушли.

Голод, скученность и антисанитария подрывали физические силы заключенных, многие заболевали. А в тюремную больницу брали только с обнаруженными заразными болезнями, все остальные оставались в камерах на попечении своих товарищей, которые еще не окончательно потеряли силы.

У меня начались сильные головокружения и рвота. Вызванный товарищами тюремный фельдшер заявил, что это результат крайнего истощения. Однако в больницу меня перевести не разрешили, хотя я не мог уже держаться на ногах. В таком же положении были сотни других товарищей.

Самарская подпольная организация большевиков оказывала помощь заключенным. Через подпольный Красный Крест и профсоюзы, используя все другие возможные пути, большевики доставляли в тюрьму продукты. Эта помощь многих спасла от гибели. Но

вом этаже, ее окно выходило на тюремный двор. Однажды перед окном нашей камеры остановилось несколько солдат-охранников, и, возможно, умышленно они начали громко толковать о скором падении Москвы, грубо издеваясь над нашими вождями. Я не стерпел и крикнул из окна:

— Кишка тонка у вас завоевать Москву. Пожалуй, скоро и из Самары драпать придется.

Охранники рассвирепели, ворвались в камеру и жестоко избили меня прикладами. Я думал, что меня прикончат совсем. Но

обеспечить питанием заключенных, количество которых все увеличивалось, было невозможно.

Волнующие и тревожные дни мы пережили в начале сентября. Один из заключенных коммунистов в передаче с воли получил запеченную в булку записку. В ней товарищи сообщали, что солдаты одного из полков белой армии, распропагандированные большевиками, готовятся к восстанию. Выступление этого полка намечалось на самые ближайшие дни. Предполагалось, что ночью по установленному сигналу солдаты расправятся с белыми офицерами и освободят из тюрьмы политзаключенных. Одновременно должны были выступить большевистски настроенные группы солдат и в других частях.

Трудно описать наше душевное состояние в последующие дни. Надежда сменялась сомнениями, радость — отчаянием. Нам уже называли определенную дату начала восстания. Но, увы, за два дня до этого срока белогвардейская контрразведка раскрыла заговор. Нам передавали, что многих солдат белые расстреляли, многих присудили к каторге.

В эти дни охрану тюрьмы полностью приняло военное ведомство учредилки. Во двор ввели воинскую часть, в нескольких местах установили пулеметы. Теперь охрана без предупреждения стреляла, если кто-либо из заключенных осмеливался подходить к окну. А по ночам из камер еще чаще стали брать большевиков и всех, кого контрразведка считала наиболее опасными.

Все мы, большевики, находившиеся в тюрьме, с часу на час ждали расправы. Ночью почти не спали, прислушиваясь к шагам в коридорах, к скрежету открываемых замков и дверей.

И вот однажды многим из нас объявили:

— Приготовиться с вещами!

Хотя мы были уже подготовлены к самому худшему, но при этом распоряжении сердце drognulo. Значит, конец. Прощайте, товарищи...

Нас вывели во двор. Там было много заключенных, а из камер выводили все новые группы. У забора с винтовками наперевес цепью стояли солдаты.

Это происходило днем, и не похоже было, чтобы такую массу людей осмелились расстрелять среди

бела дня. И действительно, один из надзирателей шепнул, что нас повезут в лагеря для военнопленных. Мы вздохнули с облегчением.

Нас пересчитали, окружили плотной цепью конвоя. Начальник конвоя прочитал нам напутствие: шаг в сторону будет считаться побегом, а конвойным приказал: в случае побега стрелять без предупреждения.

Мрачная колонна вышла из ворот тюрьмы. Изможденные, обросшие, в грязных отрепьях, мы производили жуткое впечатление. Многие были настолько истощены и больны, что без посторонней помощи не могли идти. Более сильные товарищи вели их под руки.

Еще до того как нас вывели, около тюрьмы собралась толпа народа, главным образом женщины. Это были родственники арестованных, которые какими-то неведомыми путями узнали о предстоящей эвакуации партии заключенных. Женщины стремились передать своим родным продукты, одежду. Но конвой и близко не подпускал их к нам...

Нас привели на станцию и погрузили в товарные вагоны. Условия в пути в битком набитых вагонах были кошмарны. Но в этот раз мы все же меньше испытывали невзгод и лишений, чем впоследствии, когда нас везли в Сибирь. Сейчас нас отправляли в Тюцкие лагеря.

В Тюцких лагерях нас разместили в грязных и холодных бараках с выбитыми стеклами. Был сентябрь с холодными ночами, а у нас, арестованных летом, не было ни теплой одежды, ни постельных принадлежностей. На ночь, когда наступало время ложиться спать, мы валились все в плотный ряд, на один бок, чтобы как-то согревать друг друга. Перевертываться на другой бок приходилось всем одновременно, по команде крайнего. На край ложились по очереди. Пробыв крайним определенный срок, этот товарищ переходил в середину, чтобы согреться. Таким образом, большая часть ночи у нас проходила в перемещениях.

Кроме усталости и изнеможения от недосыпания, нас еще больше, чем в тюрьме, мучил голод. Заключенному полагался на день фунт хлеба. Но давали здесь значительно меньше, к тому же сырого и горького. Не

лучшего качества была и похлебка, которую мы получали один раз в день.

Крестьяне окрестных сел, узнав, что в лагерь привезли большевиков и пленных красноармейцев, пытались помочь нам. Но вся беда была в том, что передачи принимались лишь от родственников определенным лицам. А крестьяне, конечно, не могли знать фамилий заключенных.

Были попытки со стороны крестьян перебрасывать за колючую проволоку хлеб. Но конвой пресекал это самым жестоким образом.

Помню такой случай. Одна крестьянка долго упрашивала часового разрешить ей передать буханку хлеба в лагерь. Часовой, ругаясь, гнал ее прочь. Но вот часовой отвлекся, и женщина, воспользовавшись этим, положила буханку прямо на колючую проволоку. Один из заключенных потопился подбежать к проволоке и потянулся за хлебом... В этот момент часовой обернулся. Он быстро вскинул винтовку. Не успели мы крикнуть товарищу, как раздался выстрел, и заключенный повис на проволоке. Он был убит наповал...

Этот случай произвел на всех нас тягостное впечатление, и мы начали искать способ вырваться из этого ада.

Я подружился с двумя товарищами, бывшими красноармейцами. Сейчас не могу вспомнить их фамилий. Одного, кажется, Котов. И мы решили, что лучше погибнуть от пули охранников, чем переносить такие мучения. Сговорились бежать.

На нашем пути было много препятствий. Нужно было незаметно выйти ночью из барака, недалеко от которого был караульный пост, затем перебраться через проволочное заграждение, проползти открытую площадку, где находилось караульное помещение, а потом подкопаться под высокий забор. Дальше нужно было переплыть или перейти вброд небольшую речку, а там — на все четыре стороны.

И вот, выбрав удобный момент, мы выскоились из барака и подползли к проволочному заграждению. Перелезть через него оказалось невозможным. Пришлось подкапываться. Это заняло несколько минут. Впереди — открытая площадка...

При разработке плана побега мы не учли одного

очень серьезного обстоятельства. Ночи были лунные. Это и сгубило нас. Часовой, по-видимому, заметил нас или услышал шум. Раздался выстрел, поднялась суматоха, забегали охранники.

Недалеко был какой-то небольшой сарайчик без двери. Мы вползли в него, двое прижались в угол, а я оказался около входного отверстия. Ждем, что будет дальше. Слышим шаги, возбужденные голоса. Идут к нашему сарайчику.

Бежать некуда. Подошли пятеро, один направил на меня свет фонаря, остальные взяли на прицел.

— А, вот он, голубчик. А ну, выходи!

Я вышел, и палачи обрушили на меня град ударов прикладами. Я упал оглушенный.

— Сколько вас? — спросил охранник.

У меня мелькнула мысль, что они, может быть, не заметят третьего товарища, прижавшегося в угол. И я ответил: «Двое».

— Врешь, собака! — и на меня посыпались удары.

Затем охранники закричали моим товарищам, сидевшим в сарае:

— Выходи!

Те молчали и не выходили. Тогда солдаты дали залп в сарай. Один товарищ вышел, а другой застонал. Он был тяжело ранен.

Нас заставили вынести из сарая раненого. Один из охранников тут же еще раз выстрелил в него, и он затих.

А нас повели в карцер, награждая по дороге ударами. Рассадили в одиночные камеры.

Я очутился в темном, сыром и холодном каземате. В изнеможении свалился на прибитую к стенке доску. Но часовой направил в форточку, проделанную в дверях, ствол винтовки и приказал встать. Остаток ночи я стоял не двигаясь. Это было, кажется, самое тяжелое испытание из всего, что я пережил.

Утром в камеру ввалился фельдфебель с двумя охранниками. В руках у него была плетка.

— Что, хотел к большевикам бежать? — злорадствовал фельдфебель. — Я отучу вас бегать. Жалко, что вчера не прикончили вместе с твоим дружком.

Приговаривая так, палач хлестал меня плеткой, пока лицо не залилось кровью.

Утром следующего дня в коридоре послышались шаги, звон шпор. Надзиратель открыл дверь в камеру и скомандовал: «Встать».

Пожаловал сам комендант лагеря. Молча постоял передо мной, размахнулся и изо всех сил ударил по лицу. У меня потемнело в глазах, зазвенело в ушах, и я упал. Офицер, не говоря ни слова, повернулся и вышел.

С таким примерно распорядком дня продержали нас в каземате неделю. А затем вместе с другими заключенными погрузили в вагоны и повезли в Сибирь.

Везли нас в Сибирь в таких же условиях и так же мучили, как и узников других поездов смерти. Я не буду вдаваться в подробности этого пути. Об этом есть воспоминания других товарищей. Отмечу лишь, что если часть узников нашего эшелона осталась в живых, то этим мы обязаны бескорыстной помощи нам со стороны рабочих тех станций и городов, мимо которых проходил наш страшный поезд. Несмотря на грубость, окрики и запреты наших конвоиров, невзирая на явную опасность быть убитыми или арестованными, рабочие и их жены пробирались к эшелону и ухитрялись передавать нам хлеб. До конца дней наших мы не забудем этой братской солидарности сибирских товарищей, которые по заданию подпольных организаций Сибири организовывали нам помошь.

В пути, между Уфой и Челябинском, я решил сделать еще одну попытку вырваться на свободу. Ко мне присоединилось четверо товарищей. Обсудили, обдумали и приняли решение выброситься в люк, когда поезд замедлит ход на подъеме.

И вот этот момент наступил. Бросили жребий, кому прыгать первому. Досталось матросу Боровкову. Еще до наступления ночи мы заняли места около люка. Глубокой ночью, когда большинство обитателей вагона забылось во сне, мы приготовились к побегу. Тихонько открыли люк. Помогли Боровкову подняться к люку, поддержали. Боровков был ловкий парень. Как кошка он пролез в узкий люк и бросился вниз. Насколько мы могли судить, прыжок был удачным. Счастливого пути, дорогой товарищ!

Поднимается другой. Но с этим товарищем вышла большая неудача. Полой своей куртки он зацепился за

крюк у окна и застрял. А поезд пошел быстрей. Парень растерялся и крикнул. Мы не успели ничего предпринять, как с одной из ближних тормозных площадок раздался выстрел. Товарищ вскрикнул еще раз и, оторвавшись, полетел вниз. Нам послышался стон. Он, по-видимому, погиб.

Поезд остановили. Конвойные стучали в каждый вагон, спрашивали, из какого вагона бежали. Мы прикинулись спящими, сказали, что у нас никто не собирается бежать. Так конвой ничего и не узнал. Но нас предупредили, что в следующий раз, если случится побег, из вагона будет расстрелян каждый десятый.

Сорок дней нас везли в этой страшной тюрьме на колесах. Нигде, ни в одном городе Сибири, нас не принимали ни в тюрьму, ни в лагерь. В ноябре нас привезли во Владивосток. Казалось, что здесь, где кончается русская земля, нас обязательно высадят из вагонов. Ведь ехать дальше некуда! И те, кто остался жив, с надеждой ждали этой минуты.

Но нет. И здесь в тюрьме не оказалось свободных мест. Дальневосточные белогвардейцы проявляли не меньшее рвение в арестах, чем их самарские и сибирские собратья. И нас отправили обратно в Никольск-Уссурийский.

Два дня нас держали в эшелоне на станции Никольск-Уссурийский. Затем приказали выйти из вагонов.

Огромная толпа заключенных представляла страшное зрелище. Многие не в состоянии были держаться на ногах и неподвижно лежали на холодной земле. Их остались около эшелона, и дальнейшую судьбу их я не знаю. А всех остальных, еще способных передвигаться, построили и повели. Как потом оказалось, вели в тюрьму или в какие-то бараки, приспособленные для заключения.

Когда мы отошли от города примерно полкилометра, сзади послышался конский топот. Прямо на нас мчалась галопом группа казаков. Они налетели на задние ряды и принялись хлестать заключенных нагайками. К нашему счастью, вмешался наш конвой, который прекратил эту расправу. Казаки с руганью повернули обратно. Впоследствии мы узнали, что здесь, в царстве кровавого атамана Калмыкова, почти все

партии заключенных встречались оравой пьяных казаков, которые тешались тем, что шашками плашмя и плетками избивали людей, топтали их конями. В нашей партии было ранено человек десять. Считалось, что мы легко отделались.

Но и в здешней тюрьме не оказалось места. На ночь нас загнали в какое-то нежилое здание. Голодные, раздетые, смертельно усталые и подавленные мрачными предчувствиями, мы провели очень тяжелую ночь, почти не смыкая глаз.

Наступило пасмурное утро. Заключенные попросили часового разрешить принести воды из видневшегося недалеко колодца. Часовой разрешил. Двое заключенных взяли ведра и направились к колодцу. Часовой не выпускал их из поля своего зрения.

Я еще с вечера решил, что отсюда удобнее всего бежать. С раннего утра был наготове, ждал только подходящего момента. Вот теперь, пока часовой стоит спиной к выходу и немного даже отошел в сторону, этот момент наступил.

Выскользнув из двери, я тихо иду к соседнему зданию, в противоположную сторону от часовного. Хочется со всех ног бежать, но невероятным усилием сдерживаю себя. Жду, что вот-вот сзади раздастся выстрел или оклик часового... Но все тихо. Навстречу мне марширует рота японских солдат. Стараюсь сделать безразличное лицо... Все обошлось благополучно, я отошел на приличное расстояние, теперь уже и выстрел был бы не опасен.

Свобода! Но не так-то просто сохранить свою свободу, у меня ни денег, ни продуктов, ни адреса, куда я мог бы явиться. Что делать?

Вблизи — небольшая речка, точнее ручей, на противоположном берегу — густой кустарник. Перехожу на ту сторону, ложусь в кустах и не двигаюсь до наступления темноты. На мне матросский бушлат и рваные ботинки, которые плохо защищали от ноябрьского холода. К ночи продрог до костей, тело от неподвижности онемело. Ночью стало еще холоднее. До самого утра не смыкал глаз.

С наступлением утра осторожно продвигаюсь к городу. Добрался до железнодорожной станции Никольск-Уссурийский. Вижу около депо рабочего, под-

хожу к нему, откровенно говорю, кто я такой и откуда и прошу указать, где найти приют.

Рабочий не очень удивился, видно, это был не первый такой случай. Он посоветовал идти в рабочий поселок и указал дом, в который зайти. Нашел этот дом. Встретили как родного, обогрели, накормили, дали пару белья, шапку, снабдили хлебом и проводили за город по дороге в село Глуховку, в котором советовали зайти к жителю этого села Краснову.

У Красновых ночевал, а утром на следующий день они проводили меня в село Раковку к Кириллу Петровичу Степаненко. В селе Раковке я прожил до марта 1919 года. В марте участвовал в организации крестьянского восстания против колчаковской власти, затем в рядах дальневосточных партизан, а позже — Народно-революционной армии Дальневосточной республики боролся против белогвардейцев и иностранных интервентов до тех пор, пока весь Дальний Восток не был очищен от них.

1958 г.

А. Т. БИРГЕЛЬ

БУДЬТЕ ПРОКЛЯТЫ, ИЗВЕРГИ!

— Выходи во двор!

Торопливые шаги караульных, щелканье тюремных замков, шлепанье полубосых ног по каменному полу — все это было как-то не похоже на обычную тюремную жизнь.

В жуткой тишине происходило что-то такое, что не могло предвещать нам ничего хорошего.

Вот шаги караульных замерли около двери нашей камеры, щелкнул замок. Охранник открыл дверь и приказал:

— Собирай вещи, выходить на тюремный двор!

А когда почти трехтысячная толпа грязных, оборванных, босых, с худыми обросшими лицами арестованных собралась на тюремном дворе, с короткой

Биргель Антонина Тенисовна (1900—1959) — работница, член КПСС с 1917 года. При обороне Самары от мятежного чехословакского корпуса была санитаркой в отряде Красной гвардии. При учредилке была арестована белогвардейцами и увезена в Сибирь в поезде смерти. После освобождения из заключения работала в особом отделе V армии. Вернувшись в Самару в 1921 году, продолжала работать в губчека, на профсоюзной и партийной работе.

А. Т. Биргель

комым улицам, многие мысленно прощались навсегда с теми, кто был дорог сердцу.

Привели на воинскую площадку на станции, где, как оказалось, стоял специально для нас приготовленный поезд. Женщин посадили в отдельные вагоны, забили двери и люки. Мы очутились точно в мешке.

Так я оказалась пассажиркой страшного поезда, получившего название поезда смерти.

Прежде чем рассказать о том, что пришлось испытать в пути, коротко остановлюсь на том, как я попала в тюрьму.

* * *

*

До первой мировой войны мы жили в Риге, отец работал на заводе. В 1915 году, когда стали эвакуировать некоторые заводы, мы тоже покинули город и приехали в Самару. Отец устроился здесь плотником.

«речью» выступил начальник конвойного отряда Новак.

— Каждого, кто попытается бежать, — сказал он, — будем расстреливать на месте. По дороге не разговаривать, не оборачиваться.

Он отдал распоряжение построить нас в шеренги, пересчитать и вести.

Вести... куда?

Отряд ждал темноты. А когда она наступила, мы, окруженные двойной цепью солдат и казаков, сопровождаемые пулеметами, тронулись в путь.

Куда нас вели, мы не знали. Идя по

знакомым улицам, многие мысленно прощались навсегда с теми, кто был дорог сердцу.

Привели на воинскую площадку на станции, где, как оказалось, стоял специально для нас приготовленный поезд. Женщин посадили в отдельные вагоны, забили двери и люки. Мы очутились точно в мешке.

Так я оказалась пассажиркой страшного поезда, получившего название поезда смерти.

Прежде чем рассказать о том, что пришлось испытать в пути, коротко остановлюсь на том, как я попала в тюрьму.

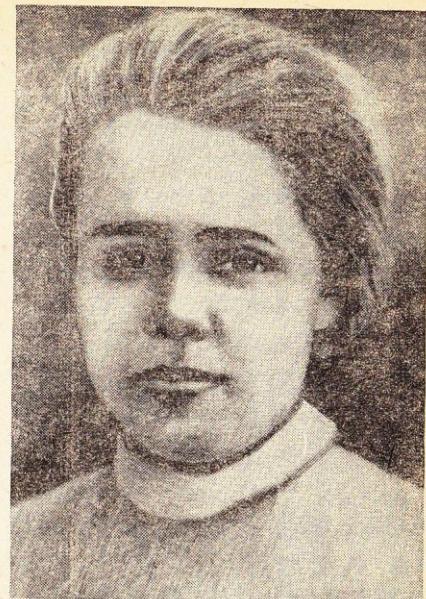
В нашей семье кроме отца и матери было трое детей. Мне, самой старшей, исполнилось четырнадцать лет, а сестренка и братишко были еще совсем дети. Заработки тогда были очень низкие, цены же на жизнь непрерывно росли. Того, что получал за свой труд отец, конечно, не хватало для содержания семьи. Мы голодали.

Нужно было как-то помочь семье. Я решила искать работу. После долгих поисков, унизительных просьб и отказов мне удалось наконец поступить в швейную мастерскую. Принадлежала она интенданству, то есть военному ведомству.

После Октябрьской социалистической революции члены самарской организации большевиков С. И. Дерябина, М. О. Авейде, В. К. Адамская и другие, посещавшие нашу мастерскую, вели среди работниц политическую пропаганду. Благодаря этим коммунисткам я и группа других моих товарок в декабре 1917 года вступили в ряды партии большевиков.

Я стала посещать собрания и лекции в клубе коммунистов. Общение с Дерябиной и Авейде, доклады и лекции таких людей, как А. А. Масленников, В. В. Куйбышев, А. Х. Митрофанов и другие, которых мы всегда слушали с захватывающим вниманием, раскрыли нам, молодым работницам, глаза на происходящие события, сделали нас активными защитниками нового строя.

В конце мая 1918 года было получено сообщение о начавшемся контрреволюционном мятеже чехословацкого корпуса в Пензе и Сызрани. А затем мятежники прорвались за Волгу и двинулись к Самаре.

М. О. Авейде

С. И. Дерябина

гающихся событий. Мы также вступили в отряды, чтобы отдать свои силы на защиту завоеваний Октября.

Началась усиленная учеба. Женщин в течение нескольких дней обучали санитарному делу. Вскоре полученные знания пришло применить на деле. В бою с мятежниками у станции Безенчук я выполняла роль санитарки. Здесь я была легко контужена и отправлена в госпиталь, но на другой же день выписалась, а 4 июня снова приняла участие в бою под Липягами.

Нам пришлось отступить, так как силы мятежников в несколько раз превосходили наши численностью и вооружением. При переправе вплавь через реку Свинуху я сильно простудилась и слегла. Но когда мятежники захватили Самару, я, опасаясь преследований, все-таки вышла на работу, сказав администрации, что не была до этого в мастерской из-за болезни. Однако работать пришлось недолго. Однажды во время обеденного пере-

На экстренном общегородском собрании коммунистов 30 мая был поставлен на обсуждение вопрос об отпоре наступавшим мятежным частям корпуса. Собрание единодушно постановило считать всех членов партий, способных носить оружие, мобилизованными. Каждый коммунист получил оружие. Так создалась партийная дружина, которая вместе с отрядами рабочей Красной гвардии впоследствии защищала подступы к городу.

Мы, женщины и девушки — коммунистки, разумеется, не остались безучастными зрителями надви-

рыва в мастерскую вошел незнакомый человек, назвал ряд фамилий и приказал названным следовать за ним. За углом работница ожидал конвойный отряд. Командир отряда заявил, что мы арестованы, и предложил следовать в управление комендатуры, помещавшееся тогда в доме на углу улиц Саратовской и Алексеевской (сейчас улицы Фрунзе и Красноармейская), а уже через час я была брошена в темный и сырой подвал.

С этого дня началась жизнь, полная ужасов, ежедневных пыток, издевательств и насилий.

Особенно жутко было по ночам, когда одного за другим арестованных уводили неизвестно куда, и они больше не возвращались. Многие были расстреляны прямо в подвале на глазах у остальных арестованных. Каждый ждал своей очереди. Ждала ее и я. Но судьба избавила меня от пули.

Из подвала комендантского управления меня перевели в самарскую тюрьму, где я встретила С. И. Дерябину, М. О. Авейде, В. К. Адамскую и других наших коммунисток, также оказавшихся арестованными.

* * *

Поезд стоял на станции Самара очень долго, отправился лишь к рассвету. В первый момент все мы были настолько подавлены случившимся, что даже не обра-

В. К. Адамская

тили внимания на неудобства в вагоне. Но мало-помалу отсутствие нар и почти абсолютная темнота дали себя знать. Вагон достался нам совершенно неубранный, грязный. К тому же сказывалось отсутствие уборной.

Было страшно тесно. Мы могли только сидеть на полу скрючившись. А среди нас были и пожилые женщины и дети.

Боялись мы, что нас увезут в Сибирь. На дворе стояла уже осень, приближалась холода, а большинство ехало в кофтенках, да и те стали сползать с плеч. Поэтому понятно, с каким нетерпением мы ждали станцию Кинель, где должна была решиться наша судьба: поедем мы в сибирском или ташкентском направлении.

Проехали Смышляевку, Алексеевку, вот и Кинель. Небольшая стоянка, и мы поехали дальше. Прильнув к щелям в стенах вагона, мы напряженно всматривались. Но вот и выходные стрелки. Поезд пошел на Сибирь.

Наступивший день не принес облегчения. Для нас и день стал ночью. А скоро начались во время стоянок подозрительные выстрелы. И чем дальше удалялись от Самары, тем чаще раздавались ружейные выстрелы. Это охранники расправлялись с нашими товарищами.

Когда проехали Уфу, участились побеги. В ответ охрана беспощадно расправлялась с оставшимися. Новак останавливал в поле поезд, выводил арестованных из вагонов, приказывал строиться в шеренгу и рассчитаться на десять. Каждого десятого расстреливали на глазах у всех.

Нахальнее и безжалостнее стали обращаться с заключенными женщинами. Озверелые белобандиты с револьверами в руках вначале по ночам, а затем и днем стали появляться в нашем вагоне и притеснять женщин. Не ограничиваясь этим, офицеры под предлогом допроса вызывали женщин в свой вагон и там набрасывались на беззащитных, точно звери.

Женщины всячески старались спрятать нас, девушки, от глаз офицеров. Мы прятались во время стоянок по углам вагона, но избежать тяжкой участи никому из нас не удалось.

Доехали мы до Никольска-Уссурийского. Здесь, благодаря вмешательству рабочего населения и отчасти американского Красного Креста, первый раз вымылись в бане, нам выдали белье. Неизвестно почему, часть

женщин была снята с поезда и куда-то уведена. Осталось несколько человек, преимущественно политических.

Из Никольска-Уссурийского, к нашему удивлению, поезд тронулся в обратном направлении. Как издевалось офицерье над женщинами во время обратного пути, страшно вспомнить.

Ко всему я заболела и не помню, как была снята с поезда и как очутилась в омской эпидемической больнице. Здесь я пролежала около трех месяцев и была взята на поруки одним знакомым самарцем по фамилии Клеккер.

* * *

Мне было тогда восемнадцать лет, но домой я вернулась искалеченной, изуродованной белобандитами на всю жизнь. Очевидно, немногим из женщин, которые были пленницами поезда смерти, удалось избавиться от такой же участи.

Пусть будут навеки прокляты изверги, отнявшие у детей их отцов и матерей, искалечившие жизнь тысячам трудящихся, пытавшиеся с помощью наемных иностранных войск снова вернуться к власти, снова закабалить рабочих и крестьян!

Пусть будут навеки прокляты все, кто помогал врагам советского народа в их борьбе против Советской власти, против рабочих и крестьян!

1922 г.

В ЭШЕЛОННЕ СМЕРТИ

Рано утром 8 июня 1918 года белочехи заняли Самару. Дольше всех держался клуб коммунистов. Его долго обстреливали, но отряд не сдавался. Число защитников становилось все меньше и меньше... А враг прибавлял огня все больше и больше.

Росло число убитых и раненых, которые лежали здесь же. Пал последний пулеметчик... Осталось всего человек сорок, держаться дольше было невозможно.

Решили вывесить белый флаг. Тихо стало кругом... Всех охватила одна мысль, одно чувство: что будет дальше?

Впереди всех с высоко поднятой головой и белым

Зальцман Лия Григорьевна (1877—1943) — врач, член КПСС с 1918 года. В конце 1917 года, когда самарские отряды Красной гвардии вели борьбу против атамана Дутова, захватившего власть в Оренбурге, она возглавляла полевой санитарный отряд на фронте. Во время обороны Самары от мятежного чехословацкого корпуса Зальцман руководила санитарной службой советских отрядов. После возвращения с Дальнего Востока, куда она была увезена белогвардейцами в качестве заключенной, была на руководящей работе в органах здравоохранения на Северном Кавказе и в Москве.

флагом в руке выходил из клуба незабвенный товарищ Масленников. Желая спасти своих товарищей, он геройски шел почти на верную смерть, не дрогнув ни одним мускулом.

В клубе осталось несколько человек из санитарного отряда (Минкин, Саблина, Козлова, Бешенковская и я) и тяжелораненые. Мы решили не покидать своего поста. Прикрепив на рукава знаки Красного Креста, мы заняли места около раненых.

Послыпался шум. Враг приближается...

Вошли солдаты и бросились к раненым. Мы не дали им расправиться с товарищами. После угроз солдаты оставили нас и принялись грабить имущество клуба.

Около клуба тем временем собралась толпа. Крик, шум, гам... Здесь собирались торговцы, домовладельцы, бывшие полицейские и все те, кто ненавидел Советскую власть, кто с первых же дней Октябрьской революции мечтал о восстановлении старого строя. Для них наступил праздник. Они восторженно приветствовали интервентов. Выкрикивая антисоветские лозунги, контрреволюционеры расправлялись с захваченными в плен большевиками Венцеком и Штыркиным.

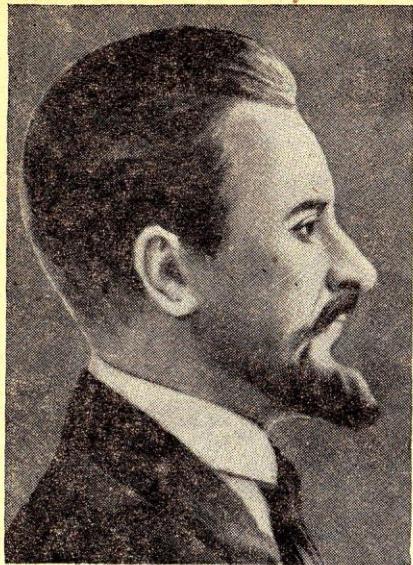
Бот как я оказалась в плену у белогвардейцев.

Должна добавить, что в этот день, 8 июня, мне удалось бежать из плена. Дней десять я скрывалась. А затем начала выполнять кое-какие задания наших подпольщиков-большевиков.

Так я прожила до 7 августа, когда в десять часов

Л. Г. Зальцман

Ф. И. Венцек

В четверг 3 октября в городе стало очень тревожно. Красная Армия взяла Сызрань и двигалась к Самаре.

Утром 5 октября мы получили известие, что наши должны завтра занять Самару. Настроение было повышенное. Минута казалась часом. Уже пять часов. Вдруг послышался шум... Во двор вошел большой отряд конвоя. Стали выводить заключенных, перекликать и обыскивать их.

Вывели всех, даже некоторых больных, которые еле держались на ногах.

Когда мы вышли во двор, уже было темно. Стояла жуткая тишина, нарушаемая лишь канонадой. Нас построили в ряды, окружили густым конвоем и повели к железной дороге.

Дошли до товарного поезда, в который всех нас загнали. Семьдесят женщин втиснули в один вагон. У некоторых были маленькие дети. Раздались крики, стоны, плач детей. Темнота. Где найти угол, чтобы приткнуться? Наконец нас разделили на два вагона. Ночь

вечера была арестована на улице недалеко от своей квартиры.

В самарской тюрьме находилась около двух месяцев.

В сентябре наши дела на фронте стали поправляться. Поэтому и настроение у заключенных было хорошее. Вместе с товарищами Дерябиной, Авейде, Адамской мы читали книги, разбирали различные вопросы.

В последних числах сентября в городе разнесся слух об эвакуации всех заключенных. Перспектива для нас не из приятных.

была кошмарная, все же я уснула. Что было дальше с нами, изложено ниже в моих записках.

* * *

6 октября 1918 года. Утро. Страшное чувство отчаяния охватило меня вчера, когда нас втиснули в товарный вагон. Казалось, конец жизни, конец всему. Так близко была свобода. Красные — в воротах города. А нас в последний час увозят. Вернется ли кто-нибудь из нас обратно?

Два часа дня. Сидим запертые и запломбированные. В вагонах скандалят, требуют, чтобы выпустили для отправления естественных потребностей. В женском вагоне всего тридцать пять человек, а в мужских по шестьдесят-семьдесят, так что стоять даже негде и тут же приходится устраиваться с уборной.

Едем очень медленно, поезд часто останавливается.

7 октября. Уже третий день безвыходно в вагоне. Запасы наши кончились. Начинаем голодать. То же самое происходит и в остальных вагонах. Даже те, у кого имеются деньги, ничего не могут сделать с ними, так как из вагонов никого не выпускают и никому не разрешают подойти к вагонам.

В соседнем вагоне мужчины стали требовать хлеба, стучали, кричали, звали коменданта. Новак, комендант эшелона, пришел и со словами «Вот вам хлеб» выстрелил в вагон. В результате один убитый и несколько раненых. Трудно описать, что творилось в женском вагоне: плач, рыдания женщин и детей.

8 октября. Пережита страшная ночь. Поезд ночью вдруг остановился в чистом поле. Послышалась какая-то возня. Из какого-то вагона вывели людей, отвели в сторону, и конвойный офицер, прaporщик Озолин, расстрелял их собственноручно.

9 октября. Новое развлечение конвойных офицеров — стреляют в вагоны. Сегодня ранили несколько человек. Как хочется помочь товарищам, перевязать им раны. Тяжело от такой пассивности!

10 октября. Сегодня прибыли в Уфу. Все страшно измучились, изголодались. До сих пор нас не кормили. Конвой не подпускает к вагонам желающих поднести

нам провизию. Сегодня недалеко от Уфы женщин выпустили на несколько минут из вагона. Рабочие железнодорожники дали нам провизию и деньги.

11 октября. Уфа. Ночью из вагона бежало несколько человек. Молодцы товарищи! Сегодня нам раздавали хлеб, первый раз за все время. Обещали накормить обедом. Трудно сказать, в чем мы больше нуждаемся: в еде или санитарии. Грязь неописуемая, воды нет, ватера нет — все делается в вагоне. Сидеть приходится на грязном полу.

Обедали на продовольственном пункте. Погода была великолепная. Нас вывели из вагона поставили по две в ряд, кругом густой конвой. Впереди шел конвойный офицер с револьвером в руке (пьяный) и разгонял публику.

На продовольственном пункте встретила много знакомых из мужских вагонов. У всех веселое настроение. Очевидно, влияние принятой горячей пищи после недельного голодаия. Кроме того, мы получили известие, что наша Красная Армия успешно наступает.

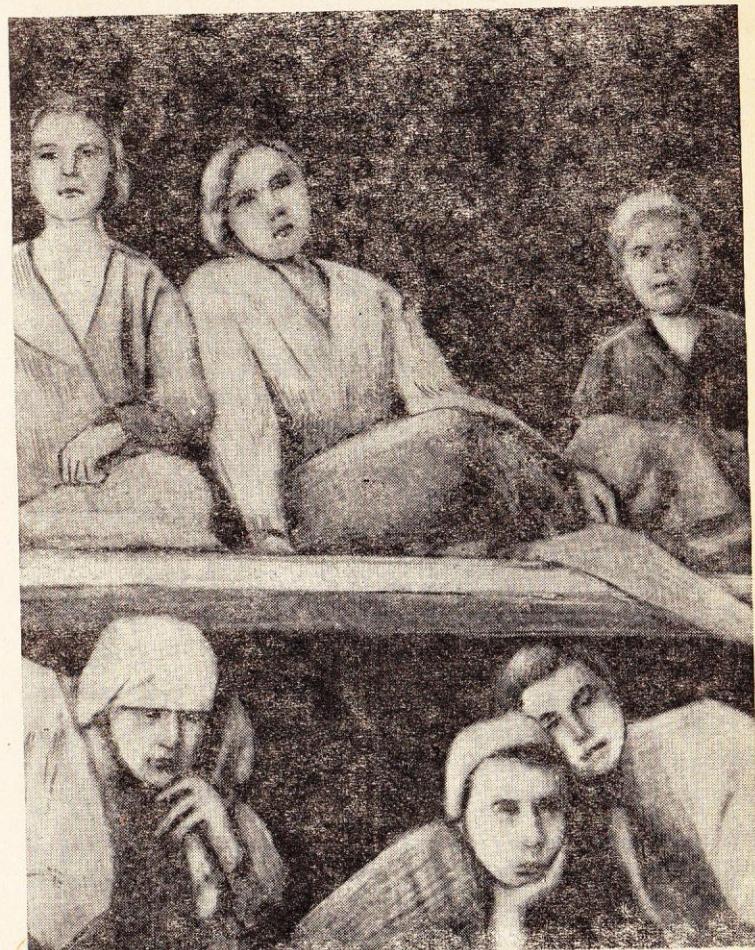
13 октября. По пути из Уфы. Пережили кошмарную ночь. Всю ночь солдаты конвоя стреляли в вагоны. Все же многие бежали.

Ночью вдруг постучали к нам в вагон и сообщили жене арестованного чеха Рушавы, что ее муж ранен.

В эшелоне нет ни медпомощи, ни перевязочных средств, и это в поезде, где содержатся 2700 человек. Раны перевязывают грязными тряпками сами же раненые.

Вечер. Опять стрельба. Крики... Поезд остановился. Я пробую открыть окно, чтобы узнать, что случилось. Конвойному показалось, что в вагоне слишком шумно, и он выстрелил в вагон. Нет слов, чтобы передать наши переживания.

15 октября. Челябинск. Вчера лежала целый день измученная, голодная. Сегодня прибыли в Челябинск. Трудовое население относится к нам весьма сочувственно. Рабочие-железнодорожники, крестьяне приносят продукты, но редко удается передать в вагоны: конвой не пускает. Женский вагон в лучших условиях в этом отношении, и мы сегодня поели. Но наши товарищи в других вагонах голодают. Есть слухи, что нас оста-

Заключенные женщины поезда смерти

вят в Челябинске. Тюрьма кажется нам раem по сравнению с вагоном.

16 октября. Челябинск. Здесь кормили нас на продовольственном пункте. Подкормили, чтобы опять пытать. Сегодня уезжаем в Омск.

17 октября. Петропавловск. Едем быстро. Остановок мало. Мы уже в Петропавловске.

Вечер. Едем дальше. Ночь светлая. Выпал снег. Проехав несколько времени, поезд остановился. Мы услыхали возню, потом залп. Еще несколько товарищей расстреляны. И поручик Озолин добивал их из револьвера.

18 октября. Омск. Вечер. Прибыли в Омск. Нет больше сил. Настроение отчаянное. Я не в состоянии больше переживать ужасные сцены расстрелов. Со вчерашнего дня кажется, что жизнь кончилась.

19 октября. По пути из Омска. Утро. Мы находимся по дороге в Новониколаевск. Едем довольно быстро. Куда?

Наступила зима. Страшно холодно. Лежим на полу. Печки нет. Нет и нар.

День. Поручик Кунак стрелял сегодня в вагон и ранил несколько человек.

20 октября. Новониколаевск. Велись переговоры об оставлении нас здесь. Но совершенно напрасно. Никто нас не принимает. Никому не нужны. Лишние на свете...

Кормили обедом. В первый раз сегодня выпустили из вагонов часть арестованных, которые разносили обед. У них ужасный вид: исхудальные, обросшие, грязные черные лица, оборванная одежда. Дрожь охватывает, когда смотришь на них.

Рабочие ухитрились передать нам белогвардейскую газету. Ни одного слова правды... По сведениям газеты, Самара снова занята белыми. Не верим, однако это сильно нас тревожит. Железнодорожники в Сибири бастуют. Они выставили экономические и политические требования. Выйдет ли из этого что-нибудь?

22 октября. Станция Тайга. За последние два дня пережила много жуткого.

Двадцатого весь конвой был пьян. Целый день стреляли в вагоны. Несколько человек было убито, много

ранено. Целый день мы жили в смертельном страхе. Не хочется умереть от пули пьяного негодяя.

Вчера, 21 октября, поезд долго стоял. Падал снег, поднялась метель. Мы сидели в вагоне, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Вдруг открывают дверь. Появился Колотухин, испуганный, возбужденный. Просит меня возможно скорее пойти в офицерский вагон: ранен офицер.

В офицерском вагоне я увидела такую картину: группа офицеров — все молодые, все пьяные, и не сколько денщиков, тоже пьяные. Посредине вагона сильно натопленная печка. Некоторые офицеры уже заснули. Раненый лежит на нарах, испуганный, бледный. Рана серьезная, в живот. Пуля осталась там.

Интересно, каким образом был ранен белогвардеец: один офицер по ошибке (весыма полезная и счастливая ошибка) выстрелил в офицерский вагон вместо вагона арестованных (был, видимо, порядком пьян), и пуля попала Кунаку в живот.

Конвойные после этого случая стараются быть любезными с врачом. Воспользовалась этим — попросила разрешения посещать товарищей.

На станции Тайга произошли важные события. Рабочие потребовали, чтобы были поставлены печки и сделаны нары. Иначе поезд не пропустят.

23 октября. Станция Тайга. Сегодня сделали нары и поставили печки.

Вечер. Мы едем дальше. Скоро уже Красноярск. Симпатии населения (рабочих и крестьян) к нам очень велики. Они делают что могут, чтобы облегчить наше положение. Провизию несут со всех сторон. Очень часто конвоиры угощают их за это прикладами. Но они не останавливаются ни перед чем. Женщины обливаются слезами, видя, как мы сидим запертыми. Ониплачут и причитают: «Миленькие, соколики несчастные».

24 октября. Красноярск. Сегодняшний день — один из удачных и вместе с тем самый тяжелый: много переживаний. После долгих переговоров с дежурным офицером Колотухиным я получила разрешение оказать медицинскую помощь больным и раненым товарищам. То, что я увидела в мужских вагонах, не поддается описанию. По пятьдесят-шестьдесят человек в вагоне, грязь ужасная, воздух удушливый. На нарах

полно больных тифом и раненых пулями конвойных офицеров, стрелявших в вагоны. Лица грязные, осунувшиеся. Все полуголые и в лохмотьях. Они просят у меня помочь. Просят воды, тепла... Но что я могу сделать, кроме как перевязать их раны.

Режим стал несколько мягче. Мне разрешили вместе с двумя женщинами из нашего вагона носить воду для мужчин. Целый день мы таскали воду, но запас невозможно сделать: у них нет посуды, за исключением маленьких банок из-под консервов, и то не у всех. Допускают сегодня подавать провизию через окна вагонов.

26 октября. Иркутск. Говорят, что дальше нас не могут везти. Начальство поезда ушло в город вести переговоры с местной властью об оставлении нас здесь. Около нашего поезда стоит несколько поездов с солдатами. Рядовые очень сочувственно относятся к арестованным.

27 октября. Отношение к нам населения великолепное. Провизию носят со всех сторон. Приносят газеты, папиросы, деньги. Сочувствие окружающих влияет в нас струю жизни и энергии. Наш поезд представляют с одной линии на другую, чтобы отбиться от посетителей, но это не помогает.

Нас поставили на станцию Иннокентьевка, близ Иркутска. Рядом санитарный поезд, я узнала его: это мой поезд с Оренбургского фронта. Из поезда стали указывать на меня (я смотрела в окно), они меня узнали. Завхоз поезда подошел, чтобы поговорить со мной. На него набросились трое казаков и чуть не застрелили.

28 октября. Мы опять на станции Иркутск. Сегодня была у больных товарищ, число их увеличилось. Различные тифы, дизентерия и т. п. Один фельдшер из санитарного эшелона (самарец) передал мне перевязочный материал и медикаменты.

К счастью, начинают заболевать и конвоиры. Это обстоятельство дает мне возможность чаще посещать больных товарищ, так как начальство вынуждено относиться ко мне лучше: пользуются моими услугами. Целый день носила воду в мужские вагоны, передала газету товарищам, кое с кем разговаривала. Но все остальные сидят по-прежнему взаперти. Все, что в моих

силах, стараюсь делать для облегчения участия товарищей.

29 октября. Иркутск. Надежда на то, что нас оставят здесь, слабеет. Здесь оставляют только уголовных, а нас отсылают в Читу, в распоряжение бандита Семёнова. По местным газетам я успела познакомиться с деятельностью этого разбойника. В женском вагоне стало свободно: уголовных женщин высадили, и нас осталось десять человек. Одно только нас беспокоит: офицеры стали слишком наглы с женщинами.

31 октября. По пути из Иркутска. Вчера вечером выехали из Иркутска. Женщины стали укладываться спать, а я пробралась потихоньку к окну. Вдруг поезд остановился. Слышен голос: «Это вагон красных сестер?» Дверь с грохотом открывается, в вагон входит начальник эшелона, пьяный: «Мне доложили, что в вагоне совершилось преступление. Все в вагоне?»

Поезд снова тронулся, а он полез на нары с револьвером в руках. Стал приставать к женщинам... Одной девушке лет девятнадцати он вывихнул руку. Несколько часов проехал в нашем вагоне, все время грозя револьвером. Наконец поезд остановился, и офицер приказал одной из женщин пойти с ним «на допрос»... Мы все кричали, что не пустим ее. Тогда он стал стрелять в нас. Мы бросились под нары. Когда все это кончится?

2 ноября. Чита. Мы уже в руках разбойника Семёнова. Сидим днем в темноте. Кругом жуткая тишина, которая нарушается только криками истязаемых в вагонах. Семеновские бандиты вырываются в вагоны и бьют товарищней нагайками и шомполами.

Из нашего вагона пьяные офицеры не вылезают. Кошмар, ужас...

3 ноября. Мы все еще в Чите. К поезду посторонних непускают, за исключением казаков, которые делают с арестованными все, что им только вздумается. Часто слышны выстрелы и крики.

4 ноября. По пути из Читы. Нас отправили из Читы. Говорят, что везут на Русский остров, за Владивосток. Никто не знает, что это за место, но мы очень довольны, что уехали из Читы.

6 ноября. Число больных все увеличивается как среди арестованных, так и среди конвоя. Поезд идет с не-

большими задержками, так что у больных почти не приходится бывать.

8 ноября. Харбин. Сегодня санитарная комиссия осмотрела вагоны. Установлено наличие сыпного тифа. Умирают по несколько человек в день. Их трупы выбрасывают по дороге. Товарищи погибают от тифа и ран. Их родные и близкие никогда не увидят, даже не узнают, где они погибли.

9 ноября. Вчера выехали из Харбина. Сегодня получила разрешение осмотреть всех больных. Но, к сожалению, я сама заболела при осмотре первых двух-трех вагонов. Самые здоровые люди, с самыми крепкими нервами не были бы в состоянии спокойно наблюдать те ужасы, которые мне пришлось видеть в вагонах. Люди валяются на полу, в грязи, насекомые покрывают их полунагие тела... Посреди вагона нетопленая печь. Холодно. Больные лежат частью на нарах, частью на полу. Тесно прижавшись к печке, лежали четверо больных со слабыми признаками жизни. Скелеты... Один скончался при мне. Остальные, собравшись с последними силами, просили у меня лекарства...

12 ноября. Вчера днем, часа в два, поезд стоял на каком-то разъезде. В вагонах было тихо. Вдруг заходит офицер Озолин и приказывает одной женщине перейти в другой вагон. Она стала возражать, тогда он силой выбросил ее из вагона. Я не могла удержаться и крикнула: «Как это бесчеловечно!» Он ушел. Через несколько минут вернулся и позвал меня. Когда я вышла, он мне заявил, что должен меня расстрелять за то, что я веду агитацию среди конвоя. Он велел мне стать у телеграфного столба, но затем открыл один из вагонов и, впустив меня туда, стал стрелять... Все в вагоне бросились на пол. Он все стрелял. Затем он открыл двери, еще несколько раз выстрелил. Когда расстрелял все патроны, ушел. Поезд двинулся дальше. В вагоне оказалось трое убитых и несколько раненых. Перевязала я им раны. Через час поезд остановился на разъезде. В это время из вагона, где находился караул, потребовали доктора: больному стало плохо. Дежурный офицер был вынужден выпустить меня из вагона и повести к больному.

Вот так, благодаря случайности, я осталась жива...

Первая система страшно пошатнулась. Мне кажется, что я сойду с ума.

13 ноября. Сегодня в сопровождении конвойного пошла доставать медикаменты в приемный покой. Дошла 50 граммов опийной настойки, вполне достаточная доза, чтобы уснуть навсегда... На душе стало спокойно.

15 ноября. Какое-то странное изменение отношений со стороны самых главных разбойников — офицеров Озолина и Иванова. Они даже достали перевязочный материал, чтобы наложить повязку одному товарищу, которому они же разбили кость бедра и голень. Когда я накладывала повязки, мерзавец Иванов осведомился у меня, будет ли жив пострадавший (это был один из активных сызранских товарищей, фамилии не помню). Кроме того, он пошел к коменданту станции хлопотать, чтобы товарища приняли в больницу; это удалось.

16 ноября. Станция Пограничная. Здесь стоим целый день. Вечером несколько железнодорожных рабочих подошли к окну нашего вагона и рассказали о положении. Ужасные репрессии. При малейшем подозрении железнодорожников увольняют, сажают в тюрьму. Страшный калмыковский грабеж. Арестованных калмыковцев убивают без всякого суда. Крестьяне бегут в сопки, оставляя в деревне только женщин, детей и стариков.

18 ноября. Никольск-Уссурийский. Ночь. Сегодня прибыли в Никольск-Уссурийский. Уже дальше нас, кажется, не могут везти, ибо все в вагонах больны различными заразными болезнями.

20 ноября. Отношение рабочих трогает нас до слез. Они носят нам провизию, одежду. Что с нами собираются делать — неизвестно. Рядом с нашим поездом стоят еще два поезда пленных красноармейцев (в одном венгры), которые отправлены из Тоцкого лагеря еще раньше нас. С венграми обращаются очень жестоко, калмыковские офицеры избивают их нагайками и шашками.

21 ноября. Сегодня мне передали записку с адресом. У меня стало так тепло на душе. Представители американского Красного Креста осматривают наши вагоны, фотографируют и, кажется, что-то хотят сделать для нас.

22 ноября. Кошмарный день. Всех выгрузили из вагонов с тем, чтобы перевести в город. Больные весь день валялись на улице, потом их погнали куда-то, а нас, большевиков, собирались отправить на гауптвахту.

Мы уже отправились туда, но вдруг всех снова вернули, поместили в поезд. Что они собираются делать с нами?

24 ноября. Сегодня целый день отбирали больных для отправки в никольский военный госпиталь. На триста мест я отобрала шестьсот больных. Поместят ли их всех в госпитале? Весь женский вагон вставила в список, чтобы положить конец безобразиям. Дежурный офицер Озолин сначала запротестовал, но потом согласился. Остальных плених повезли обратно в Иркутск. Я поеду провожать больных мужчин в госпиталь. Настроение у меня довольно хорошее. Думаю, что мне удастся здесь вырваться из лап палачей.

30 ноября. Когда я приехала в госпиталь, нашла всех наших женщин в прачечной. Надзирательница прачечной, относящаяся с большим сочувствием к большевикам, устроила меня у себя в коридоре на сундуках и дала чистую постель. Я, пожалуй, еще никогда не испытывала такого огромного физического удовольствия, как в эту ночь. Казалось, что, если мне разрешат жить в этом коридоре, я буду счастливым человеком.

Все улеглись спать, и я осталась одна. Почти всю ночь не спала от избытка приятных ощущений. Но утром почувствовала себя совсем больной. У меня было одно желание: никого не видеть и никогда не вставать. Но пришлось встать: заболела Юза, одна из наших политических. У нее оказалось воспаление легких, и через пять дней она скончалась. Заболели Мадиссон и еще одна девушка. Многие уже умерли. Сплю я все время в коридорчике, обедаю на кухне. Избегаю ложиться в больницу, чтобы иметь возможность связаться с городом; из больницы не выпускают, а тут находусь пока без надзора.

10 декабря. Связалась с железнодорожными рабочими, приходили ко мне, приносили газеты. Познакомили с положением, обещали доставить документы. Заболели сыпным тифом две женщины, самарские боль-

шевички (латышки). Встречаюсь здесь с крестьянами. Калмыковские офицеры грабят и избивают плетьми. Крестьяне бросают все и бегут в сопки к партизанам.

12 декабря. Была в городе. Познакомилась с некоторыми большевиками-подпольщиками, с рабочими. Все рабочие-железнодорожники наперебой приглашают меня к себе, стараются пригреть, накормить, хотя и сами голодают. Мне достанут паспорт, и я уеду во Владивосток. Открывается новая жизнь, новые горизонты — к партизанам!

20 декабря. За это время многое произошло нового. Я часто бываю в больнице, беседую с больными, читаю и разъясняю прочитанное, сообщаю о политическом положении. Чувствую, что мои посещения влияют в них жизнь и энергию. Многие уже выздоровели и переведены в концентрационные лагеря. Здесь в окрестностях находятся около пяти тысяч военнопленных германцев и австрийцев. Познакомилась со многими из них: все враждебно настроены против колчаковской власти. Многие из пленных бежали к партизанам в сопки. Из Владивостока приехал прокурор снять с нас допрос. Оказывается, нас доставили сюда без «дел», так как за два дня до нашей эвакуации из самарской тюрьмы начальник тюрьмы эвакуировался со всеми делами, документами и деньгами. Наш эшелон должен был застать его в Уфе, но его там не оказалось.

Я бываю часто в городе. Встречаюсь с рабочими фабрик и веду переговоры, чтобы поступить туда на работу.

Многие рабочие уходят в сопки к партизанам. Калмыковские бандиты творят нечто невероятное. Сегодня были похороны трех товарищей, изуродованные трупы которых найдены близ города. Несмотря на ужасный террор, все рабочие бросили работу и были на похоронах.

30 января 1919 года. Никольск-Уссурийский арестный дом. В начале января был почти решен вопрос об освобождении всех женщин под надзор местных властей. Я часто бывала в городе, где встречалась с товарищами.

До меня дошли слухи, что послан донос о том, будто я занимаюсь пропагандой. Нужно было что-нибудь

предпринять. В субботу 23 января помощник машиниста должен был отвезти меня на паровозе во Владивосток. Но в этот же день я получила официальное известие, о том, что освобождена под надзор. В понедельник должна явиться за документами в милицию. Когда я зашла к начальнику милиции, ко мне был приставлен конвой и объявлено распоряжение начальника гарнизона об аресте...

Я уже шесть дней в заключении. Была на допросе в контрразведке, мне предъявлено обвинение в большевистской пропаганде. Нахожусь пока в арестном доме, скоро переведут в тюрьму. Милиционеры относятся очень хорошо к большевикам.

7 февраля. Никольск-Уссурийская тюрьма. Сегодня начальник тюрьмы вручил мне обвинение такого содержания: именующая себя врачом еврейка Зальцман обвиняется в большевистской пропаганде и агитации среди больных и служащих военного госпиталя и среди военнопленных...

Настроение у меня бодрое. Низший персонал относится сочувственно, передает газеты и известия о действиях партизан.

10 февраля. По рассказам надзирателей, партизаны подошли близко к Никольску. В городе очень тревожно, безумный белый террор. В Хабаровске было восстание в калмыковской армии. Многие, захватив пулеметы и оружие, перешли к партизанам. Остальные арестованы. Теперь мне не страшно умереть, но еще больше хочется жить, чтобы видеть нашу победу.

20 февраля. Владивостокская тюрьма. Девять дней назад у меня был сильнейший нервный припадок. Явился врач и распорядился перевести меня во Владивосток, где при тюрьме есть больница. Через неделю было получено разрешение начальника гарнизона о переводе, и 19 февраля я прибыла сюда с этапом. Нахожусь в тюремной больнице. Режим сравнительно не строгий. Надзиратели связали меня с коммунарой политических заключенных. Передают записки, книги, газеты. Большевиков в тюрьме много.

15 апреля. Все время лежала больная. Сильное нервное расстройство. Полнейшая апатия. Начинаю поправляться. За это время пришлось много пережить в связи с побегом смертника Абрамова за несколько

часов до казни. С ним бежал тот самый надзиратель, который посещал меня. Кроме того, мне приходилось быть в камере смертника (он лежал в больнице). Подозрение пало, что я способствовала побегу. У меня был строжайший обыск, обыскивали контрразведчики. Ничего не нашли.

18 апреля. Пережила кошмарную ночь. Казнили ночью больного, который доживал последние дни (гнилостное заражение крови после тяжелого ранения). Его понесли к месту казни на носилках и на носилках его расстреляли. Какое варварство!

29 апреля. На днях начала выходить на прогулки после почти трехмесячного лежания в постели. Со мной в больничной камере находится Шимановская, муж которой расстрелян на ее глазах в Благовещенске (комиссар железной дороги). Она была выпущена на руки по болезни и недавно снова арестована. Она меня познакомила с происходящим в Благовещенске после падения Советской власти. Какие ужасы творили там белогвардейцы!

30 мая. Настроение у всех очень хорошее. Вести с красного фронта весьма утешительны. Отбито наступление Колчака на Самару и идет наступление наших.

Примечание составителя. Дальнейшую часть записок, как не связанную с темой сборника, мы опускаем. 19 августа 1919 года в связи с тяжелым заболеванием Л. Г. Зальцман была освобождена из тюрьмы. После выздоровления она в конце октября того же года с помощью большевиков-подпольщиков устроилась на работу в одну из больниц, принимала участие в работе подпольной большевистской организации. Затем в июне 1920 года в санитарном поезде, который отправлялся из Владивостока под флагом международного Красного Креста, она выехала в Сибирь, а оттуда в августе 1920 года вернулась в Самару.

ОТ САМАРЫ ДО ПРИМОРЬЯ

Во время первой мировой войны я находился на Турском фронте как солдат-артиллерист.

Летом 1917 года я серьезно заболел, несколько месяцев лечился в госпитале, а в январе 1918 года по заключению врачебной комиссии был отпущен домой на родину в село Зубовку, Самарского уезда.

По прибытии на родину я, как крестьянин-бедняк, в то время беспартийный, но всей душой сочувствовавший партии большевиков, вместе с другими фронтовиками с головой окунулся в работу по укреплению власти Советов.

В дореволюционный период Зубовка — большое торговое село — славилась базарами и ярмарками. По-

Чубаркин Куприян Яковлевич (р. 1890) — из крестьян, участник первой мировой войны. В 1918 году был арестован белогвардейцами, заключен в самарскую тюрьму, а затем отправлен в поезд смерти. На Дальнем Востоке бежал, вступил в ряды партизан, в рядах которых сражался с белогвардейцами и интервентами до 1921 года. По возвращении с Дальнего Востока занимался сельским хозяйством, с 1924 года находился на советской работе. В 1927 году вступил в КПСС. В настоящее время — пенсионер, живет в Инзе, Ульяновской области.

этому там была большая прослойка торговцев и кулаков. Торговцы, кулаки, да и часть середняков, находившаяся под влиянием кулачества, поддерживали тогда партию эсеров.

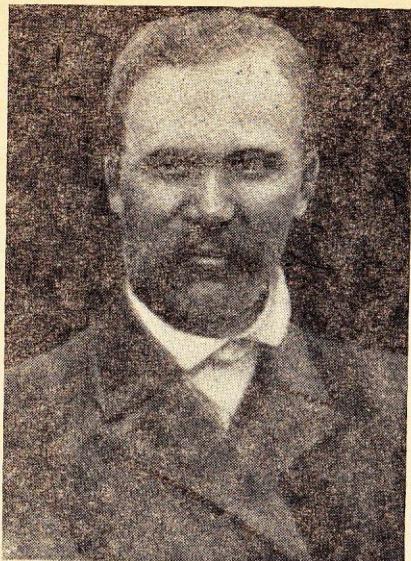
Эта группа противников Советской власти, руководимая учителем Г. Л. Быковым, также представляла большую организованную силу, поэтому классовая борьба в Зубовке носила упорный и ожесточенный характер. Особенно настала обстановка в начале июня 1918 года, когда стало известно о мятеже чехословакского корпуса, который с боями продвигался к Самаре.

Вскоре стало известно о захвате белочехами Самары и об организации там эсеровского правительства — Комуча. А в начале июля в Зубовку заявил в сопровождении двух офицеров представитель Комуча. На базарной площади было созвано многолюдное собрание. Представитель Комуча произнес большую речь о необходимости проведения срочной мобилизации молодежи рождения 1897 и 1898 годов.

В поддержку мобилизации выступил лишь председательствовавший на собрании эсер Быков. Из собравшихся никто не выступил, несмотря на призывы представителя Комуча. Тогда от имени фронтовиков выступили В. П. Карганов и я. Мы категорически высказались против мобилизации. После наших выступлений из толпы собравшихся послышались выкрики: «Никакой мобилизации; хватит, навоевались!» Никакие уговоры со стороны представителя Комуча и председателя

К. Я. Чубаркин

В. П. Карганов

ым стояли в очереди у билетной кассы, к нам неожиданно подошли трое вооруженных солдат и объявили что мы арестованы, и предложили следовать за ними. Когда нас выводили из помещения вокзала, мы увидели стоявшего в углу крупного торговца Яковлева. Нам стало ясно, кто нас предал.

Под охраной нас доставили в Самару и посадили в тюрьму, где мы находились до 5 октября 1918 года.

Вечером 5 октября всех заключенных вывели из тюрьмы, втиснули в грязные товарные вагоны и повезли на восток.

Как только поезд двинулся, нас помимо всего другого начал донимать холод. Почти все были в летней одежде, а ночи в октябре были холодные и ветер через щели вагона пронизывал до костей.

На вторые сутки среди заключенных начались заболевания. Трое уже не могли стоять на ногах и свалились на холодный пол вагона. Чем им помочь? Те из заключенных, которые имели верхнюю одежду, сняли с себя кое-что из нижней одежды, чтобы хоть немного

собрания не имели успеха, и народ начал расходиться. Собрание было сорвано, и уполномоченный учредилки уехал несолено хлебавши.

О том, что происходит в Самаре после ее захвата белочехами, мы не знали. Поэтому, посоветовавшись с ребятами, мы с Каргановым решили поехать на станцию Кинель, где работал мой брат, разузнать о положении в Самаре, чтобы потом уже действовать в зависимости от обстановки.

На станции Сургут, когда мы с Каргано-

прикрыть и согреть больных. На все просьбы об оказании больным медицинской помощи конвой отвечал руганью. На третьи сутки больные один за другим скончались, их трупы не убирают, и они продолжают вместе с живыми следовать на восток.

... Уже трое суток поезд в пути. Узники не получают ни хлеба, ни воды. Стоянка на станции Чишма. Двое заключенных нашего вагона оказались жителями деревень, расположенных недалеко от этой станции. Открыв люк, они увидели на платформе своих родственников. У кого-то нашелся огрызок карандаша и клочок бумаги. Написали записку и, улучив момент, когда конвойир немного отошел от вагона в сторону, бросили ее через люк, надеясь, что родственники возьмут ее, когда конвойир отойдет. К несчастью, конвойир увидел, перехватил записку и передал ее в офицерский вагон.

Через некоторое время к нашему вагону подошли офицеры из охраны, в том числе и начальник поезда Новак. Открыли дверь вагона. Поручик Озолин и солдат, который охранял наш вагон, забрались в вагон и стали пристально всматриваться в лица заключенных. Наконец солдат признал того заключенного, который выбросил записку, и того, кто вместе с ним выглядывал из люка вагона. Озолин приказал им выйти из вагона, но они медлили. Тогда их вытолкнули из вагона силой, отвели метров на 50 в сторону, и поручик Озолин и Новак расстреляли их из пистолетов. Затем приказали вытащить из вагона трупы умерших, и оставили их с трупами расстрелянных.

* * *

Поезд прибыл в Читу, логовище атамана Семенова. Под вечер из соседних вагонов послышались крики. Мы насторожились, не зная, в чем дело. Через несколько минут дверь нашего вагона открывается. Пятеро вооруженных солдат с нагайками в руках залезли в вагон и стали осматривать каждого заключенного, в чем он одет и обут, и все, что представляло какую-либо ценность, забирали. Некоторые из заключенных пытались вразрезить, медлили снимать одежду или обувь, но на них тут же сыпались удары нагаек и угрозы оружием.

У меня верхней одежды не было, но обут я был в крепкие еще сапоги. Их у меня забрали, я остался в одних носках.

На станцию Никольск-Уссурийскую наш поезд прибыл 18 ноября. Вечером к нашему вагону подошли три человека. С разрешения конвойных они передали нам несколько французских булок. В одной мы обнаружили записку такого содержания: «Товарищи, не возлагайте надежд на облегчение своей участи, если вас переместят в лагеря, там положение очень тяжелое, бараки почти не отапливаются, заключенные гибнут от холода и голода. Кто из вас имеет возможность совершил побег из вагона, держите направление в сторону депо к будке стрелочников, мы вам окажем помощь и направим в надежное место. Ваши друзья».

Записка вызвала много споров. Многие, полураздетые и истощенные, не решались на побег, не надеясь на свои физические силы. Лишь четверо из вагона решили этой же ночью попытать счастья. В этой четверке были А. Г. Хохлов, матрос Жуков, я и мой односельчанин Карганов.

Наблюдая из люка, мы заметили, что при проходе пассажирских и воинских поездов по главной линии пути часовые переходили на другую сторону и смотрели на проходящий поезд. Этим мы и решили воспользоваться.

Время было далеко за полночь. Мы подготовились и стали ждать прохода поезда по главному пути. Вот послышался шум поезда. Часовой нырнул под вагон на противоположную сторону. В этот момент мы один за другим быстро стали спускаться через люк на землю и нырять под вагоны рядом стоящего товарного состава. Все обошлось благополучно. По одиночке друг за другом мы направились к будке стрелочников.

В будке было трое рабочих. Они сразу поняли, кто мы и откуда. Один из них сказал:

— Побудьте здесь, ребята, я сейчас сбегаю в депо и принесу вам кое-что из платья.

Вскоре этот товарищ вернулся, с ним было еще двое. Они принесли старые замасленные фуфайки и старые ботинки. Мы оделись и обулись.

Затем двое рабочих проводили нас к домику на окраине города. На стук вышел хозяин. Ему объяснили,

что мы за люди, он пригласил нас в дом, разбудил жену и сказал, чтобы она приготовила для нас поесть. А сам оделся и, сказав, что скоро вернется, ушел. Действительно, скоро он вернулся, с ним пришел еще один рабочий. Они принесли нам валенки и шапки.

Когда мы поели, хозяин дал нам записку и сказал, что нас проводят до тайги, покажут дорогу в поселок Раковку, где живет Кирилл Петрович Степаненко. С рассветом мы пустились в путь. Провожавший нас рабочий довел нас до опушки леса, объяснил, как найти поселок Раковку, и часа через четыре мы уже были в доме К. П. Степаненко, который жил вместе со своим братом Иваном Петровичем, сельским учителем.

К. П. Степаненко устроил нас сначала к владельцу небольшой паровой мельницы на работу по заготовке дров в тайге, примерно в 5—6 километрах от поселка. Там была землянка, в которой мы поселились. В этой землянке мы прожили больше месяца, занимаясь распиловкой дров. За нашу работу хозяин хорошо кормил нас и снабдил бушлатами, которыми мы заменили промасленные телогрейки, полученные от деповских рабочих в Никольске. За этот месяц мы окрепли, набрались сил.

В первых числах января 1919 года к нам приехал К. П. Степаненко. Он информировал нас о положении в Приморской области. Произвол и террор белогвардейских карательных отрядов вызывают гнев и возмущение крестьянства. В связи с этим следует готовиться к активным действиям. Затем Степаненко изложил свой план. Он выглядел так: в Никольске-Уссурийском заместителем начальника уездной милиции работает Соколовский, с которым он имеет связь. Через Соколовского можно будет достать документы и поступить в милицию в селе Анучино. В волостной земской управе в Анучино работают свои люди, с ними надо установить связь. Дальнейшие действия будут зависеть от общей обстановки.

Мы согласились с этим планом. На следующий день Степаненко поехал в Никольск к Соколовскому за документами и договориться о поступлении некоторых из нас в милицию в селе Анучино. Опасаясь, что в Никольске могут быть списки бежавших из поезда смерти, мы выбрали себе другие фамилии, и этот список дали

Степаненко. Я стал именоваться Сергеем Васильевичем Сабановым, мой земляк Карганов — Петровым, А. Г. Хохлов — Колотиловым.

Через несколько дней Степаненко привез нам из города удостоверения личности и распоряжение из уездной милиции о зачислении меня и Карганова (теперь уже Петрова) в штат Анучинского отделения милиции.

Через день или два мы явились в Анучино к начальнику районной милиции Архангельскому. Он был очень доволен, что уезд позаботился прислать к нему людей, тем более в письме было сказано, что эти люди (т. е. мы) проверены и будут надежными блюстителями порядка. В первые же дни нам были выданы шинели, сапоги, шапки.

По рекомендации Степаненко мы установили связь с работниками волостной земской управы Синицыным, Белкиным и Глушаком. В это время в районах Приморья партизанская борьба против белогвардейцев развернулась уже довольно широко. Синицын, Белкин и Глушак сообщили, что у них ведется подготовка к вооруженному выступлению и что они имеют связь с соседними районами.

Во второй половине марта 1919 года Синицын, Глушак и Белкин информировали нас с Каргановым-Петровым, что на днях из ближайшего поселка в Анучино прибудет небольшой вооруженный отряд под командой местного учителя, как вестник начала вооруженного восстания. Нам поручалось подготовить всех работников милиции к добровольной сдаче всего имевшегося в наличии оружия, арестовать начальника милиции Архангельского и его подручного Дмитриева, которого мы прозвали Корявым. Этот Дмитриев особенно люто ненавидел большевиков. Мы с Каргановым с глазу на глаз поговорили с каждым милиционером. Возражений не встретили, потому что мы давно уже вели среди личного состава милиции соответствующую работу.

На следующий день рано утром в Анучино вступил небольшой вооруженный отряд и окружил здание милиции. Большинство милиционеров находилось в помещении милиции, но начальника милиции еще не было. Мы с Каргановым дали команду выйти всем на улицу и добровольно сдать оружие. Все милиционеры сложили оружие — несколько винтовок и наганы. Затем

мы со своими ребятами из поезда смерти и несколько человек из прибывшего отряда во главе с учителем направились к квартире начальника милиции и без всяких осложнений арестовали Архангельского и Корявого.

После этой операции мы пришли к земской управе. Синицын пригласил нас с Каргановым в одну из комнат, где уже находились Глушак, Белкин и еще двое. Нам сказали, что есть договоренность о создании ревкома для руководства вооруженным восстанием и что наши с Каргановым кандидатуры намечены в состав ревкома.

Вскоре около земской управы собралось много народа. Глушак, как руководитель земской управы, открыл собрание и предложил для руководства вооруженным восстанием трудового народа против белогвардейцев избрать ревком. В ревком были избраны семь человек: Глушак, Синицын, Белкин, Карганов-Петров, Сабанов и два человека еще из крестьян, фамилий которых я не помню.

После закрытия собрания состоялось заседание ревкома. Его председателем был избран Глушак, заместителем Сабанов, секретарем Синицын.

На этом же заседании решено было обратиться с воззванием к населению района с призывом подняться на вооруженную борьбу с белогвардейцами. Воззвание напечатали на машинке и со специальными гонцами отправили в соседние районы. Мы предлагали направить вооруженных людей в Анучино.

Через два дня со всех концов района начали прибывать в Анучино группы людей, вооруженных разновидным оружием: бывшие фронтовики — винтовками, другие — охотничими ружьями, а некоторые — холодным оружием, железными вилами и пиками.

На четвертый день прибыла группа вооруженных людей численностью в 54 человека из соседнего Яковлевского района. Командовал этой группой опытный фронтовик,unter-офицер старой армии Зарецкий. А на следующий день прибыли двадцать человек из Сучана. Они были направлены в Анучино Сергеем Лазо как уже опытные бойцы, участвовавшие в партизанской борьбе.

Таким образом, в Анучино собралось около 200 вооруженных людей. На общем собрании было решено

считать эту группу боевым партизанским отрядом. Командиром отряда на этом же собрании был избран Зарецкий. В помощь командиру в качестве представителя от ревкома был послан Сабанов.

Так я влился в ряды дальневосточных партизан и до 1921 года с оружием в руках боролся против белогвардейцев и японских интервентов.

Э. С. СТЕФАНСКИЙ

ТЯЖКИЙ ПУТЬ

Эвакуация

Это было 5 октября 1918 года. В 6 или 7 часов вечера во двор самарской тюрьмы вошли отряды солдат, а казаки оцепили тюрьму.

Из окна нашей камеры виднелась площадь, на ко-

Стефанский Э. С. — настоящая фамилия Данелиук Александр Петрович (1897—1937) — поляк, сын варшавского трамвайщика-вагоновожатого. Во время первой мировой войны был эвакуирован в Нижний Новгород (теперь гор. Горький), где в 1915 году вступил в РСДРП (б). В 1916 году был арестован за революционную деятельность, после выхода на свободу уехал в гор. Чугуев (Донбасс), где руководил польской группой социал-демократов. Весной 1918 года направлен на партийную работу в Самару, был членом райкома партии в Иващенкове (теперь гор. Чапаевск). В мае 1918 года избран товарищем председателя Иващенковского Совета рабочих депутатов, принимал участие в вооруженной борьбе против интервентов под Самарой в июне 1918 года. После свержения Советской власти в Самаре вел работу в большевистском подполье, входил в состав городского комитета большевиков. 18 июля был арестован и в октябре отправлен в Сибирь. Из поезда смерти бежал, вел революционную работу среди польских легионеров в Новониколаевске (Новосибирске). В 1919 году вернулся в Польшу, вступил в ряды Польской Коммунистической партии и стал одним из виднейших ее деятелей. Был членом ЦК и членом секретариата ЦК Польской Коммунистической партии. За революционную деятельность арестовывался, сидел в тюрьме.

Э. С. Стефанский

ляли красноармейцы, с которых «стаскивали все, что могло пригодиться для «народной армии», и в тюрьму их приводили уже в одном белье. А так как в те времена военную одежду вообще носили почти все рабочие, то и их постигла та же участь. В тюрьме обычно выдавали только белье, которое заменяло многим заключенным верхнюю одежду.

Кое-кто получил в тюрьме шлепанцы, другие из лоскутков сшили себе лапти, а на голову — колпаки вместо шапок, некоторые заключенные ходили в рваных военных блузах. Все они обросли и страшно исхудали.

В этой толпе полуголых и изголодавшихся людей я выглядел настоящим аристократом. На мне были летний костюм и пальто, а в мешке еще лежала кожаная куртка, ватное одеяло и несколько книжек.

Стемнело. Мы стояли неподвижно и молча. После

торой обыкновенно собирались кучи людей, выжидали новостей из тюрьмы. Там теперь всех разгоняли. Мы догадались, что наступает момент эвакуации.

Вскоре после этого нас вывели во двор и стали выстраивать в шеренги. Продолжалось это по меньшей мере с час. Но даже после того как нас выстроили и пересчитали, мы довольно долго стояли еще, ожидая наступления сумерек.

У большинства заключенных не было даже верхней одежды: пиджаков, брюк, обуви и шапок. Объясняется это тем, что значительный процент заключенных состав-

захода солнца похолодало. Люди дрожали, но вынуждены были стоять как вкопанные.

Наконец раздалась команда «смирно».

На кучу песка, наваленного во дворе, поднимается начальник конвоя Новак. Он обращается к нам с краткой речью: «За попытку к побегу в пути — расстрел на месте; за побег одного заключенного подлежат расстрелу все находящиеся в одной с ним шеренге; слушать команду; не расстраивать рядов; не разговаривать; не оглядываться; при ходьбе держаться за руки; за малейшее нарушение приказа — пуля в лоб на месте» и т. д.

В глубокой тишине, воцарившейся во дворе, слова эти падали тяжело, как камни, в толпу дрожащих, полуголых заключенных.

Раздается команда. Открываются тяжелые тюремные ворота, и мы, оцепленные двойным кольцом казаков и солдат, идем к вокзалу. Позади слышится характерное щелканье «максимок» по выбоинам мостовой.

Улица опустела, словно ее вымели. Только из прилегающих переулков доносятся голоса и женский плач. Это плачут матери, жены и дети заключенных: они с утра караулили, когда будут эвакуировать, чтобы еще хоть раз увидеть своих близких. Но уже совсем темно, ничего не видно, и только слышны причитания женщин.

Мы идем держась за руки. Я не могу и мечтать о побеге: попал в самый центр колонны:

Так мы добрались до железной дороги. Недалеко от вокзала нас остановили и затем партиями по несколько десятков человек стали загонять в вагоны. В глубине железнодорожных путей стоял товарный поезд из нескольких десятков вагонов. Двери у них с одной стороны были наглухо закрыты, а люки заколочены гвоздями. Из вагона даже не вымели мусор.

Несколько минут спустя, втащив друг друга за руки, мы очутились в темном вагоне.

Уже в тюремном дворе смешались заключенные из разных камер. При посадке нас снова перемешали. Мы не знали, кто из знакомых по камере оказался с нами. Лиц не было видно, и можно было узнать друг друга только по голосу.

Понемногу выяснилось, что в наш вагон собирались люди по крайней мере из трех общих камер.

В вагоне я неожиданно встретился с одним товарищем из Иващенкова — Даниловым. Он также работал в Иващенкове, состоял в партийной организации и принимал участие в боях против мятежников. Но встретились мы с ним только после нескольких дней пребывания в вагоне. Слишком переполнено и темно в этом «салон-вагоне», чтобы можно было легко найти кого-нибудь.

Стали считать, сколько нас здесь. Насчитали шестьдесят человек. Набившись как сельди в бочке, мы просто не могли шевельнуться.

Вагон, куда нас запихали, был из-под извести. Вскоре мы все это почувствовали. Влезая в вагон, мы вско-
льхи-
нули известковую пыль, и теперь она оседала в ноздрях и в горле, попадала в глаза. При каждом движении поднимались новые тучи пыли.

Снаружи до нас доносились голоса людей и шум поездов. Вокруг наших вагонов были густо расставлены часовые, и когда арестованные начинали разговаривать между собой, раздавались грубые окрики солдат, грозивших стрелять в нас.

Все мы в угрюмом молчании думали о том, что ожидает нас, куда повезут.

Простояли так несколько часов.

Была уже, вероятно, глубокая ночь, когда поезд двинулся на восток.

Первые дни в вагоне

Мы стояли уже несколько часов подряд, ни на минуту не присев, ноги немели и подкашивались. Все были голодны. В вагоне становилось все холоднее. Некоторые товарищи присели на корточки на полу и, уронив голову на колени, дремали. Тем меньше места оставалось для остальных. В вагоне была египетская тьма.

Мне досталось место у самой стены — в дверной нише. Налево от меня стоял рабочий из Вольска по фамилии Ворон. Я познакомился с ним еще в общей камере. Это был спокойный, добродушный гигант с громадными кулаками.

Я был очень доволен и местом и соседством, хотя не мог даже на минуту присесть на корточки, так как у моих ног уже сидело двое товарищей.

Я задремал стоя. Не знаю, как долго я дремал. Когда проснулся, весь вагон был в движении. В вагоне про-
низывающий холода. Мое пальтишко недостаточно за-
щищало от холода, и я дрожал, как в лихорадке. Во много раз труднее приходилось товарищам, которые были одеты еще хуже, вернее, они были раздеты. Я уже прежде отдал товарищам кожаную куртку и ватное одеяло.

Сквозь щели виделся серый рассвет, но в вагоне все еще было темно. Глаза, уже привыкшие к темноте, начинали различать силуэты людей. Холод становился все сильнее.

Несколько десятков человек, притопывая и подпрыгивая, вертелось на одном месте. Тучи известковой пыли носились в вагоне, проникая в горло, нос и легкие.

Близилось утро. Все с тоской ждали солнца. Ночь казалась нам безмерно долгой. Мучил голод: мы не ели почти две суток.

Наконец мы стали испытывать и другие неудобства нашего положения. Уборной в товарных вагонах, как известно, нет, а конвой и не думал выпускать заключенных для подобных надобностей.

Так прошел день. Наступила ночь. Пищи нам не давали и ни на минуту не открывали дверей.

Эта ночь как две капли походила на первую, с той лишь разницей, что уже четыре человека, обессилен, лежали на полу.

Теперь места стало еще меньше, а холод усилился.

Я уже не испытывал острого голода. Днем я немного посидел и отдохнул, а ночью снова стоял, вытянувшись в струнку. В голове была странная пустота, но я ни на минуту не терял внутреннего равновесия. Я даже с какой-то странной остротой воспринимал внешние впечатления, а память регистрировала их.

Ночью поезд несколько раз останавливался и конвой поднимал стрельбу. Мы догадывались, что, несмотря на круговую поруку, из некоторых вагонов пытаются бежать. Конвой, обходя вагоны, громко толкал, что беглец попал под колеса и что его раздавило. Но слишком громкие разговоры заставляли предполагать,

что они рассчитаны на то, чтобы напугать остальных и отбить у них охоту бежать.

Наконец прошла и эта ночь. Проехали не много: ночью поезд не столько шел, сколько стоял на маленьких станциях, пропуская воинские эшелоны. Конвой тоже был взвешен и злобу изливал на нас.

Днем было значительно теплее, зато голод еще больше скручивал кишки.

Мы начинали все энергичнее требовать еды.

На одном полустанке во время остановки поезда один из товарищей, красногвардец Степа, обратился к солдату, сторожившему наш вагон. Говорил он с упреком, уверяя, что должен же быть живой человек.

Видимо, стражнику нашему стало совестно, и он ничего не ответил. Стояли на какой-то маленькой станции. Поблизости проходили люди, с любопытством разглядывая наш поезд.

Красногвардец все смелее и пространнее растолковывает солдату, в то же время все шире приоткрывает люк. Затем высовывает голову, руки и, наконец, обращается к прохожим: «Товарищ, помоги; дай кусочек хлеба, помираем с голоду».

Все в вагоне превращаются в слух... Храбрость и предприимчивость пулеметчика-красногвардейца восхишают.

Проходит немногочисленная публика. Одни с изумлением, другие с ужасом всматриваются в исхудалое, грязное и обросшее лицо странного пассажира, выглядывающего в окошко товарного вагона.

Наконец какой-то прохожий бросает ему булку...

В вагоне общее движение. Булка вызывает радость, надежды.

Красногвардец делит булку на несколько частей, один кусок съедает сам, а остальные раздает ближайшим товарищам. Через минуту он снова высовывается в люк. Идущий мимо конвойный офицер замечает его. «Закрыть люк», — гремит приказ солдату, стерегущему наш вагон. Солдат дает несколько выстрелов по вагону, но, к счастью, ни в кого не попадает. В вагоне воцаряется паника. Строятся самые страшные предположения о том, что может ожидать нас за нарушение запрета открывать люк.

Путь в мир снова закрыт.

Но голод, дикий голод прибавил храбрости. Несколько часов спустя начались энергичные манипуляции у остальных люков. Ногтями отгибали толстые гвозди, которыми были заколочены люки, и под стук колес, медленно, постепенно, во время хода поезда сапогами отбивали их.

Открывание люков и выпрашивание милостыни понемногу было легализовано.

Правда, солдат ругался, угрожал, по временам целился из ружья и стрелял, — тогда люки поспешно закрывались. Но через минуту их снова открывали, следя сквозь щели и используя малейшую рассеянность солдата, чтобы обратиться к идущему мимо железнодорожнику или к кому-либо из сравнительно немногочисленной на перроне публики.

То же самое, видимо, происходило и в других вагонах. Мы слышали голоса заключенных и время от времени стрельбу конвоя по вагонам, но путь «в мир» был открыт.

Через открытые люки в вагон изредка попадали то ломоть хлеба, то соленый огурец, то кусок булки или баранка.

Станции тут были маленькие и попадались редко. На больших станциях поезд либо совсем не останавливался, либо нас зорче стерегли и поезд останавливался далеко от станционных зданий. Конвой грозными окликами отпугивал любопытных, в особенности рабочих и железнодорожников, которые пытались нам помочь.

Чем дальше мы отъезжаем от Самары, тем холоднее становятся ночи. Ослабевшие от голода, измученные долгим стоянием, почти без сна — мы все хуже переносим холод. Наступление сумерек наполняет всех страхом.

Идут четвертые сутки... Вероятно, мы где-нибудь недалеко от Уфы. Рабочие на станциях, где останавливается поезд, уже знают о нас. Не дожидаясь просьб, они стараются помочь нам. Впоследствии я узнал, что помочь нам организовывали большевики-подпольщики, действуя через профсоюзы. А передача продуктов почти всегда поручалась женщинам, чтобы не возбудить у белогвардейцев подозрений. Но, понятно, невозможно было обеспечить такое огромное количество голодных людей. И мы при малейшей возможности кри-

чали, чтобы привлечь больше внимания к «поезду смерти».

...Стоим на какой-то большой станции. Несмотря на ругань конвойных, люки открыты, и крики из вагонов слышны довольно далеко.

Вдруг мы заметили какое-то волнение в публике, шум. Мы уже по опыту знали, что в такие моменты нам ничего хорошего ждать нельзя. Все люки мгновенно закрылись. В нашем вагоне воцарилась тишина. Сквозь щели в дверях и отверстия в люках несколько товарищей стали наблюдать за тем, что происходило на платформе, шепотом информируя остальных.

Внимание и любопытство публики привлек к себе соседний вагон.

Через несколько минут мы услышали команду, и дверь этого вагона открылась. Ругань конвойных, крики, шум. Из вагона вытаскивают упирающихся заключенных.

Еще несколько долгих минут. Потом ружейный залп, за ним несколько одиночных выстрелов из револьвера.

Мы не знали, что произошло, но поняли: там погибают наши товарищи.

В вагоне воцарилась мертвая тишина. Ни один люк не открывался, и никто уже не осмеливался высунуть голову.

Лишь несколько позже мы узнали о случившемся.

Оказывается, буржуазная публика, находившаяся на перроне, узнала среди заключенных, то ли местных, то ли известных ей большевиков и обратилась к коменданту с требованием выдать их местным властям для расправы.

Комендант поезда сам тут же на месте совершил акт правосудия. Человек пятнадцать, как нам говорили, расстреляли неподалеку от станции.

Наступила ночь. Холод становился все сильнее. Некоторые товарищи в глубоком отчаянии взывали о смерти. Какой-то молодой человек, повалившись на пол, был в конвульсиях, четверо больных уже не были в силах ни стоять, ни просить о помощи. Время от времени кто-нибудь бросался на стенку вагона и бил в нее ногами и кулаками. Когда шум и проявления отчаяния становились слишком громкими, конвойные солдаты,

ехавшие на площадке вагона, начинали грозить нам, а потом стреляли.

Несколько выстрелов через стену вагона — и в вагоне снова воцарялась тишина, прерываемая лишь чьими-то всхлипываниями и придушенными стонами.

С нетерпением ожидали Уфы.

Мы обольщали себя надеждой, что в Уфе нас поместят в тюрьму. Это было общей мечтой. Тут никто вслух не мечтал об освобождении, не упоминал о прелестях домашнего очага. В этих страшных условиях тюремная камера казалась нам уютным уголком, тихим раем.

Уфа! Поскорее бы Уфа! — вот что поддерживало бодрость даже в самых слабых.

В Самаре, еще до того как меня перевели в общую камеру, товарищи передали с воли сто рублей и документы, которыми я смог бы отлично воспользоваться, если бы сумел бежать где-нибудь не очень далеко от Самары.

Поэтому каждый километр, отдалявший меня от Самары, уменьшал шансы в случае удачного побега. Вот почему я не разделял с другими мечты поскорее очутиться в уфимской тюрьме. С первой минуты, когда меня втолкнули в вагон, я думал только об одном: о побеге.

Понемногу я стал осматриваться. Индивидуальный побег из битком набитого вагона, где нельзя было шевельнуться, не толкнув других, казался мне почти невозможным. Пришлось подумать о коллективном побеге. Для этого нужно было ознакомиться с товарищами, завоевать доверие, организовать их. А это было нелегко.

Среди шестидесяти заключенных, сбитых в кучу в нашем вагоне, были представители семи национальностей: русские, два белоруса, три венгра, два австрийских немца, один словак, трое татар и два поляка. В числе русских было два молодых уральских казака, один молодой моряк и несколько красногвардейцев. Огромное же количество составляли рабочие из уездных городов и поселков Самарской и Саратовской губерний, причем наибольшую группу составляли рабочие из Вольска, если не ошибаюсь, с цементного завода, где работал также и Ворон. Он-то и знакомил меня по

степенно с составом вагона, зная большинство товарищ еще по тюремным камерам.

Я посвятил в свои планы Ворона. Иногда, на минутку присев в уголке на корточках, мы шепотом обсуждали их. Оба мы признавали, что наиболее реальный план — это коллективный побег через двери, которые при некотором усилии удалось бы либо открыть, либо взломать.

После того как дверь будет взломана, нужно выскакивать на ходу, рассчитывая на то, что, если даже побег немедленно заметят, все же большинству удастся бежать.

Чтобы увеличить шансы на побег, следовало организовать его где-нибудь неподалеку от города, где легче найти помочь и укрыться.

Мы рассчитывали, что ввиду поспешности, с которой производилась эвакуация, поезд не может надолго остановиться в пути. Это дало бы нам время добраться до города или хотя бы удалиться от железной дороги в глубь леса или в поля.

Когда план в общих чертах был намечен, Ворон словно «просто так» стал заговаривать об этом с товарищами. Но он натолкнулся на решительное нежелание большинства товарищей, которые, будучи почти голыми, не могли рассчитывать на удачный побег. Теоретическая дискуссия на тему о побеге ярко выявила, что об общем согласии на побег не может быть и речи. Только Данилов, моряк и несколько красногвардейцев с сочувствием и некоторым интересом отзывались о побеге.

Я серьезно опасался, что в случае побега группы будут расстреляны остальные.

Пришлось отказаться от планов коллективного побега. Но отказаться совсем от мысли о побеге я не мог.

Ворон не только не противился моим намерениям, но даже обещал свою помощь. Единственной возможностью был побег через окно. Но выскочить на ходу через узкий люк, находившийся под самым потолком, — дело нелегкое. Еще труднее ночью пробраться к нему в этой давке.

Наконец с помощью Данилова, стоящего неподалеку от одного из люков и бывшего в приятельских отношениях с красногвардейцем пулеметчиком Степой, мне

удалось добиться обещания, что следующей ночью (четвертой со дня отъезда из Самары), как только стемнеет, мне дадут возможность незаметно пробраться к люку.

Если бы все пошло хорошо, должны были бежать Степа и еще один железнодорожник. Ворон с его могучими плечами не мог мечтать о том, чтобы протиснуться в узкое отверстие люка и выскочить на ходу.

Наконец наступила ночь. Пробравшись осторожно к окну, мы потихоньку приоткрыли люк. Ночь была темная. Поезд шел со скоростью примерно 20—25 километров в час. Ворон подставил мне свои плечи. Я открыл люк, тихонько высунулся по пояс вниз головой и, опираясь одной рукой внизу о стенку вагона, а другой держась за люк, бросился вниз головой с таким расчетом, чтобы перевернуться в воздухе и вскочить на ноги.

Но судьба сыграла со мной роковую шутку: я повис вдоль стенки вагона вниз головой, над самыми колесами. Поскольку руками я уже перестал держаться, то я беспомощно висел в воздухе и ногами держался за люк, сохраняя некоторое равновесие.

Лишь несколько мгновений спустя сообразил, что произошло; выскакивая, я зацепился полой пальто за крючок в дверцах люка, который открывается наружу, и на нем повис.

Конвой, стоявший на площадке, услышал, как об стенку стукнулись дверцы, которые я толкнул, выбрасываясь из вагона, и поднял стрельбу. Пули как ось систели вокруг меня, а я продолжал висеть, не имея возможности ни выскочить, ни влезть обратно в вагон.

Наконец Ворон и пулеметчик Степа поняли, что произошло, и быстро втащили меня за ноги в вагон.

Вся эта история длилась с полминуты, может быть, минуту. В вагоне все проснулись. Толкая дремлющих и наступая на спящих, мы с Вороном пробрались к своему месту.

В вагоне было чертовски темно, и вначале никто не сообразил, что произошло. Лишь через некоторое время стали догадываться в чем дело.

Когда наступил день, нервное настроение еще более возросло. На меня смотрели уже как на покойника. Но кончилось это дело удачнее, чем мы все ожидали.

Утром к нашему вагону подходит солдат, стоявший ночью на площадке, а с ним унтер-офицер.

— Ну, говори, кто тут у вас ночью собрался бежать? — спрашивает он Степу, который с первых же слов предупредительно оказался в окне.

— У нас? Бежать? — в свою очередь спрашивает Степа с невероятно изумленным лицом. — Да у нас никто и не думал бежать!

— А в кого же это я стрелял ночью? — грозно спрашивает солдат.

— Правильно, господин начальник, вы стреляли... Мы как раз хотели выбросить кое-что — тут у нас навалил один парень, — а дверцы нечаянно хлопнули...

Степа так затараторил, уж так листил «господину начальнику», что тот, видно, не зная точно, что произошло ночью, дал себя умаслить, и все кончилось несколькими «матушками».

Но шансы на побег уменьшились.

В Уфе

В нашем вагоне возникла своеобразная коммуна. Дело в том, что некоторые уголовные заключенные, находившиеся вместе с политическими, пытались монополизировать окна и передаваемый железнодорожниками хлеб распределять только среди ближайших своих соседей. Естественно, что заключенные, находившиеся в глубине вагона, стали протестовать против этого.

На этой почве часто возникали скандалы. Поэтому группа товарищ — Ворон, я, пулеметчик Степа и другие — решила урегулировать вопрос о распределении получаемых продуктов. После одного из скандалов я обратился к заключенным. Я говорил страстно о товарищеской солидарности, о достоинстве политического заключенного, о необходимости порядка и о коммуне.

Наступила глубокая тишина. Мое выступление удивило всех. До этого я молчал, как заклятый, не требовал своей доли в «улове», и до вчерашней ночи меня почти не замечали. Тем больший эффект произвело мое выступление. После короткого молчания меня поддер-

жал Данилов. С жаром подхватил мою мысль Степа, который тоже выпалил горячую речь. Выразила сознание и группа товарищей, стоявших посередине вагона, которых чаще всего обделяли. Таким образом, значительная часть заключенных высказалась за мои предложения.

Новые порядки мы начали с выборов старосты. Данилов предложил выбрать меня. Предложение приняли.

Мы постановили, чтобы вся еда шла в общий котел. Выбрали специального хозяина, который должен производить дележ. Выбор пал на Степу.

Неотложнейшей задачей, которую мы себе поставили, было проделать дыру в полу вагона, так как нас по-прежнему ни на минуту не выпускали наружу и в вагоне стояло страшное зловоние.

Оказалось, что у нас имеется перочинный ножик. Немедленно принялись за работу, целыми часами потихоньку, с величайшей осторожностью ковыряли им пол. Ножик был мал, и мы боялись сломать его. Но помог нам один случай.

На следующий день перед самым заходом солнца поезд остановился среди поля, за какой-то маленькой станцией. Вагоны открыли, и нас выпустили на свежий воздух.

Поблизости протекала речка, перед ней раскинулась маленькая полянка. На другом берегу речушки установили пулеметы, с боков цепью выстроились солдаты. Нам дали несколько минут, чтобы сходить по нужде. Пошатываясь и спотыкаясь, вышли на полянку.

Был прекрасный тихий вечер. Солнце бросало свои последние лучи на верхушки деревьев. На фоне пожелтевшего леса и чудесного осеннего вечера заключенные выглядели дико и жутко.

Мы были окрашены в белый цвет: не только одежда, но и волосы, усы, бороды, лица, руки — все было покрыто белой известковой пылью, которая въедалась в тело. Из соседнего вагона высекали какие-то существа, выкрашенные в черный цвет: им попался вагон из-под угля.

Голова кружилась, и я не мог устоять на ногах. То же было и с другими товарищами. Неподвижно мы

сидели на земле. Более сильные ветками и травой выметали наш вагон.

Я подполз к речке попить воды и помыться. То же сделали и другие.

Десять минут быстро пролетели. Нужно было возвращаться. Это было значительно труднее. Многие настолько выбились из сил, что не могли уже вскарабкаться в вагон. Солдаты подгоняли их, колотя ружейными прикладами по спинам и головам.

Мы снова очутились в темном вагоне. Вдохнув немного свежего воздуха, чувствовали себя как пьяные.

Из нашего вагона выбыло двое товарищей. Они уже не были в силах поднять головы. Их убрали в специальный вагон, где лежали только тяжелобольные. Среди них не было никого, кто мог бы открыть люк, вскарабкаться вверх по стене и просить помощи. Они были осуждены на медленную смерть. Больные умоляли оставить их у нас, мы тоже просили за них, но тщетно.

Из этого похода в вагон был принесен костыль, которым прикрепляют рельсы к шпалам, и гвоздь. Теперь проделать отверстие в полу было для нас пустяком.

Пытались организовать и ночлег, стараясь возможно экономнее использовать небольшую площадь вагона. Устраивали мы это таким образом: ложась, нужно было расставить ноги, между которыми укладывался следующий товарищ, положив голову и плечи на живот первого. Таким образом располагались третий, четвертый и т. д. Можно себе представить, как нам было «удобно» находиться всю ночь в таком положении.

Наконец подъехали к Уфе. Эшелон остановили на одном из запасных путей, которые были забиты воинскими поездами. Вокруг шатались сотни пьяных офицеров. Водка продавалась свободно, так что и наш конвой во главе с офицерами вскоре оказался пьяни.

Офицеры узнали, кто мы и откуда, и стали кучками собираясь вокруг поезда, громко требуя, чтобы им выдали нас, а они уж наведут порядок. Раздраженные поражениями на фронте, они имели явное желание выместить свою злобу на наших шкурах.

Пьяный конвой притворялся, что следит за «порядком», но не осмеливался выступать против «их благодати». Офицеры уже ломились в вагоны и пытались открыть двери. В вагонах поднялась паника. Старались

не говорить громко, чтобы не привлечь внимания взбешенных офицеров.

Кое-кто из офицеров начал стрелять в заключенных через стекла вагона. В нашем вагоне вскоре оказался один тяжелораненый, которого позднее убрали в вагон для больных, и двое легкораненых. Мы сами, как могли, перевязали им раны и спрятали, чтобы и их, чего доброго, не убрали в тот вагон, где их ожидала еще более тяжелая участь.

Положение несколько изменилось лишь с приходом дополнительного многочисленного конвоя. В таких условиях мы провели почти сутки. Лишь на следующий день вагоны стали открываться, и нас повели куда-то, предварительно разбив на партии. Мы выглядели, как процессия привидений.

Мы не знали, куда нас ведут. Одни шептали, что нас ведут в тюрьму, другие — за город, где нас расстреляют. Оказалось ни то, ни другое. Нас вели... обедать.

Впервые со дня отъезда из Самары мы получили обед. Нас привели в огромные сараи-бараки, выдали по куску хлеба и на каждую пятерку немножко горячей похлебки.

Можно себе представить, с какой молниеносной быстротой все это исчезло в наших желудках. Не прошло и минуты, как заключенные уже вытирали пальцами пустые миски и облизывали их.

Вернулись к себе. Все вслух мечтали о том, чтобы нас поместили в тюрьму. Обед распалил аппетиты и пробудил фантазию. Ах, если бы каждый день нам получать такой обед! А это было возможно только в тюрьме.

Но мечты оказались неосуществимыми. Этой же ночью мы поехали дальше. От конвойных, однако, узнали, что в вагоны погрузили хлеб и что теперь мы будем ежедневно получать свой паек.

По сибирским равнинам

В вагоне царило отчаяние. Ночи стали невыносимо холодны. Мы страдали от мороза больше, чем от голода. Мысль, что впереди нас ожидает еще много таких

ночей, доводила людей до безумия. Кто не слышал о сибирских морозах!

Через несколько дней после того как мы покинули Уфу, из вагона убрали еще два трупа: умер один из раненных в Уфе и молодой уральский казак-красногвардец. Нас осталось уже пятьдесят пять человек. Сколько из нас выживет, сколько вынесет эти адские муки?

По правилу нам должны были давать хлебный паек ежедневно, но это редко соблюдалось. Воду мы по-прежнему не получали и вынуждены были выпрашивать ее наравне с хлебом. Через несколько дней добрались до Челябинска. Там второй раз за время путешествия получили обед и для нас погрузили хлеб. Но уже через три-четыре дня его перестали выдавать, так как запас кончился, а до города, где нас снова должны были снабдить провиантом, было еще далеко.

Зато гораздо терпимее стало отношение к передачам нам от рабочих. По-видимому, здесь, далеко за Уралом, меньше опасались побегов. Но станции были так редки и так малы, что трудно было рассчитывать на значительную помощь.

На многих станциях и полустанках, кроме железнодорожников и нескольких дорожных рабочих, не было никого, кто стал бы нам помочь. А выказать свое сочувствие большевикам, под градом оскорблений и ругательств подойти к вагону, чтобы бросить кусок хлеба или булку, — разве для этого не требовался героизм? Иногда конвой ограничивался только руганью, но часто от него доставался и удар прикладом за одно только приближение к поезду.

Однако весть о нашем поезде значительно опережала нас. Разносчили ее машинисты, обгонявшие наш поезд, кондукторы и пассажиры. И нередко не успевали мы подъехать к станции, как уже несколько женщин стояли с ведерками квашеной капусты, вареной картошки или ломтями хлеба.

Но какое это имело значение для нескольких тысяч человек! Из десятков вагонов протягивалось сто — двести пар рук.

В чьи руки отдать это?

В памяти глубоко запечателась такая картина. Мы остановились на маленькой сибирской станции. Вагон

стоит довольно далеко от построек. Нет никакой надежды, чтобы нам хоть что-нибудь досталось.

Но вот из домика стрелочника выбегает женщина. В руках она несет ведро с капустой.

Из всех ближайших вагонов вырывается крик: «Мамаша! Сюда! Здесь больные! У нас тут умирающие! Мамаша! Мамаша!»

Бедная женщина потеряла голову, беспомощно озираясь на искаженные, призрачные лица. Наконец ведерко падает у нее из рук, и женщина заливается горькими слезами. Капуста вываливается из ведерка.

Женщина понемногу успокаивается и в замешательстве поглядывает то на капусту, лежащую на земле, то на людей, все еще высывающих из люков и глазами пожирающих капусту. Она принимается медленно собирать капусту в ведерко.

Наконец женщина собрала рассыпанную капусту и подала все ведро в ближайший вагон.

Надежды остальных рухнули. Одни просят ее привести еще, другие запоздало советуют раздавать понемногу в каждый вагон. Но женщина, видимо, ничего больше не может нам дать, кроме сердечного сострадания и слез. А люди хотят есть. Многие уже несколько дней ничего не имели во рту.

На ступеньках, ведущих в контур начальника, стоит дежурный по станции и равнодушно или с деланным равнодушием поглядывает на нас. На станции пусто. Понемногу шум смолкает. Становится тихо, и лишь шорохи в вагонах, словно жужжание огромного улья, слышатся на глухой сибирской станции. Наступают сумерки. Люки закрываются. Только из нескольких вагонов еще обращаются с просьбой привести воды. Женщина с жаром принимается таскать воду. Но до нас очередь не дошла. Наш вагон даже глотка воды в этот день не получил.

Однако случалось, что наш вагон останавливался как раз против станционных зданий и домиков железнодорожников, тогда мы получали больше, а другие поглядывали на нас с завистью.

Красногвардец Степа был признанным специалистом в нашем вагоне по добыванию передач от рабочих. В этом деле требовалась немалая ловкость. Нужно

было в момент, когда солдат на минутку отвернется, высунуться вниз головой, так чтобы только ступни ног оставались в вагоне, схватить хлеб или чайник с водой и быстро втащить в вагон. Нередко, когда солдат бывал не в духе, вместо куска хлеба попадало прикладом по голове. Рядом в вагоне всегда стояли специалисты по «держанию за ноги», которые помогали высунувшемуся товарищу быстро втянуться обратно.

Иногда, когда попадался более жестокий конвоир, он на шагов двадцать-тридцать не допускал никого к вагону. Какой-нибудь железнодорожник, купивший булку, чтобы бросить ее нам, долго бродил вдоль вагона с деланно-равнодушным лицом, пытаясь уловить момент, когда зазевается конвоир. Степа через приоткрытый люк зорко наблюдал за ним. Открыв люк шире, всячески пытался знаками приободрить рабочего и сигнализировал, когда можно, по его мнению, бросить. Это иногда длилось пять-десять-пятнадцать минут, которые весь вагон переживал с величайшим напряжением.

Большей частью конвой не допускал близко к вагонам, и хлеб приходилось бросать с известного расстояния, через головы конвоиров. Случалось, что он попадал прямо в руки, иногда попадал в люк, а иногда падал возле вагона, и тогда нам приходилось только облизываться, глядя, как конвоир нарочно топчет хлеб ногами.

Случалось, что железнодорожники на какой-нибудь более крупной станции на деньги, собранные в складчину, покупали булки и по очереди раздавали их в каждый вагон по одной или по две.

Однажды поезд наш стоял на какой-то большой станции (не доезжая станции Тайга), но вдали от построек. Наступили сумерки. Через полуоткрытый люк я видел, как вдоль поезда шел железнодорожник и, постукивая молотком, проверял, в порядке ли осевые буксы. Подойдя к нашему вагону, он воспользовался тем, что солдат на минутку отвернулся, быстро снял с себя полушубок и бросил его мне. «Бери, товарищ», — пробормотал он вполголоса. Я едва успел поймать полушубок и втащить его в вагон. Еще теплый, он лежал у меня на руках. Я быстро высунулся: железнодорожник на морозе шел дальше, сгорбившись, в одной толь-

ко рубахе, продолжая выстукивать буксы. Я был до глубины души растроган.

Товарищи испустили восторженный крик, увидев добычу. Это был единственный полушубок на весь вагон. Я держал его в руках, и перед глазами у меня стоял сгорбленный рабочий, идущий по морозу в одной рубахе. Я смотрел на этот полушубок, как на символ классовой солидарности, которую никакие враги не могут сломить.

В другой раз, в Иркутске, поезд наш стоял на товарной станции. Здесь мало кто проходил, и я сидел у люка (в вагоне уже были нары), дыша свежим морозным воздухом. Был прекрасный солнечный день.

Вдруг кто-то сует мне что-то в руку. Я машинально сжимаю ее и открываю глаза. Со столбика соскаивает молодая девушка и быстро уходит. Это она сунула мне в руку пачку папирос и спички.

Я был изумлен и обрадован: пачка папирос! О! Для нас это нешуточный сюрприз!

Иногда к нам проникали обрывки вестей с фронта: то машинист обгоняющего нас поезда бросал несколько слов о поражениях белых, то железнодорожник, проворяющий оси, бормоча под нос, призывал нас к выдержке, так как наши гонятся по пятам за белыми.

Каждая даже самая незначительная весточка вызывала у нас радость, вносила оживление и часто служила поводом для горячих споров о возможном нашем освобождении, но в глубине души мы сознавали несбыточность наших планов. Каждый день отделял нас сотней километров от фронта и от своих. Казалось, что Сибирь так безгранична и что мы будем так долго ехать, пока не вырем все до одного.

Через несколько дней после отъезда из Челябинска наш поезд вдруг остановился посреди поля. Открыли вагоны, выпустили заключенных и выстроили их в колонны на лужайке, у железнодорожного полотна. Вдали стояли пулеметы и цепь солдат. Нас построили в шеренги, по десять человек в каждой.

Неизвестно откуда вдруг молниеносно разнеслась весть, что каждый десятый будет расстрелян. Никто

поэтому не хотел быть десятым в ряду. Каждый, кто замечал, что находится крайним в шеренге, перебегал на другое место. Началось дикое избиение заключенных, перебегающих из шеренги в шеренгу. Один солдат штыком пригвоздил к земле заключенного. Другие подняли стрельбу над нашими головами, пулеметчики склонились к пулеметам. Прошло минут десять-пятнадцать, пока наша колонна построилась. Комендант поезда собственной персоной произвел осмотр. На нас считали и в каждом вагоне назначили старосту, ответственного за порядок. В нашем вагоне старостой был назначен Ворон, который, стоя в шеренге, на целую голову был выше других заключенных и привлек к себе внимание коменданта поезда.

После того как старосты были назначены, комендант снова пригрозил, что в случае побега хотя бы одного заключенного, будут расстреляны каждый десятый и староста. Говорили, что другим заключенным он угрожал расстрелом всех остальных товарищей по вагону.

Прошло несколько недель, из наших рядов один за другим выбывали товарищи, нас не хотели принимать ни в одну из переполненных до отказа тюрем. Вечно пьяный конвой, казалось, позабыл о назначенных старостах. Тогда вновь появилась возможность побега.

Мы находились уже в центральной Сибири. Несколько тысяч километров отделяло нас от Самары и от линии фронта.

В конце октября подъехали к станции Тайга. На полях лежал снег. В вагоне осталось сорок восемь человек.

Одеты мы были теперь несколько лучше, так как смерть каждого товарища дарила живым остатки его лохмотьев.

Вынос умерших обычно происходил под покровом ночи, на маленьких станциях, чтобы ни в ком не возбудить излишнего любопытства. Иногда покойники по несколько дней оставались в вагоне. Нашим палачам незачем было торопиться с уборкой трупов. Нам еще труднее было поворачиваться в своей клетке, когда мертвый товарищ отнимал столько места у нас, живых.

На станции Тайга в вагонах устроили нары и поставили печки.

В четвертый раз со дня отъезда из Самары мы все собрались вне вагона.

На расстоянии тридцати-сорока шагов от нашего эшелона стояли женщины и дети, глядевшие на нас с изумлением и ужасом. Кое-кто пытался подойти к нам, но конвой грубо отгонял их прикладами.

Нары сделаны, нас стали загонять в вагоны. Вместе с товарищами, таскавшими доски, я оставался дольше всех на улице. Но вот уже кроме меня только двое товарищей осталось у дверей вагона, солдат грубо покрививает на них, ругается. Я поворачиваюсь, взглядуваю на солдата и замечаю, что внимание его целиком устремлено на двух моих товарищей, которые помогают друг другу влезть в вагон, а меня, стоящего несколько позади, он как будто не видит.

Мелькает мысль: уходи подальше! Беги! Я делаю шаг, другой, третий... от вагона, стараясь сохранить спокойствие, вот я уже за спиной солдата. Шагов пятнадцать-двадцать отделяет меня от толпы женщин и детей. Еще несколько секунд... еще несколько шагов. Вдруг один из товарищей, только что взобравшийся в вагон, протягивая руку, кричит мне: «Товарищ!»

Солдат оборачивается и замечает меня. Все пропало. Несколько крепких ругательств по моему адресу, и я снова среди своих.

Сверх ожидания солдат не стал поднимать тревоги, вероятно, стыдясь своей невнимательности.

Рабочий из железнодорожных мастерских, ставивший в вагоне печку, рассказывал нам новости. Все рабочие-железнодорожники считают себя большевиками. Отряд в несколько сот железнодорожников оказал белым вооруженный отпор. Был форменный бой. Многих расстреляли, остальные бежали в тайгу.

Спрашиваю его, может ли он дать мне на всякий случай какой-нибудь адрес. Он говорит, что любой рабочий спрячет каждого из нас в случае побега. Все же он называет свою фамилию и объясняет, где живет.

Этот разговор, длившийся всего минут пятнадцать, подбодрил всех. Побег перестал пугать людей. Начались оживленные разговоры на эту тему, сожалели, что мне снова сегодня не повезло.

Места теперь было значительно больше: у нас было двенадцать товарищей и появилось два этажа нар,

так что вдвое увеличилась площадь, приходившаяся на каждого из нас. Хуже одетые разместились поближе к печке, лучше одетые — у стен и возле окон. Мне на ночь досталось место у самого люка, из которого чертоски дуло, и пальто не защищало меня от холода.

Железнодорожники притащили нам кучу дров и угля. Мы сделали запас по крайней мере на четыре-пять дней. Мороз уже не пугает нас. Зато терзает бешеный голод.

Рабочие обещали организовать складчину и снабдить нас хлебом, но не успели этого сделать. Комендант поезда был, видимо, обеспокоен сочувствием, которое проявило к нам население, и завязавшимся у нас контактом с рабочими, оборудовавшими вагоны. Вопреки ожиданиям, мы поехали дальше — если память не изменяет мне — еще в этот же день, к вечеру.

Приятная теплота распространилась в вагоне. Мы обступили со всех сторон раскаленную докрасна печку и отогревались. Настроение поднялось. Главный наш враг — холод не был уже опасен. Но одновременно это свидетельствовало о том, что нам, видно, долго еще суждено оставаться в этих клетках.

Установка печей, разумеется, еще не означала, что мы будем обеспечены дровами или углем и что мы уже никогда не будем мерзнуть. Мы убедились в этом, когда кончился запас топлива, доставленный нам в Тайге. Как раньше о воде и хлебе, так теперь приходилось просить и о дровах.

Однако наш опыт и огромное сочувствие, которым нас окружали железнодорожники, значительно облегчили нам возможность добывания топлива. На какой-то станции Степе удалось втащить в вагон целую шпалу, которую ему подали железнодорожники.

Немало нам пришлось повозиться, чтобы расколоть ее на мелкие полешки. Но чего не сделает человек, когда его заставляет нужда?

Если холод мы сейчас несколько меньше ощущали, то значительно больше страдали от жажды. По нескольку дней нам не попадало капли воды в рот. Мы тщательно соскребали иней и грязные ледяные сосульки, свисавшие с крыши.

Совершенно ясно, что на мытье не тратили воду. Никто из нас не умывался. Мы обросли грязью, нас

стала донимать чесотка, которой все переболели. Мы раздирали тело ногтями, и оно местами выглядело, как сплошная рана. Единственное лекарство, которое кто-то придумал, — это жариться у печки, когда она топилась. Действительно, это как будто немного помогало.

Одновременно стали неслыханно размножаться насекомые, которые кишмя кишили в каждом шве. Ни к чему не приводило то, что мы истребляли их тысячами. Они стали нашим бичом, не давали забыть о себе ни на одну минуту.

Куда нас везут? Это было главной темой наших догадок. Наконец какими-то путями к нам проникла весть, что нас везут в Иркутск, где поместят в Александровскую тюрьму.

«Пусть уж скорее будет этот Иркутск!» — раздавались вздохи, когда печку нечем было топить, от адского сибирского мороза спирало дыхание, а голод скручивал кишки.

Иркутск — Чита

В Иркутск приехали поздно вечером. Мы не спим всю ночь. Наконец-то Иркутск! Начинаются обычные разговоры на тему о превосходстве тюремной камеры перед нашей движущейся клеткой. Некоторые товарищи кое-что слыхали об Александровском централе и рассказывают другим. Моряк напевает старые каторжные песни об этой тюрьме.

Проходят ночь, день, а мы все еще ждем. Наши власти уехали в город и там будто бы ведут переговоры с местными властями.

Поезд наш переведен не то на товарную станцию, не то на какой-то полустанок под Иркутском. Нас строже стерегут, запрещают открывать люки и не разрешают близко подходить к вагонам посторонним, особенно железнодорожникам.

Все же нам удается установить контакт. Узнаем, что недавно здесь была забастовка печатников. Бастующих избивали нагайками и заставляли приступить к работе. Тюрьма переполнена. Где-то под Иркутском устроен концентрационный лагерь. Как нас уверяют,

очень сомнительно, чтобы нас приняли в тюрьму: будькве негде упасть...

Настроение падает. Проходит еще один день. Становится еще более очевидно, что надежды наши разлетятся в прах. На третий день дежурный офицер вдруг стал переходить от вагона к вагону с каким-то иностранным офицером, что-то записывавшим у себя в блокноте. Наконец подходят к нам. Оказывается, они производят перепись поляков. Здешний представитель польского военного комитета, майор Кухенка, договорился с местными властями и комендантом поезда, что они выдадут ему всех заключенных поляков, которые затем будут зачислены в образовавшуюся в Сибири польскую армию. Лазейка на свободу...

Как только выяснилась цель переписи, в вагоне поднялось огромное волнение. Товарищи принялись настойчиво нажимать на меня, чтобы я воспользовался представившейся возможностью. Некоторые неполяки тоже изъявили желание попытаться: а вдруг удастся.

В результате кроме меня и одного молодого поляка-красногвардейца записываются Ворон, еще один белорус, немножко говорящий по-польски, Степа, моряк и еще трое русских товарищей. Я вскоре придумал наиболее распространенные польские фамилии: Ковалевский, Перовский и т. п. и по очереди указал их майору. Девять поляков! Господин майор несколько удивлен. Но мое чистое польское произношение немножко смягчило и успокоило офицера.

В вагоне оживление и пышный расцвет надежд. Остальные с завистью посматривают на нас и сожалеют, что они не поляки. Русские товарищи, знающие по-польски только несколько слов, опасаются, что их «дисквалифицируют».

Начинается стремительное обучение польскому языку. Я обучаю товарищей некоторым десяткам наиболее употребительных фраз, вбиваю им в головы их фамилии, имена родителей, место рождения и т. п.

Проходит ночь. На следующий день нас должны освободить. Мы живем в огромном напряжении. Товарищи мои за ночь перезабыли, как их зовут. Снова начинаем урок польского языка. Мы ждем с минуты на минуту, что очутимся на свободе. Так проходит день.

Поздно вечером поезд ни с того ни с сего трогается.

В вагоне тревога. Кое-кто пытается успокаивать, что, наверное, наш эшелон переводят на другой путь. Проходит пять... десять... пятнадцать минут. Мы продолжаем ехать вперед. Надежды рушатся. Мы по-настоящему покидаем Иркутск.

Лишь через несколько дней от проезжающих железнодорожников до нас дошли слухи, что неожиданность нашего отъезда из Иркутска была связана с тем, что иркутские рабочие намеревались напасть на поезд и отбить его.

Казалось, что вместе с Иркутском, который мы проехали и с которым у нас было связано столько надежд, погибли последние перспективы.

* * *

Начиная от Иркутска, мы все чаще встречаем воинские эшелоны иностранных интервентов. Наш поезд обгоняют отряды японцев, американцев, итальянцев, французов, канадцев, поляков и др.

Иногда (еще не доезжая до Иркутска) на больших станциях случалось, что поезд наш останавливался рядом с эшелонами иностранных войск. Мы пытались вступить с ними в контакт. Рядовые солдаты с большим любопытством, но без всякой примеси ненависти или хотя бы неприязни разглядывали нас, узнав, что мы большевики.

Несколько раз было так, что солдаты соседнего с нами поезда принимались бросать нам банки консервов, галеты, бисквиты, папиросы и хлеб, не обращая внимания на окрики нашего конвоя. Однажды в наш вагон попало сразу несколько банок консервов. Мы уже глотали слюнки при мысли об этих лакомствах, но не успели даже приступить к дележу, как конвой явился с обыском и отобрал у нас добычу.

Впоследствии начальство уже внимательно следило, чтобы наш поезд не останавливался вблизи воинских эшелонов, и мы только издали видели на станциях иностранных солдат.

Железнодорожную линию от Челябинска до Иркутска охраняли польские части под начальством полковника Чумы и под общим французским командованием,

во главе с генералом Жаненом. На больших станциях комендантами были польские офицеры, имевшие в своем распоряжении отряды польских солдат.

От Иркутска железнодорожной линией безраздельно владели японцы, и на станциях хозяйничали японские отряды. Железнодорожники здесь были более терроризированы, чем где-либо в другом месте, и это самым гибельным образом отражалось на нашем снабжении.

Проезжаем Байкал. Через полуоткрытый люк я гляжу на таинственное озеро-море, о котором так много слышал и которое так жаждал видеть. В вагоне тишина, прерываемая лишь стонами.

Рядом со мной уже четвертый день лежит труп молодого товарища. Не помогают настойчивые требования убрать его. Он лежит длинный и голый. Остатки ложмочьев уже сняты — каждая тряпка нужна живым.

Вскоре после отъезда из Иркутска поезд наш вдруг остановился среди поля. Вагон открывается, и нам приказывают вылезать. На дворе снег по пояс. Заключенные поспешно высекиваются. У большинства нет обуви, ноги обмотаны тряпками или в шлепанцах. Одного товарища, немца, который был болен и недостаточно быстро слезал с нар, солдаты сбросили на печку, и он сломал себе ребра.

Обыск производился в поисках одежды, которая могла бы пригодиться солдатам. Но нет ничего, что стоило бы взять. Все в «штатских» ложмочьях, а моя одежда, хотя и несколько лучше, но серый летний костюм и летнее пальто не годятся для солдата «героической» армии. С одного Данилова только стащили брюки галифе и оставили его в клочьях кальсон. Хотели забрать у него и сапоги, но они оказались настолько малы, что их оставили.

Высекавшая последним из вагона, я окунул взглядом сбившихся в кучу товарищев. Давно уже не видел их всех вместе при полном дневном освещении. Сердце у меня сжалось, когда я взглянул на эту кучу скелетов, с землистыми обросшими лицами и глубоко запавшими глазами.

Несколько человек, у которых единственным одеянием было тюремное белье, собрались вместе, накрывшись одеялом, как шалью. Несколько товарищев рас-

стелили на снегу остатки какой-то подстилки, чтобы защитить от холода полубосые ноги. Нервными, тревожными движениями, чтобы не раздражать покрикивающих конвоиров, все старались согреться, переминаясь с ноги на ногу и притопывая на месте.

Операция эта длилась по меньшей мере минут пятнадцать. Наши палачи и не думали торопиться. Издаваясь над заключенными и толкая их, они рылись в вещах, заглядывая в узлы, которые еще оставались у нескольких заключенных, осматривали каждого, чтобы сташить все, что возможно.

Такие же обыски были произведены, по-видимому, по всему поезду. Мы вернулись в свою выстывшую клетку промерзшие до костей.

Потянулись долгие-долгие дни, не прерываемые ничем, даже выдачей хлебного пайка. Станции были очень редки. Дни шли за днями, и случалось, что в течение суток нам не удавалось получить ни кусочка хлеба.

* * *

На одной из маленьких станций двери порывисто распахиваются и солдаты вталкивают в наш вагон какого-то человека. В вагоне темно. Человек громко всхлипывает и вырывается, потом бросается к дверям и ломится в них. Конвой с руганью уходит от вагона.

Все в вагоне поражены. До этого бывало, что у нас забирали людей, но еще ни разу не случалось, чтобы к нам прибывал новый товарищ по несчастью. Через несколько минут все разъяснилось: оказывается, человек, которого к нам упрятали, — один из конвойных солдат, пьяный в стельку. Обливаясь пьяными слезами и хныча, он жалуется, что начальник поезда велел запереть его вместе с заключенными. Вероятно, он там порядком нашкодил, так как за одно пьянство наш конвой никогда не наказывали. Теперь он трусит и, всхлипывая, что-то лепечет о расстреле. Наконец он немного успокаивается и начинает изливаться в своих сердечных чувствах к заключенным. Через час уже слышно, как он хранит и бормочет во сне.

В вагоне понемногу восстанавливается нормальная

атмосфера, только кое-кто из товарищев еще посыпает «горячие» пожелания по адресу нашего ночного гостя.

Утром солдат упорхнул на свободу. Мы были очень рады этому, так как он стеснял нас, вынуждая считаться с каждым словом. Выспавшись, солдат был очень любезен с нами и обещал, что как только вырвешься из вагона, постараешься время от времени доставлять нам по коврике хлеба. Некоторые товарищи принимали это всерьез и старались еще более задобрить его и расположить к себе.

Прошло несколько часов, наступали ранние зимние сумерки. Поезд остановился на каком-то маленьком железнодорожном полустанке. К нашему вагону подходит группа солдат со вчерашним гостем, во главе с унтер-офицером. Раздается приказ отпереть двери.

В вагоне — смятение и тревога. Наконец дверь отперта. Унтер-офицер требует, чтобы мы немедленно вернули ночевавшему у нас солдату украденные деньги и перочинный ножик. Мы молчим, не зная, что это должно означать. Конвой выгоняет нас из вагона, производит личные обыски, а потом тщательно обыскивает вагон. Вначале я предполагал, что это просто провокация, но тщательность обыска немного смущила меня. А вдруг это правда?

Обыск не дал никаких результатов. Солдаты ругаются, грозят, что мы все пердохнем на морозе, если не выдадим виновных. Так мы стоим на морозе по меньшей мере полчаса. Солдат старается узнать заключенных, спавших рядом с ним. Наконец он узнает двух молодых парней, которые действительно спали возле него.

Обоих заключенных отводят в сторону и угрожают немедленным расстрелом. Оба упорно опровергают возведенное на них подозрение. Конвой ставит их рядом, вскидывает винтовки; следует команда: пли! Но выстрелы не раздаются. Очевидно, они заранее сговорились таким образом терроризировать заключенных.

Поезд получает сигнал к отправлению. Конвой поспешно вталкивает нас в вагон, предупреждая, что, если на следующей станции мы не вернем ножика и денег и не выдадим виновных, нас будут держать на морозе до тех пор, пока мы все не окоченеем, а для примера кое-кого расстреляют.

Никогда еще в нашем вагоне не было такого подав-

ленного настроения, какое воцарилось в эту минуту.

Прошло полтора или два часа, и поезд снова остановился. Снова нас выгнали на снег. Начался повторный обыск.

Наконец в щели нар, где спал солдат и двое заключенных товарищев, между досками конвой нашел маленький ножик — собственность солдата. Денег не нашли.

Бешенство палачей достигло высшего предела. Поезд снова тронул. Нас втолкнули в вагон, вместе с нами сели солдаты. После того как ножик был найден, солдат, которого якобы обокрали, стал что-то мягко говорить о деньгах, и даже выразил предположение, не потерял ли он их случайно, когда его, пьяного, тащили к поезду. Однако следствие не прекращалось. Авторитет наших палачей, очевидно, требовал, чтобы они не отступали без жертвы. В пути они продолжали издеваться над двумя обвиняемыми, приставляли им револьверные дула к вискам, угрожали расстрелом и т. п.

Так мы доехали до какой-то маленькой станции. Поезд остановился. Солдаты вышли вместе с унтер-офицером. В вагоне воцарилась мертвая тишина, только один из обвиняемых товарищев, молоденький казак-тэлеграфист, тихонько всхлипывал.

Двери снова открываются. Вызывают обоих товарищев. Через минуту слышится громкий вопль и ружейный залп, потом два-три одиночных револьверных выстрела. Глухая тишина. К вагону подходит солдат и приказывает выйти еще двум товарищам, чтобы убрать трупы. Оба трупа складывают на площадку нашего вагона. Поезд трогается. Из-за тонкой стенки вагона слышатся стоны подстреленных, но недобитых товарищев. В них стреляли вптымах и не слишком метко. Тянутся долгие мучительные минуты. В вагоне стоит такая тишина, что, кажется, ни живой души в нем нет. Слышится только стук колес и стоны.

Вдруг дикий крик, визг, потом нечеловеческий смех прорезает тишину вагона. В ужасе вскакивают заключенные и бросаются в сторону от угла, из которого доносится этот звериный вой... Не выдержали нервы одного из товарищев в вагоне, и он лишился рассудка...

Проходили дни, а в вагоне нашем все еще раздавался то дикий хохот, то страшный вой. Мы постоянно

назначали дежурных, которые стерегли больного, не сводя с него глаз. Несколько недель спустя, уже в Никольске-Уссурийском, он умолк навсегда.

Подъезжаем к Чите, столице атамана Семенова, о котором мы давно уже слыхали. Поезд наш оцепляет кордон солдат-монголов из отряда Семенова. У каждого люка становится солдат в длинном козьем тулупе с большим меховым воротником. Ни на минуту не разрешают открывать люк. Поднимается стрельба по храбрецам, пытающимся высунуть нос.

В вагоне могильное настроение: мы голодны, к тому же откуда-то дошел слух о требовании Семенова, чтобы нас выдали ему. Мы столько наслушались в пути о зверствах Семенова, что весть эта многим товарищам кажется правдоподобной. Теперь с большой тревогой ждем, что будет дальше.

В Чите стояли два или три дня. С Читой у меня были связаны особые планы и надежды: на одной большой станции машинист маневрирующего товарного поезда бросил нам несколько слов новостей и успел назвать мне адрес в Чите, которым можно было воспользоваться, если бы кому-нибудь из нас удалось бежать.

Это был адрес (теперь я уже его не помню) какой-то рабочей колонии, расположенной в нескольких верстах от Читы. Но планы мои разбились вследствие особых мер предосторожности, которые принимались Семеновым на его территории.

Наконец мы двинулись из Читы дальше на восток. Все облегченно вздохнули.

Куда мы едем? Никто из нас этого не знал. Уже значительно позже, после отъезда из Читы, среди заключенных разнеслась весть, что нас везут на Белые острова, якобы расположенные где-то неподалеку от Владивостокского порта. Я не знал и не мог узнать впоследствии, существуют ли действительно такие острова и насколько верны были эти слухи. Белые острова в течение двух недель не сходили с уст заключенных, как конец мучений в этих движущихся гробах.

В Маньчжурии

Проезжаем Маньчжурию. Здесь несколько теплее и меньше снега. Поезд извивается среди взгорий и хол-

мов, как уж, или описывает петли. Станции еще реже и еще безлюднее. На больших станциях под открытым небом лежат груды ничем не прикрытого риса, мешки с рожью и т. д.

Хлеба здесь много, но редки станции и преобладает перусская публика. По перронам прогуливаются китайские чиновники в длинных синих одеждах, с крупными белыми надписями на спине и на груди. Мы тащимся еще медленнее и стоим на станциях еще дольше, чем в России.

Два крупных события нарушили монотонность нашей убогой жизни. Первое из них произошло на маленьком полустанке, носившем вместо названия какой-то номер. Был прекрасный солнечный день. Мы открыли люки: на полустанке пустынно, надежды раздобыть хоть кусок хлеба не было никакой, мы высовывали головы просто так, чтобы немного подышать свежим воздухом. Однако раздается приказ закрыть люки. Одновременно до нас доносится крик и шум из последних вагонов нашего поезда. Мы прильнули к отверстиям в стенах, к щелям в неплотно прикрытых люках. Разумеется, мы не можем разглядеть, что случилось в конце состава, но видим, что происходит в поле, против нашего поезда.

На расстоянии ста пятидесяти — двухсот шагов выстраиваются, раскинувшись цепью, солдаты с двумя пулеметами. Вскоре шагах в пятнадцати-двадцати от цепи появляется группа солдат и среди них кучка заключенных. Солдаты рассыпаются в стороны с криком «беги!» В эту же минуту начинают трещать пулеметы. Заключенные падают. Пулеметы смолкают. Через мгновение осужденные вскакивают и бросаются бежать. Пулеметы снова начинают действовать. Одновременно бегущих обстреливают раскинувшиеся цепью солдаты. Сцена эта повторяется несколько раз подряд.

Кровь застыла у нас в жилах. Мы видели уже не одно зверское убийство, но никогда еще не были потрясены так, как теперь этой охотой разыгравшейся у нас на глазах.

Одновременно в нашем вагоне и в других разразилась буря отчаянного негодования. С криками мы бросились на стены вагонов, стуча в них ногами и кулаками; сразу раскрылись все люки, и дикий вопль вы-

рвался из груди сотен людей, наполнив тихую станцию оглушительным шумом. Мы бросились к дверям, силясь выломать их. Что происходило там, в поле, где расстреливали наших товарищей, мы уже не знали. Мы не отдавали себе отчета в том, чем кончится этот бунт. Бешеная ненависть ослепила и оглушила нас.

Прошло с полминуты, и пулеметы, стоявшие в поле, обратились против нас: над головами засвистели пули. Весь конвой выскочил из вагонов, стреляя в нас. Мы повалились на пол. Бунт стал стихать. Стрельба скоро прекратилась, и только крики, ругань и угрозы конвоя слышались еще.

Вдруг из соседнего вагона доносится пение: «Вы жертвою пали...»

Мы подхватываем песню, подхватывают ее и в других вагонах. Не пугают ни крики, ни угрозы, ни кое-где и стрельба конвоя. Чувство солидарности, объединяя заключенных, запертых в нескольких десятках клеток, наполняет всех радостным сознанием своей силы.

В нашем вагоне никто не пострадал от стрельбы, в смежном было двое раненых, какие потери понесли другие вагоны — не знаю. Мы слышали, как комендант поезда требовал у начальника станции рабочих с лопатами, чтобы закопать расстрелянных, и сквозь щели видели этих рабочих.

Когда волнение немного улеглось, поезд двинулся дальше. Отношения с конвоям еще больше обострились. Стрельба и ругань стали обычным ответом на требования выдать полагавшийся нам паек.

Второе событие произошло несколько дней спустя. В одном из вагонов нашего поезда ехало несколько десятков женщин. Вагон этот находился далеко от нас, и мы долгое время ничего о нем не знали.

Однажды вечером до нас донеслись крики и шум. Мы начинаем прислушиваться. Наконец узнаем: оказывается, пьяные офицеры пытаются вытащить из вагона нескольких женщин...

Предыдущий бунт дал уже нам известный опыт и укрепил веру в себя. Теперь мы снова поднимаем шум, к нам присоединяются все новые и новые вагоны. Крики и грохот раздаются в вечерней тишине. Захваченный врасплох конвой поспешно выкатывает пулеметы, и

снова начинается стрельба, хотя не такая жаркая, как в прошлый раз. Однако наш бунт сделал свое: офицерам пришлось отказаться от своих намерений.

* * *

На какой-то большой станции, не доезжая Маньчжурии, а может быть, и в самой Маньчжурии, поезд наш обратил на себя внимание группы американских офицеров. Это были сотрудники американской миссии Крестного Креста. Рослые, сытые американцы широко раскрывали глаза при виде искаженных лиц, выглядывающих из люков. Защелкали кодаки: офицеры увлекались на фотографических пластинках наиболее интересные физиономии большевиков. Взамен они купили пятьдесят — шестьдесят ковриг хлеба и велели раздать их заключенным.

Начались расспросы, куда и откуда нас везут. Дежурный офицер пытался сам удовлетворить любопытство своих американских коллег, но те хотели вступить в непосредственную беседу с нами. Они знали несколько русских слов, один из них говорил по-немецки, так что им удалось кое-что узнать.

Американцы пожимали плечами. Видимо, у них никак не укладывалось в голове, как эти люди, многим из которых было по пятьдесят лет и более, могут быть военнопленными, как утверждал наш офицер.

Американцы сообщили нам, что дали о нас знать своим коллегам вдоль железнодорожной линии и что на ближайшей станции нас будет ждать хлеб. Действительно, по пути до Никольска мы получали два или три раза по караваю хлеба на вагон.

Это не значит, что мы были более сыты, так как на столько же меньше мы получали хлеба от конвоя. Вообще наш конвой был очень недоволен непрошеною опекой американцев и недовольство свое выменивало на нас, одновременно любезничая с американцами и стараясь оправдать перед ними ужасное состояние заключенных.

При первой встрече с американскими офицерами я попытался обратить их внимание на вагон с женщинами. Но американцы никак не могли сообразить, что

мне нужно. Им в голову не приходило, что в эшелоне военнопленных могут находиться женщины, а смесь нескольких немецких и английских слов, с помощью которых я изъяснялся, не могла мне помочь договориться с ними.

Стоявший в отдалении офицер нашего конвоя набросился на меня с руганью и угрозами. Это еще сильнее разожгло любопытство американцев. Они пошли в указанном направлении и наткнулись на вагон с женщинами. Дежурный офицер был взбешен и грозил застрелить как собаку, но не сделал этого, видимо, из-за боязни перед американскими офицерами, которые догадались о причине его гнева.

Во второй половине ноября мы оказались в Никольске-Уссурийском. Поезд остановился в нескольких верстах от вокзала, на запасном пути. Комендант поезда уехал в город. Немедленно разнеслась весть, что в Никольске нас поместят в тюрьму.

Мы ожидали с огромным нетерпением, что, наконец, сделают с нами. Лишь через два или три дня нам приказали вылезать из вагонов.

Время близилось к полудню. День был ясный, солнечный, но довольно морозный. Снега в полях было мало.

Нас отвели километра на полтора от поезда и выстроили в каре большими отрядами. Нас было уже значительно меньше, чем семь недель назад, когда так же все вместе стояли рядами в тюремном дворе. Но все же нас было еще, наверное, тысячи полторы.

Оцепленные усиленным конвоем и выставленными в некотором отдалении пулеметами, мыостояли так довольно долго, дрожа от холода.

Был уже полдень, когда подъехали офицеры нашего конвоя и группа казачьих офицеров. Вместе с ними приехал отряд казаков человек семьдесят — восемьдесят. «Смирно!» — прозвучала команда. Штаб с минуту внимательно разглядывал нас. Наконец старший по рангу офицер начал крыть нас отборнейшей матершиной, называя нас изменниками родины, немецкими агентами и т. д.

Мы молча стояли, вслушиваясь в бурный поток ата-

мановой речи. Наконец он кончил. Тотчас же раздалась команда:

— Евреи и немцы, шаг вперед!

Но ни один человек не шевельнулся. Все замерли, ожидая, что будет дальше.

— Ах, вы так!..

Командир оборачивается к казачьему отряду, стоящему позади него, и дает команду. Через мгновение казачий отряд во главе с офицерами как буря несется на нас. Солдаты, оцепившие нас с боков, выставляют штыки вперед.

Мы втиснуты между двух стен штыков. Спереди с гиканьем на нас мчится вскачь отряд кавалеристов.

Обнаженные сабли молниями сверкают на солнце.

Мы стараемся съежиться, опираясь на стороны, чтобы ускользнуть от атакующих. Передние ряды, уже смятые лошадьми, нажимают на нас. Люди мечутся, падают, опрокидывая других. Наконец казаки настигают нас, стоящих в центре каре, и, нанося саблями удары плашмя, вихрем проносятся дальше. Через мгновение они поворачивают и начинают атаку сзади, проносясь вперед.

Несмотря на крики и угрозы, многие не могут подняться. Кое-кто стоит на одной ноге, опираясь на товарищей. У некоторых кровавыми полосами рассечены лица, переломаны ребра, порезаны руки, перебиты ноги.

Я не пострадал. Правда, мне досталось несколько ударов саблей плашмя по спине, небольшой порез на голове, ушибы на руке и ссадины на лице. Но я почти не ощущал боли. Я испытывал только бессильное бешенство.

В наших рядах воцарилась тишина: молча люди ощупывали раны и ушибы. Многие морщились от боли, но не слышалось ни одного стона.

Атаман выпалил еще одну речь и уехал. Уехал и наше непосредственное начальство...

Снова приводятся в порядок расстроенные ряды, и мы, прихрамывая, идем под конвоем еще дальше в поле, подальше от города, где опять останавливаемся.

Городское рабочее население узнало о нас, и вокруг нас собирались сотни людей. Многие принесли с собой хлеб и другие продукты. Но конвой никого не допускает близко.

Через голову солдат из толпы летят в нашу сторону куски хлеба, огурцы, булки. Не каждый кусок долетает достаточно близко к рядам. Кое-кто из заключенных вырывается из рядов и бежит поднять их с земли. За ними с руганью бросаются солдаты и, настигнув, избивают прикладами.

Наиболее слабые заключенные валятся на землю, не будучи в силах стоять на ногах. Когда избиение прикладами перестает помогать, их выволакивают за руки или за ноги из шеренги и сваливают в сторонке. Груда неподвижно лежащих заключенных растет: ежеминутно кто-нибудь падает, чтобы больше уже не подняться.

Через несколько часов десятки людей лежат на холмике в ста шагах от нас.

В толпе слышится громкий плач и причитания. Женщины грозят солдатам и все сильнее напирают на цепь конвоя. Какой-то мальчуган вырывается из толпы, как заяц, проскаакивает мимо солдат, пробегает еще сто — сто пятьдесят шагов, отделяющих его от груды лежащих тел, и бросает полумертвым заключенным несколько булок. Но из нескольких десятков лежащих людей только у двоих-троих еще хватает силы подползти и поднять булки.

Маневр этот повторяется несколько раз. Вдруг какая-то маленькая девочка с горшком в руке перебегает кордон, но тут же спотыкается и падает. Подбегает взбешенный солдат и замахивается на нее прикладом. Из толпы вырывается женщина, отталкивает ближайшего солдата и бросается на помощь. Девочка плачет и растерянно смотрит на разбитый горшок. Толпа волнуется. Слышина громкая ругань. Ситуация становится угрожающей для конвоя, ибо толпа все растет и становится все более активной.

Солнце закатывается. Мороз усиливается. Никто уже не может устоять на месте. Все ходят, подпрыгивают, похлопывают себя руками, чтобы заставить кровь сильнее циркулировать.

Ежеминутно вспыхивают скандалы. Солдаты все чаще поднимают стрельбу. Пули свистят над головами.

Так наступают сумерки. Наконец приезжают офицеры, отдают приказ снова садиться в вагоны.

Уже стемнело. Солдаты тоже голодны. Это усиливает их бешенство. Бегом, партиями по несколько десят-

ков человек, нас гонят к вагонам. Мы не в силах уже влезть. Солдаты изливают на нас скопившееся за целый день раздражение и бьют прикладами. Один удар достается и Ворону. Взбешенный великан обворачивается и изо всех сил толкает солдата. Подбегают другие солдаты и начинают бить Ворона прикладами. Мы с трудом за руки втачиваем его в вагон. Только темнота и спешность, с какой нас загоняли в вагоны, спасли его от смерти.

В вагоне темно. Начинаем перекличку: оказывается, наша коммуна частично распалась. Ряд товарищей попал к нам из других вагонов. Считаем — нас тридцать восемь человек.

Мы промерзли до костей. Вагон выстужен. Печка холодная, дров ни одного полена. Несколько человек из нас, более сильных, стаскивают доски с нар, чтобы расколоть их на топливо. Завтра, быть может, мы дорого поплатимся за это, но сегодня огня во что бы то ни стало! Нам удается растопить печку. Укладываемся спать на новом месте, потому что в вагон нам достался другой.

Так принял нас Никольск-Уссурийский.

Наступает следующий день. Стоим на станции. Железнодорожники раздают нам булки. Они были заготовлены для нас на собранные деньги. Солдаты не препятствуют этому.

Нас снова переводят на запасный путь, в нескольких километрах от станции. Очевидно, предстоит длительная стоянка.

Ночью выпал глубокий снег.

Прошел еще один день. Появляются американские офицеры, сотрудники миссии Красного Креста. Они сообщают нам, что выхлопотали для нас другой поезд, чистый и с окнами. Но предварительно мы должны пойти в баню и вымыться.

В этот же день нас ведут в городскую баню. Снег в поле глубокий. Мороз. Нас выстраивают рядами. Идем несколько километров по глубокому снегу, проклиная банию и своих непрощенных покровителей.

Наконец выходим на шоссе, уже неподалеку от города. Все больше людей попадается навстречу. Прохожие поворачивают и идут вслед за нами. По обеим сторонам наших рядов идут сотни людей. Женщины

плачут и громко бранят солдат. Все стараются, как могут и умеют, выказать нам свое сочувствие. В толпе много интеллигентов и хорошо одетых женщин. Как я впоследствии узнал, японская оккупация здесь как следует дала себя знать, и большая часть интеллигенции и городской мелкой буржуазии возненавидела оккупантов и поддерживавших их белых.

Такой процессией, словно огромное погребальное шествие, мы добрались до бани.

Здесь каждый из нас получает по кусочку мыла величиной с карамельку. В течение прошедших двух месяцев никто из нас не мылся. Все обросли грязью, покрылись струпьями и ранами. Для того чтобы действительно вымыться, нам нужно было очень много времени, воды, мыла и сил. А у нас недостаточно было ни времени, ни воды, ни мыла и прежде всего — сил. От жары и пара нас сразу разморило. Не было ни малейшего желания прикасаться к струпьям и засохшим ранам.

Одуревшие, мы через десять-пятнадцать минут, пошатываясь, выходили в предбанник. Лохмотья наши исчезли. Вместо них для каждого было приготовлено по паре теплого фланелевого белья и по шерстяному свитеру, без рукавов и воротника.

За исключением пальто и курток, имевшихся у очень немногих, все лохмотья, затвердевшие от грязи, крови и гноя, лежали сваленные в кучу во дворе.

Отчаяние овладело нами. Пара белья и шерстяная безрукавка — этого было слишком мало для сибирской зимы. Началась борьба за старые лохмотья. У меня забрали летний костюм и взамен дали белье. Я потребовал, чтобы мне немедленно вернули его. После небольших торгов со мной согласились, что белье не может мне заменить костюма. С другими товарищами, у которых вместо одежды было по несколько пар тюремного белья, дело обстояло хуже.

Теперь, проходя мимо кучи лохмотьев, заключенные, несмотря на крики конвоя, бросались на тряпки, вытаскивая что попало. Но значительной части пришлось после бани возвращаться в поезд в одном белье и свитерах без рукавов.

Когда мы вернулись, нашего поезда уже не было. Вместо него стоял поезд с чисто выметенными вагона-

ми, с печками и остекленными люками. А в каждом вагоне лежало по нескольку больших караваев белого пшеничного хлеба.

В вагоны посадили по тридцать — тридцать пять заключенных. У нас в вагоне было тридцать три человека, и на каждого приходился по меньшей мере фунт хлеба. В нашей жизни это было большое счастье. Несколько сот тяжелобольных поместили в никольско-Уссурийскую больницу. Остались только самые сильные и закаленные. В вагоне было тепло, просторно и чисто.

Прошел день, другой. Мы все еще стояли в Никольске-Уссурийском. Казаки, видимо, не хотели принять нас, а на легендарных Белых островах якобы была основана унтер-офицерская школа.

Комендант поезда и все офицеры сидели в городе. Есть нам вообще перестали давать, предоставив нас заботам населения и несколько смягчив режим. Ежедневно местные рабочие снабжали нас хлебом. С волей у нас завязался тесный контакт. То и дело долетало какое-нибудь словечко одобрения и сочувствия. Мы узнали, что в другом вагоне даже получают местную рабочую газету, кажется, орган профсоюза железнодорожников, в которой было помещено посвященное нам стихотворение.

Среди заключенных участились случаи побега. Одного беглеца поймали как раз в тот момент, когда из города возвращались пьяные офицеры. На глазах у всего поезда началась пытка. Нагайками и шомполами его били по голове и лицу, выбивая глаза, зубы, превращая в кровавое месиво лицо...

Участившиеся побеги вызвали новое ужесточение режима. Мы опять были крепко заперты в своей клетке.

Побег

Наш поезд посетила комиссия местного польского гражданского комитета. Она обошла все вагоны, переписала поляков и обещала всех освободить. Повторились те же самые сцены, что и в Иркутске: снова поспешили записаться многие товарищи неполяки, началось изучение польского языка и т. п. Но и на этот раз все кончилось разговорами.

После недельного, кажется, пребывания в Никольске поезд наш вдруг тронулся.

Куда? Об этом никто не имел понятия. Одни полагали, что нас везут все-таки на Белые острова, другие — во Владивосток. Лишь утром следующего дня мы узнали, что едем по уже знакомому нам пути, только в обратном направлении: с востока на запад.

Снова Маньчжурия. Мы стоим в Харбине. Местная польская колония получила из Никольска известие о нас и подготовилась к нашему прибытию.

Толстые, откормленные граждане во главе с комендантом города полковником Барсуком бродят вокруг вагонов, расспрашивают нас, где сколько поляков, и записывают. Но уже не дают обещаний, что мы будем освобождены. На всякий случай мы записываем девять человек. По числу записанных нам стали распределять пищу. Очевидно, в польской колонии был какой-нибудь мясник, потому что нам приносили всевозможные обрезки колбасы и остатки мяса. Наш вагон получил фунтов пять мясного.

Впервые со времени отъезда из Самары мы ели мясо. Кроме того, получили по два фунта белого хлеба и по рублю на человека. Можно представить, какая радость овладела всеми.

В вагонах люки были открыты, и через остекленные окна проникал солнечный свет. Вагоны все больше приближались к нашему идеалу — тюремной камере. Не дождался этих лучших времен Ворон. Вскоре после отъезда из Никольска-Уссурийского он заболел дизентерией. Нам не удалось его скрыть от конвоя, и беднягу убрали в вагон для больных. Это означало верную смерть, если не от болезни, то от голода. Великан был в отчаянии. Мы распрошались, и я его уже больше не видел.

Вскоре после отъезда из Харбина мы встретились в пути с эшелоном польских улан, сформированным в Харбине. Уланы направлялись в Новониколаевск. То мы на несколько часов опережали поезд улан, то они нас. Так продолжалось несколько дней. Вскоре нам удалось завязать с уланами более близкое знакомство. Несмотря на то что конвой всячески запрещал нам разговаривать, уланы часто подходили к нам. Вскоре мы

уже получали от них не только еду, но и информацию о том, что происходит в стране и на фронте.

Конвой наш уланы игнорировали: такие уж тут сошлись условия, что каждый солдат, одетый в иностранский мундир, мог совершенно не считаться с местными властями и вел себя как в завоеванной стране. Уланы побаивались лишь своих офицеров.

Я, как поляк, пользовался особым вниманием некоторых улан, которые не только приносили мне продовольствие, но и пускались в откровенные разговоры. На станциях мы нередко простоявали по несколько часов, так что времени было достаточно. Очень скоро я заметил, что в разговорах некоторые солдаты проявляют свое сочувствие к нам и ругают белых. После нескольких дней знакомства я узнал, что среди улан имеется довольно много таких, которые не только сочувствуют большевикам, но принимали активное участие в борьбе с белыми и лишь после разгрома советских отрядов были мобилизованы в белый польский отряд или принудительно эвакуированы. Документами и прошлым здесь не слишком интересовались, так что нетрудно было скрываться. Многие уланы поступили в польские войска, только для того, чтобы не идти в белую армию, так как имелась надежда, что польская армия не будет отправлена на фронт. Их даже обещали при первой возможности перебросить в Польшу.

Из разговоров я узнал, что ряд товарищ из Самары и Иващенко живет в Новониколаевске, куда они попали после занятия Самары чехами, которые формировали польские отряды. Один из улан советовал мне бежать, обещая помочь перебраться в Новониколаевск. Он дал мне даже номер своей теплушке, заверяя, что как только я окажусь у них в вагоне, он сумеет защитить и спасти меня.

Мы подъезжали к Чите. Я твердо решил бежать, как только приедем в Читу. Либо мне помогут уланы, либо я воспользуюсь тем адресом, который мне дал железнодорожник, когда мы ехали еще на восток. Я опасался, что в конце концов нас ведь могут поместить в тюрьму, и тогда удирать будет труднее.

Я начал готовиться к побегу. Прежде всего воспользовался очередной переписью, произведенной нашим конвоем. Хотя за время после последней переписи в на-

шем вагоне умерло только двое товарищей, мы указали число заключенных еще на двоих меньше, чем было в действительности. Сам я перестал показываться у окна, чтобы конвой не замечал меня, и посвятил товарищем свои планы.

В Чите наш поезд снова догнал улан. Их эшелон стоял всего через два пути от нашего. Мы остановились где-то на путях товарной станции. Знакомый улан разыскал меня и снова уговаривал бежать. Это было не так легко: именно в Чите конвой по приказанию офицерства и местного начальства строже следил за нами. Рядом с нашим вагоном находилась теплушка конвоя. Солдаты постоянно шатались возле нашего вагона, а часовой ни на минуту не уходил с поста.

На дворе свирепствовал лютый мороз, было до тридцати градусов холода. Следовательно, я мог надеяться, что дождусь момента, когда солдат хоть на мгновение уйдет с поста. С нетерпением я ждал наступления темноты. Товарищей, за исключением Данилова и Степы, я не предупреждал, что именно сегодня намерен выполнить свой план. Этим двоим я отдал остатки денег. Все свои вещи я оставил, так как, уже наученный опытом, решил бежать без пальто, в одном костюме.

Когда наступил вечер, я прильнул к окну, терпеливо выжидая удобного момента. Было уже совсем поздно, а я все еще наблюдал. Так прошло несколько часов.

Вдруг поезд тронулся.

Нужно было либо весь план отложить надолго, до приезда в Иркутск, либо бежать в пути, где-нибудь вблизи Читы, чтобы иметь возможность вернуться, и отыскать улан или добраться по известному мне адресу. Чита — большой город, и здесь легче будет скрываться. Это соображение одержало перевес. Товарищи укладывались спать. В вагоне было темно: мы уже проехали освещенные здания и станционные железнодорожные пути. Прошло еще несколько минут. Больше ждать нельзя.

Я прислушался, стоит ли на площадке нашего вагона конвой. Тишина. Все заставляло предполагать, что из-за жестокого мороза конвой сидит у себя в теплушке. С этой стороны ситуация представлялась мне благо-

приятной. Теперь самое главное состояло в том, чтобы, высекавая, не попасть под колеса. Открываю люк. Попад идет не очень быстро. Вокруг — сугробы снега. Пожимаю руку Данилову и Степе и быстро высаживаюсь на окошка.

Вися вниз головой, я опираюсь правой рукой о стенку, а левой держусь за люк. Затем стараюсь вытянуть ноги из люка так, чтобы, отпустив левую руку и одновременно правой действуя как рычагом, оттолкнуться от стены вагона в сторону от поезда, а ногами повернуться к земле. Вся эта операция длилась несколько секунд. Мне это удалось. Правда, я не сумел вскочить на ноги и одним коленом зарылся в снег, но ничего, я спасен. Вагоны с грохотом неслись мимо, на расстоянии полуметра от меня. Я приник к земле и притаился. Поезд промчался. Я вскочил и, оглядываясь назад, бросился бежать по направлению к Чите. Колено разболелось, но я чувствовал себя хорошо и бегом несся по шпалам.

Я был в летней фуражке, в летнем костюме, в американском свитере без воротника и в легких ботинках. Неудивительно, что вскоре я почувствовал мороз, который пронизывал меня до мозга костей. От ветра, дувшего в лицо, спирало дыхание. Через каждые десять-пять шагов мне приходилось останавливаться, чтобы перевести дух. Через некоторое время я перестал уже ощущать холод, зато чувствовал, как у меня немеют щеки, уши, пальцы. Не знаю, как долго длился этот путь, прошло, быть может, полчаса или час, когда я увидел наконец станционные огни. Тут лишь мне пришло в голову, что труднейшая часть операции ждет меня впереди.

Как узнать адрес железнодорожной колонии? Как в таком виде подойти к кому-нибудь, не обратив на себя внимания? После короткого раздумья я все же решил разыскать улан.

Прошло еще несколько минут, пока я добрался до того места, где стоял наш поезд и где должен был поблизости находиться поезд улан. На путях было тихо. Стояло несколько поездов. Перелезаю под вагонами с одного пути на другой, но не могу найти эшелона улан. Адский мороз безжалостно сжимает все тело. Руки у меня, как обрубки дерева. Но некогда расти-

рать их, я боюсь, что в любую минуту кто-нибудь может заметить и заинтересоваться мной. Минут десять-пятнадцать я шатался так по путям.

Наконец встречаю какого-то человека. Я подхожу к нему и, стараясь произносить русские слова с возможно худшим ударением, спрашиваю, не знает ли он, где стоит эшелон польских улан. Пассажир недоуменно и подозрительно оглядывает меня, но объясняет, что поезд улан переведен на другой путь, в нескольких минутах ходьбы отсюда. Поблагодарив его, я несусь в указанном направлении.

Добираюсь до какого-то эшелона. С минуту прислушиваюсь: до меня доносятся польские слова. Я решаю искать теплушку, номер которой я запомнил. Но как тут найти? На путях темно. Еле-еле видна полоска света от ламп, находящихся где-то далеко в стороне от путей. Я стал взбираться по примитивным ступенькам теплушек и, чуть ли не носом водя по стенкам вагонов, старался разобрать номер. Некоторые номера почти совсем стерлись, их трудно было бы разобрать даже днем. Так обошел свыше десятка теплушек. Я боялся, что меня заметят патруль или просто какой-нибудь улан и из-за моего странного поведения и вида арестует. Кроме того, я промерз до костей. Руки отказываются служить, не могу уже ухватиться за железные, обжигающие, как огонь, поручни.

Больше я не мог выдержать. Решил влезть в первую попавшуюся теплушку...

Подхожу к теплушке, где еще виднеется свет и откуда доносятся голоса. Стучусь. Дверь тотчас же открывается. Меня обдает волной теплого воздуха. Я пытаюсь что-то говорить, но язык и губы не повинуются мне. Уланы ничего не понимают, но втаскивают меня в вагон. Все с изумлением смотрят на меня, словно на привидение. Так мы с минуту молча глядим друг на друга. Но изумление проходит. Уланам незачем спрашивать, чтобы догадаться, кто я и откуда. Среди улан имеется несколько человек, которые не раз видели меня в поезде и разговаривали со мной. Они узнают меня. Большинство улан уже спят. Я стою, дрожа каждой клеткой своего тела. От теплоты меня разморило. Я почти теряю сознание. Уланы начинают совещаться между собой, что со мной делать. Вдруг слово берет начальство:

— Мигом убирайтесь отсюда! — кричит улан, лежащий на нарах. — Чтобы вашего духу тут не было!

Двое улан протестуют и просят:

— Господин взводный, да ведь он поляк, наш. Разве так можно?

Но взводный и слышать не хочет, грозится арестовать меня, если я немедленно не улетучусь. Я поворачиваюсь и ухожу. Уланы открывают мне дверь. Выскакиваю из вагона, падаю и с минуту не могу подняться. За мной выскакивают оба улана. Помогают встать. Снова начинается разговор, как мне помочь. После теплого вагона мороз кажется еще более нестерпимым. Хочется взвыть. Наконец один улан снимает с себя длинный тулуз и накидывает его на меня.

Посовещавшись, уланы обращаются ко мне: «Идемте!»

Мы идем вдоль поезда. Уланы говорят, что ведут меня к врачу. Он социалист. Уж он-то, наверное, не даст мне погибнуть на морозе. В пассажирском вагоне, чуть не в самом конце поезда, где живет доктор, — темно. Солдаты стучатся. Через несколько минут доктор открывает дверь. Он внимательно глядит на меня, в то время как уланы рассказывают ему, кто я такой.

Уланы с жаром вступаются за меня. Доктор слушает их и молчит. Я тоже молчу. Я не способен выдать из себя хотя бы несколько слов. Челюсти у меня судорожно сжаты. Мне кажется, если бы я их разжал, я не сумел бы совладать с охватившей меня дрожью. Наступает молчание. Уланы встревожены. Они не ожидали этого. Через минуту врач оборачивается ко мне и говорит:

— Видите ли, я не могу вам помочь. Я офицер польской армии. Скрывая вас, я не только сам бы подвергся риску, но это могло бы навлечь всевозможные неприятности и на всю армию.

Он продолжал еще что-то говорить о том, что он социалист и охотно помог бы мне, но ни я, ни уланы уже не слушали его. Мои друзья были сильно огорчены. Доктор заверил, что несмотря на обязывающий его долг он не даст знать обо мне своему начальству. Мы вышли. Солдаты не знали, что со мной делать. Тот, который прежде мне дал свой тулуз, теперь стащил его с меня. Растряянные, мы постояли так еще минуту. На-

конец я обращаюсь к ним с просьбой узнать, где находится железнодорожная колония, адрес которой у меня имелся, а также достать мне какую-нибудь одежду или отыскать моего знакомого улана, который обещал свою помошь. Один из солдат уходит на разведку. Другой остается со мной. Он покрывает меня полой своего просторного тулупа. Через минуту возвращается первый. Всюду пусто. Трудно что-либо узнать. Между тем ему пришло в голову, что он может спрятать меня в вагоне с фуражом, ключ от которого у него при себе как у фуражира.

Меня ведут к одному из вагонов, отпирают замок и поспешно вталкивают в темный вагон, где лежит сено и несколько мешков с овсом. Сено должно служить мне постелью и защищать от холода. Уланы торопливо прощаются со мной, обещают как можно скорее заглянуть ко мне, принести какую-нибудь одежду, после чего запирают вагон на ключ. Снова я оказываюсь в вагоне под замком. Но вагон, из которого я бежал, мог показаться комортабельной комнатой в сравнении с тем, где я очутился теперь.

Я старался как можно глубже зарыться в сено и согреться. Но сена было сравнительно немного. Вдобавок тронулся поезд, и через плохо прилегающие люки и щели в вагон проникал не только ветер, но и снег. Становится так адски холодно, как никогда еще. Я растираю руки, лицо и ноги снегом и сеном, стараюсь ни на минуту не оставаться неподвижным. Меня охватывает дикое отчаяние. Я решаюсь бежать. Подхожу к люку, открываю его и высываюсь из вагона. Метет выюга. Ни следа хоть какой-нибудь станции или жилья. Поезд идет довольно быстро. После короткого раздумья я отказываюсь от повторного побега и возвращаюсь к своему ложу. «Я должен продержаться до утра», — говорю себе и снова принимаюсь растираясь лицо, руки, ноги.

Такова была моя первая ночь на свободе. Однако я перенес ее. Уже было светло, когда ко мне заглянули мои уланы.

— Живы еще? — спрашивает один из них.

У меня нет сил ответить. Вместо ответа я только шевелю губами. Они объясняют, что не могли мне ничем помочь, потому что взводный командир, подозревая,

что они спрятали меня, все время следит за ними. Уланы принесли мне папаху и ватную куртку, в которую я мог бы завернуться. Обещали принести поесть.

Прошло еще добрых три или четыре часа, пока один из улан заглянул ко мне со своим братом. Они принесли щей и хлеба.

Одеревенелые, обмороженные пальцы отказывались повиноваться. Я проливал содержимое ложки, не успев поднести ее ко рту. Уланам пришлось меня кормить, как маленького ребенка.

Небесная теплота разлилась по всему телу. Я проглотил почти целый котелок щей.

Уланы вскоре ушли, обещая еще раз зайти до вечера и принести мне какие-нибудь одеяла или что-нибудь в этом роде.

Мне страшно захотелось спать. Но я боялся уснуть. Хотя после того как выпал снег, стало значительно теплее, все же было достаточно холодно, так что можно было уснуть навсегда. Я боролся, как мог, со сном.

Под вечер уланы принесли мне солдатское одеяло и разного тряпья. Этим я должен был накрываться ночью.

На другой день уланы снова навестили меня и принесли пищи и несколько тряпок. Уже не только двое моих спасителей, но и много других улан, посвященных в эту тайну, помогали снабжать меня едой и одеждой. Еще одну ночь я провел в этом вагоне. Сена становилось все меньше, так как его ежедневно выдавали нескольким лошадям, которых везли с собой уланы. Когда фуражир выдавал сено и овес, я должен был тихонько сидеть, чтобы меня не заметили солдаты.

Наконец на третий день, запыхавшись, вбегает улан-фуражир и велит мне поскорее убираться. В вагон должны погрузить только что закупленное сено и овес.

Я поспешил вылез и поплелся подальше от поезда.

Станция тут была маленькая. Кроме уланского эшелона, — всюду глухо и пустынно. Чтобы не попадаться на глаза уланам и особенно офицерам, я пошел по шпалам за станцию, нахлобучив папаху и завернувшись в просторную куртку, из-под которой виднелись серые летние брюки и ботинки. Я выглядел весьма оригинально и имел основание никому не попадаться на глаза.

Проходил мимо железнодорожной будки. У двери

стоит стрелочник и пристально вглядывается в меня. Иду дальше. По обеим сторонам пути высится густой лес, ограждая, как две темные стены, железную дорогу. Прекрасный день, солнечный и сравнительно теплый. Тишина. Все ослепительно бело. Рельсы, бегущие вдаль, сверкают на солнце.

Впервые я почувствовал, что свободен, смотрел на все с каким-то радостным изумлением. Так прошел довольно далеко от станции. Вдруг позади слышу поезд. Испугался, так как был убежден, что это тронулся поезд с уланами, оставил меня здесь, на станции, где абсолютно невозможно скрыться. Схожу с пути и всматриваюсь в приближающийся поезд. Мимо меня проносятся первые вагоны, но они как-то не похожи на поезд улан. На площадках русские солдаты.

Вдруг узнаю: да ведь это мой поезд! Это поезд смерти!

От изумления забываю, что на меня может обратить внимание конвой и узнать. Я стою и широко раскрытыми глазами гляжу на быстро несущиеся мимо меня вагоны. Сквозь остекленные люки видны лица товарищев. Кажется, из одного вагона кто-то махнул мне рукой. Только в эту минуту я понял, что не должен показываться, и повернулся спиной к поезду. На площадке последнего вагона стоит солдат. Он вглядывается в меня. Я нахлобучиваю папаху на глаза и медленно поворачиваю к станции.

В будке стрелочника дверь открыта. Стрелочник сидит у раскаленной докрасна печки и пьет чай. Давно, очень давно я не пил чаю.

Подойдя к будке, обращаюсь к стрелочнику:

— Товарищ, дай мне чайку напиться!

Стрелочник молча смотрит на меня, потом медленно говорит:

— Пей, товарищ.

Я сижу в будке и попиваю чай. Стрелочник молчит. Я тоже ничего не говорю. Вдали виднеется станция и суетятся уланы. Очевидно, они уже собираются уезжать. Я благодарю стрелочника за чай и сторонкой бреду на станцию.

У вагона с фуражом, по другую сторону поезда, стоит мой покровитель и делает мне знаки. Я осторожно приближаюсь к поезду. Улан оставил дверь ва-

гона полуоткрытой. Я поспешно влезаю в вагон. Улан подходит и быстро запирает дверь на замок.

Проходит еще одна ночь. Сена теперь больше, и я парываюсь как можно глубже, укутавшись во все тряпки, которые мне принесли уланы. В течение дня я даже немного подремал, но ночью был адский мороз, и я не мог заснуть.

Утром приходил ко мне фуражир со своим братом. У них уже был составлен план действий. Сегодня мы приедем на станцию Черемхово. Там в рудниках работают австрийские пленные — поляки. На этой станции я должен подойти именно к той теплушке, где находится брат фуражира, и обратиться к уланам с просьбой подвезти меня до Новониколаевска, так как я хочу вступить в польскую армию, но у меня нет денег на проезд. Они заверили меня, что почва там будет уже подготовлена, и я могу наверняка рассчитывать, что попаду к ним в теплушку.

Так мы и сделали. На станции уланам выдавали обед. Я явился в ту теплушку, номер которой дали мои приятели. Уланы как раз ели из котелков щи, когда я всунул голову в теплушку и самым любезным тоном изложил свою просьбу.

— Да, пожалуйста! Пожалуйста! — одновременно отозвалось несколько голосов.

Прежде чем взводный успел произнести хотя бы слово, уланы подхватили меня за руки и втащили в вагон. Взводный поглядел на меня с большим недоверием. Уланы, желая избавить меня от расспросов, предложили подсесть к щам.

Мой знакомый и еще один улан заговорили о чем-то. Взводный посмотрел-посмотрел на нас и, наконец, проговорил:

— Ну, ребята, вы за него своей головой отвечаете!

— Разумеется, господин взводный, — услужливо подтвердили уланы. Вопрос был исчерпан.

Таким образом я оказался в теплой, обжитой теплушке улан. Я досыта поел. Уланы уложили подле себя на нарах.

Впервые после отъезда из Самары я почувствовал, что наелся. Мной овладела сонливость.

Остаток дня, ночь, весь следующий день и снова ночь я проспал почти без перерыва. В первый день ула-

ны будили меня поесть. Но на следующий день есть мне уже не хотелось, только спать, спать. Лишь к вечеру следующего дня уланы с трудом разбудили меня. Но есть я не мог. Я был разбит, смертельно изнурен и с трудом следил за происходящим вокруг меня. Я чувствовал себя так, словно тело мое было составлено из отдельных, плохо приложенных друг к другу частей.

Взводный и другие уланы подозрительно поглядывали на меня. Если только у них возникнет подозрение, что я болен, они из страха перед распространявшимися эпидемиями, особенно тифом, выгонят меня из вагона. Следовательно, нужно было взять себя в руки и притворяться, что я чувствую себя совсем хорошо. Я делал нечеловеческие усилия, разговаривал с уланами, слушал солдатские остроты, анекдоты и смеялся вместе с ними.

С уланами я ехал еще с неделю.

В канун рождества мы приехали наконец в Новониколаевск. Станция и город производили впечатление военного лагеря, по улицам разъезжали военные патрули.

Лишь впоследствии я узнал, что за два дня до этого в Омске вспыхнуло организованное большевиками восстание, которое было беспощадно подавлено.

В Новониколаевске я вскоре установил связь с подпольщиками и работал там несколько месяцев.

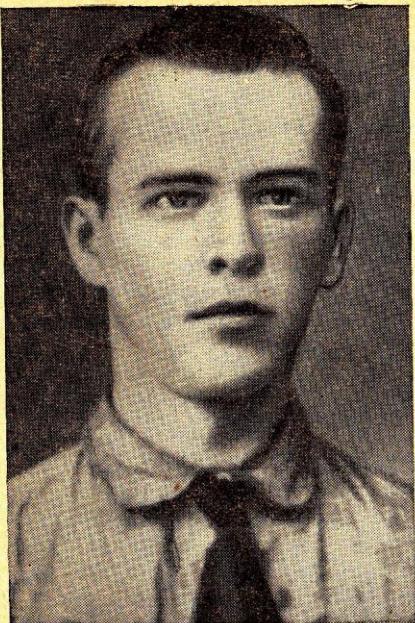
1931 год

ИЗ ПОЕЗДА СМЕРТИ — К ПАРТИЗАНАМ

В 1917 году я учился в реальном училище в Сызрани. Случилось так, что после Февральской революции я оказался «лидером реалистов», как писали обе местные газеты, и вскоре стал во главе общегородской ученической организации, в которую входили гимназисты и реалисты.

После Октябрьской революции среди учащихся произошло резкое размежевание. Большинство учащихся,

Серов Константин Петрович (р. 1899). В 1918 году — ученик реального училища в Сызрани, принимал участие в работе по укреплению Советской власти. После свержения Советской власти в Поволжье летом 1918 года был арестован белогвардейцами, а в октябре в поезде смерти отправлен на Дальний Восток. Вырвавшись из плена, сражался с белогвардейцами и интервентами в рядах партизан. В октябре 1919 года вступил в партию, затем работал в большевистском подполье во Владивостоке, где был председателем райкома партии. Впоследствии был на ответственной партийной и советской работе на Дальнем Востоке и в Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны был на фронте в качестве политработника, ранен, дважды контужен. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени и медалями. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Ленинграде.

К. П. Серов

лосов говорил: «Ты получаешь ответственное революционное задание. Нам надо сломить саботаж чиновников и доказать, что Советская власть сумеет навести порядок во всех областях народного хозяйства».

Тяжело было Советской власти в первые дни. Буржуазия стремилась усилить хозяйственную разруху в промышленности, на транспорте. Старое чиновничество всячески саботировало мероприятия Советской власти, тормозило налаживание нормальной жизни.

От совнархоза я был послан в чрезвычайную комиссию по разгрузке железнодорожного узла. В Сызрани сходился узел Сызрано-Вяземской, Московско-Казанской и других дорог, мимо проходил волжский водный путь. Саботажники на железных дорогах забили пути станции Сызрань поездами с грузами для Москвы, Петрограда и других промышленных центров. Они устроили такую пробку, которая совершенно парализовала движение поездов через Сызрань.

происходивших из зажиточных слоев населения, были настроены против большевиков. Но те из нас, кто вышел из пролетарских семей, знавших политическое угнетение, нужду и горе не по книгам, примкнули к большевикам. В их числе был и я, а также мои товарищи по седьмому классу — Федор Ткачев, Николай Козлов, Владимир Леонтьев и некоторые другие.

По рекомендации А. И. Колосова — моего первого политического наставника — меня направили на работу в уездный совет народного хозяйства. Напутствуя меня, Ко-

наша комиссия в составе председателя Деева — рабочего гвоздильного завода, Темова и Серова сортировала вагоны, разыскивая поездные документы, накладные, дубликаты и пр., проталкивала поезда на Москву и в других направлениях.

Председатель уездного совета народного хозяйства И. В. Скворцов каждый день требовал от нас отчета, что сделано по разгрузке узла. Это был твердый, испытанный большевик, культурный и политически развитой человек. Большое значение для меня имели беседы с ним на политические темы.

Трудности в работе были очень большие. Так прошло несколько месяцев. В апреле или в начале мая 1918 года при уездном комитете РКП(б) состоялось широкое совещание по продовольственному вопросу. Вызвано это было обостряющимися затруднениями с продовольствием: запасов зерна и муки было недостаточно, а из окружающих деревень подвозили очень немного, потому что кулаки придерживали хлеб, а привозившийся хлеб часто большими партиями скупался спекулянтами и зажиточными слоями населения про запас. Надо было продержаться до нового урожая.

На совещании решили усилить подвоз из деревень, а на председателя чрезвычайной комиссии по борьбе со спекулянтами и контрреволюцией И. П. Емельянова возложили задачу изъять излишки продовольствия у спекулянтов и зажиточных. В помощь ему выделили активистов из партийных организаций. Обыски, про-

И. В. Скворцов

И. И. Берлинский

ширмой. Она позволяла им организоваться и открыто носить оружие.

Однажды на улице произошло столкновение, в результате которого был смертельно ранен выстрелом из нагана молодой парень. Виновники столкновения были отправлены не в ЧК, а в милицию. Там зачинщикам возвратили оружие и отпустили. О подозрительном поведении начальника милиции стало известно ЧК. Она начала докапываться до подпольной офицерской организации. Но было уже поздно. В июне выступили белочехи и захватили власть в городе.

Подняла голову и местная контрреволюция. Из советских работников не все успели покинуть город. Пошли аресты, самосуды и расстрелы. Так погибли комиссар труда И. И. Берлинский, председатель совнархоза И. В. Скворцов и многие другие.

Сначала я застрял в городе, скрывался у себя дома. Но домой могли нагрянуть в любой момент. Днем выйти нельзя, ночью же можно было ходить только с пропуском. Один раз во двор уже заскочил гимназистик Топорин с винтовкой наперевес. Он жил напротив нас,

изведенные в буржуазных кварталах и домах, дали неожиданные результаты: были обнаружены не только непомерно большие запасы муки, но и... оружие.

Положение создавалось напряженное. Меньшевики и правые эсеры вели подпольную работу, молодые офицеры военного времени — прапорщики, подпоручики, корнеты — тянулись в органы милиции. Служба в милиции была для белого офицерства исключительно удобной

но натолкнулся на меня, во дворе. От неожиданности он растерялся и мгновенно выскочил со двора.

И вот я взял у сестры юбку, а они тогда были длинные, до пят, и широкие, надел ее, сверху закутал себя тонкой шалью и пошел к старшей сестре.

Это было в жаркий летний день. Навстречу мне по Симбирской улице толпа вела рабочего в разорванном пиджаке. Одна рука у него висела пустым, лицо распухло, из рассеченной худой щеки текла кровь. Его окружили хорошо одетые люди, толкаясь и давя друг друга, старались достать до пленного и нанести ему удар сильнее.

У сестры я прожил благополучно с неделю. Что творилось в городе, я не знал, ибо жил в квартире один. Однажды услышал грохот разрывающихся снарядов. Радостно было слышать, как шрапнель стучала по железным крышам домов: обстрел города давал знать, что Красная Армия близко.

Однажды я прокралялся домой и застал там двоюродного брата из соседнего села Ивашишки. Он сказал, что там уже красные. Обрадовавшись, я сказал, что еду с ним. Он согласился. В черной ученической гимнастерке, в валенках, с непокрытой головой я ввалился в телегу, и мы поехали.

Свою улицу проехали благополучно, а на окраине города брат вдруг заерзal, забеспокоился и сказал: «Костя, а у моста через Усинский овраг часовые стоят, пропуска проверяют». Я обомлел: как быть? Возвращаться обратно через весь город среди бела дня — на верняка кто-нибудь опознает, а ехать дальше с пустыми руками, значит, нарваться на арест. Я спрашиваю:

— У тебя пропуск есть?

Он говорит, что есть.

— А кто часовые?

— Из квартальной охраны. Один по эту сторону моста, другой — по другую.

Значит, из гражданских, люди неопытные, можно рискнуть. Я сказал Петру, чтобы ехал дальше. По дороге у меня возник план, как обмануть часового. Надо «заговорить» ему зубы и не дать времени первому остановить нас и спросить пропуск.

Не доехая тридцати-сорока шагов до моста, я велел брату остановить лошадь и молча поманил к себе

пальцем часового. Это был мужчина средних лет, в пиджаке, винтовку держал под мышкой. Он удивленно посмотрел на меня. Сделав серьезное лицо, я еще решительнее делаю жест подойти сюда, а сам умираю от страха: подойдет или же с руганью прикажет подъехать к нему. Смотрю, тот нехотя делает один шаг, другой. На душе у меня отлегло.

Не дав ему подойти совсем близко к телеге, спрашиваю:

— Вам известно, что Ивашевка занята красными?

— Как же, знаем, — отвечает часовой.

— Ну так вот, строжайший приказ: никого из города или в город не пускать без пропуска. Положение серьезное. Кто бы ни ехал — солдат, генерал — от всех требовать пропуск. За нарушение приказа — строгая ответственность.

— Да мы и так никого не пропускаем, нам же так и было сказано.

— Хорошо. Трогай! — говорю строго Петьке.

Тот ни жив ни мертв стегнул лошадь, и мы рысью проехали мимо часового. Версты через две брат пришел в себя и сказал только: «Ну и ну!»

В Ивашевке не было ни красных, ни белых. Лишь на рассвете в село вступил разъезд красных. Я встретил своего дружка В. Полетаева. Мы условились, что он добудет мне лошадь и я вступлю в его эскадрон. Но разъезд быстро покинул село, и вступила пехотная часть. Я пришел к командиру и обстоятельно поговорил с ним о положении в городе, о силах белых, что мне было известно, и условился встретиться в городе.

События тогда развивались столь стремительно, что вспоминаешь теперь и удивляешься, как могло произойти столько всего в такой короткий срок.

Часов в шесть утра двоюродная сестра будит меня и говорит: «Костя, в селе белые, они прикалывают отставших красных, спасайся!»

Я спрятался на заднем дворе, а тут начался артобстрел села, и белые из него ушли. В село вступила наша батарея.

Через несколько дней батарея продвинулась к городу, а мы с Петром решили ехать в город, снабдить родных своих хлебом. Приехали, а дом пустой, все ушли от обстрела в луга, за Воложку. Петр поехал ис-

кать родных, а я разыскал своих товарищ: Козлова, Леонтьева и других, оставил у них вещи, а сам поздно вечером, смертельно усталый, пошел домой, чтобы запереть его перед уходом из города.

Проснулся часов в шесть утра от дребезжания стекол, совсем близко шла артиллерийская стрельба. Я выбежал на улицу, и тревога охватила меня: на улице было пусто, только вдали со стороны Воложки виднелись фигурки, продвигавшиеся цепью.

Я бросился бежать к вокзалу. По дороге кое-где раздавались винтовочные выстрелы. Когда прибежал на вокзал, он был пуст. Последняя искра надежды, что я застану здесь своих, погасла. Кое-как, закоулками, я добрался домой.

На этот раз белые захватили город основательно. Я же заболел. У меня образовался гнойный нарыв от больного зуба. Боли были страшные, температура высокая, есть я ничего не мог, лежал пластом, обессиленный, в полусознательном состоянии.

В это время ко мне заявились с ордером на обыск и на арест два офицера — поручик Остроумов и корнет Тюменцев. Увидев, что я больной, они не забрали меня, но прислали врача Зона, чтобы проверить мое состояние, взяли подпиську о невыезде и даже невыходе из дома.

Через некоторое время мне стало легче и я самовольно ходил в амбулаторию на перевязку и стал помышлять, как бы удрать из города.

Но меня опередили. В июле, в одно из воскресений, приехали на извозчике опять эти два офицера и отвезли меня на Большую улицу в штаб белых на допрос.

Из допроса я понял, помимо того, что я советский работник, белые узнали, что я был в Ивашевке, и обвинили меня в шпионаже в пользу Красной Армии. После допроса меня под конвоем отправили в тюрьму.

В тюремном коридоре я нос к носу столкнулся с В. Полетаевым. Он был радостно возбужден и сказал:

— Я иду домой, пойдем со мной, брось ты эту канитель. — Я промолчал. — Не хочешь? Ну и черт с тобой! Сиди! — Не успел я ответить, как меня втолкнули в камеру и захлопнули дверь. «Испугался за свою шкуру», — подумал я с сожалением, когда при-

шел в себя от этой неожиданной встречи. Больше своего бывшего друга я не встречал. Мне передавали потом, что он скоропостижно умер.

Когда щелкнул за мной тюремный замок, я осмотрелся. Небольшая камера с высоким потолком, вверху окно, забранное решеткой, подоконник срезан, чтобы узник не смог встать на него и дотянуться до окна. А вот и мебель: железный столик, привинченный к полу, у столика такой же несдвигаемый табурет, откидная койка, которая на день поднималась и запиралась на замок. Камера была пять-шесть шагов в длину и два-три шага в ширину. Стены почернели от времени и были покрыты надписями. Тусклый свет слабо проникал через небольшое окно.

В соседних камерах оказались мои друзья по училищу — Федор Ткачев, Николай Козлов и другие. Встретились мы на прогулке в первое же утро. Незаметно для надзирателя перекинулись несколькими словами, а потом они сумели передать мне книгу М. Горького «Мать».

Что это была за книга! Сказать, что она была для меня откровением, — мало! Сказать, что завеса спала с моих глаз, когда я прочитал ее, — недостаточно. Она как молния осветила окружающий, как мне казалось, хаос, раскрыла глубокий смысл событий, в которых я принимал участие.

Читал я ее с упоением. Я был вне себя, плакал, радовался, смеялся. Светлый, чистый образ матери Павла Власова вызвал во мне умиление, восхищение, преклонение. Простая русская женщина, она беззаветно любила своего сына и силой своей материнской любви постигла великий смысл его борьбы.

Я понял, что с врагом надо беспощадно бороться.

Эта чудесная книга подготовила меня, 18-летнего неискушенного юнца, к будущим испытаниям, к борьбе с жестоким и беспощадным классовым врагом. Какое великое счастье, что в тюрьме у меня оказалась «Мать»!

В тюрьме я был уже несколько месяцев. На допросы не вызывали, время шло медленно. Среди заключенных распространился слух, что Красная Армия национализирует и что белогвардейцы собираются эвакуироваться в Самару.

Слухи подтвердились — красные приближались. Первые сведения: уголовных отпустят, политических отправят в Самару. Новые слухи: политических ликвидируют. Все ходили настороженные, нервы были напряжены. Чувство радости за успехи своих смешивалось с тревогой за собственную судьбу. Как была близка свобода! Ведь это она доносилась к нам в мощном гуле артиллерийских залпов.

Однажды на рассвете раздался стук в камеру и команда: «Выходить с вещами!»

Что-то будет!..

Итак, всех отправляют в Самару. Был теплый пасмурный день. Нас повели через весь город на дальнюю пристань, чтобы оттуда по Волге отправить в Самару.

В лугах за Воложкой догнал нас мой племянник Николай, проскочил сквозь цепь конвоиров, быстро сунул мне в руку пузырек с йодом, бинт и рублевку. Йод был для меня драгоценным подарком.

На пристани нас погрузили в трюм баржи, огромный, пустынный, темный. Люк закрыли. Трапы лежали в трюме. Вместе с нами погрузили заключенных из хвалынской и вольской тюрьм, народу собралось очень много и самого разнообразного. Здесь были и политические, и пленные красноармейцы, и командиры, и крестьяне, случайно провинившиеся, и уголовники; были женщины, старики, молодые. Нас не кормили. Лишь на вторые сутки бросили в люки несколько больших буханок хлеба. Уголовники, как дикая стая волков, набросились на буханки, и по всей барже началось преследование их. Спасаясь бегством, они на ходу рвали зубами буханки, стараясь успеть как можно больше отхватить себе.

В Самару приплыли к вечеру, но еще засветло. От пристани до самой тюрьмы стояли шпалерами рабочие, женщины, дети и, не взирая на грубые окрики, угрозы и удары прикладами конвойных, бросали в шеренги измученных, грязных, голодных заключенных хлеб, начки махорки, папиросы, спички.

Самарская тюрьма была набита невероятно: в ней собирались заключенные из сызранской, хвалынской и вольской тюрьм. В обычную одиночку поместили девять человек.

В нашей камере оказались следующие товарищи:

Федор Ткачев, Василий Юдаев, Иван Гаврилов, Константин Серов, Бронский, Берзинь, Элис, Вилков и еще один латыш. Забегая вперед, расскажу об их дальнейшей судьбе.

Ткачев был, насколько мне помнится, членом уездного комитета РКП (б). Как он попал в тюрьму, я не запомнил. Мы расстались с ним в Никольске-Уссурийском, когда меня сняли с поезда в военный госпиталь, а его вместе с другими повезли обратно до Александровского централа, где, наконец, всех самарских эшелонников и высадили. Через некоторое время Ткачеву удалось освободиться, он участвовал в боях против Колчака, потом вернулся в Сызрань. Примерно в 1935 или 1936 году он приехал в Ленинград, работал в Ленинградском управлении нархозучета. Погиб он в 1942 или 1943 году в Ленинграде во время блокады.

Иван Гаврилов, член РСДРП (б) с 1915 года, был тоже отправлен в Александровский централ. Вновь встретились мы в Ленинграде, где он заведовал областной совпаршколой. Погиб еще до Отечественной войны.

Василий Юдаев до Февральской революции был в эмиграции в Австралии. По возвращении оттуда жил в селе Заборовке, организовывая крестьянскую бедноту вокруг Советской власти. Нас вместе с ним поместили в военный госпиталь, где он умер от гнойного плеврита.

Вилков — советский работник из Хвалынска. Берзинь, Элис — военные работники, латыши. Об Элисе расскажу ниже.

Спали вповалку на каменном полу. Был конец сентября, стекла были выбиты, так как часовые стреляли по тем, кто пытался выглянуть в окно.

Поддерживал нас Самарский рабочий Красный Крест своими передачами продовольствия и сведений о положении на фронте, об успехах наших.

В Самаре властвовал Комуч во главе с эсерами. Они клялись, что только через их трупы большевики войдут в Самару.

Но вот почва стала уходить из-под ног учредиловцев, и они стали поспешно готовиться к драпу.

В эти дни в Самаре мы переживали то же самое, что и в сызранской тюрьме: радость за успехи Красной Армии, смешанную с тревогой за свою судьбу. Мы строили тысячи планов, как помочь Красной Ар-

мии организацией бунта, захватом тюрьмы, чтобы отвлечь на себя хотя бы часть белогвардейских сил. Как нам хотелось соединиться со своими товарищами!

5 октября 1918 года по тюрьме пронеслась команда: «Собирайтесь с вещами!» Вечером в темноте под усиленным конвоем нас повели на вокзал. На дальних путях стояли товарные вагоны из-под каменного угля.

С грубой бранью, ударами прикладов загоняли нас, как скотину, в эти грязные вагоны. Когда вагон заполнялся до отказа, переходили к следующему. В вагоне нас оказалось шестьдесят человек, можно было только стоять плотно плечо к плечу.

Нашей «коммунке» из одиночки удалось попасть в один вагон.

Закрыли люки, задвинули дверь, закрепили проволокой. В вагоне стало темно и душно, стоять не было сил. Как это получилось, не знаю, но всем удалось сесть, ни вершка пустого пространства на полу вагона не осталось. Наконец раздался гудок паровоза и длинный поезд в сорок пять — пятьдесят вагонов тронулся на восток.

Так начался рейс поезда, получившего известность по всей Сибири как самарский поезд смерти.

После долгих «примерок» удалось найти способ, как улечься: один ряд ложился на правый бок, другой — на левый, головой в противоположную сторону, а ноги клади поверх первого ряда. Поворачивались на другой бок по уговору оба ряда одновременно.

Усталость была так велика, что многие заснули. Когда рассветало и заключенные проснулись, они удивленно рассматривали друг друга: все были до неизвестности измазаны. О том, чтобы помыться или почиститься, не могло быть и речи. Еще большие трудности и мучения возникли в связи с невозможностью отправлений естественных надобностей: вагоны совершенно не открывались, и впервые поезд был остановлен для этих целей только на третьи сутки.

Примерно на третий или четвертый день пути, на одной из станций в ясный воскресный день на глазах у населения, гулявшего на станции, произошел первый массовый расстрел заключенных. Накануне ночью из соседнего с нами вагона бежало через люк несколько человек. Они прыгнули на ходу под откос. Комендант

поезда Новак приказал выстроить перед вагоном оставшихся и отсчитать каждого десятого, но пять-шесть человек ему показалось мало, и он приказал отсчитать еще каждого шестого. Набралось человек двенадцать-тринадцать, их отвели в степь и метрах в двухстах от станции расстреляли. Конвоиры уже возвращались обратно, вдруг мы в щелки вагона увидели, как три человека из расстрелянных с трудом поднялись и, шатаясь из стороны в сторону, направились в степь. Видимо, народ на станции ахнул, конвоиры оглянулись и снова дали залп. После этого они не спеша вернулись на место расстрела и прикололи штыками еще троих.

Новак приказал выделить в вагонах старост из арестованных, которые отвечали бы головой за каждый побег. Кроме того, во время движения на тормозных площадках стали ставить часовых. Но побеги продолжались. Стрельба конвоиров ночью по бежавшим не имела успеха. Тогда люки стали закрывать на проволоку. Но и это не остановило заключенных. Они разбирали пол вагона и на ходу падали между рельсов под вагоны. Так бежали из соседнего вагона сынранец Гарновитов и другие товарищи.

Мы тоже решили бежать. Сговорились двенадцать человек, старосту не включили, знали, что он не пойдет. Ночью, когда мы стали открывать люк, шум услышал староста, поднял тревогу и сорвал нам побег.

Спасением для политических было то, что при эвакуации самарской тюрьмы были утеряны все списки заключенных, их дела. Мы считали, что это счастливое обстоятельство сулит жизнь многим из нас. Но вот однажды поздно вечером, кажется, после Петропавловска, поезд остановили в глухом поле. Из разных вагонов стали вызывать по фамилии отдельных товарищ. Запомнилась фамилия Пудовкина — как будто председателя Кузнецкого Совета. Потом мы увидели, как большую группу людей отвели от поезда метров на пятьдесят и расстреляли. Говорили, что оказался среди заключенных предатель из случайно арестованных, который знал советских работников и доносом хотел улучшить свое положение.

Везли нас «налегке», рассчитывая в ближайшем же городе сдать в тюрьму. Доехали до Уфы, но тюрьма нас не приняла. Были переполнены и челябинская

türьма, и петропавловская, и омская, и новониколаевская... Дальше нас везли потому, что все города чурались поезда смерти, боясь распространения эпидемий, которые мы несли с собой.

Кормили от случая к случаю, редко и мало, вероятно, в зависимости от того, что и где удавалось раздобыть на нашу долю. На трети сутки в вагон бросили две буханки хлеба. Каждому досталось по небольшому кусочку и по маленькой горсточке крошек. Крошки были оттого, что хлеб ломали щепками. Делили общизвестным способом: один отворачивался, а другой указывал на кучку и спрашивал: «Кому?», тот называл фамилию. Недоразумений при дележке не было. Хлеб крошили в кружки, консервные банки. Воду тоже давали редко, и мы всегда мучились от жажды. Накрошенный хлеб размешивали в воде, делали мурцовку и ели, одни быстро и жадно, другие медленно, стараясь подольше растиянуть наслаждение. Нас выручало население. Неизвестно, какими путями оно узнавало о нашем приближении, только везде встречало своими дарами: хлебом, салом, сахаром, махоркой, спичками, папиросами, солеными огурцами, маслом и пр.

Однажды накормили горячим обедом. Для этого нас вывели из поезда и привели на продовольственный пункт в большое помещение. Это мне запомнилось не только потому, что это было одним из ярких моментов нашей жизни в поезде — горячий обед, — но и вот по какому случаю. После того как миски с супом были очищены, один из заключенных попросил добавки, видя, что суп в кotle остался. Прапорщик Озолин, кренастый, широкоплечий латыш, с выдающимися скулами, широкой нижней челюстью, услышав просьбу, пришел в ярость, размахнулся и свирепо ударил по лицу просившего: «Вот тебе добавка!» Тот грохнулся о каменный пол и больше не встал.

Стояла настоящая сибирская зима. Мы крепко мерзли на полу, на нем было холоднее, чем на снегу. Мороз, донимавший нас, имел лишь одно «удобство»: трупы умерших быстро замерзали и превращались в ледышки.

Но вот мы приехали на станцию Тайга. Заключенные поезда смерти, оставшиеся в живых, навсегда со-

хранят чувство горячей благодарности населению Сибири, помогавшему нам своими передачами, они спасли не одну жизнь от голодной смерти. Но прием нашего поезда рабочими станции Тайга особенно тронул нас до самой глубины души. Они решительно заявили коменданту поезда, что не пустят дальше поезд до тех пор, пока в вагонах не будут поставлены железные печки и сделаны нары. Неописуема была радость заключенных, когда в печках затеплился огонек, давший тепло и свет.

От имени всех оставшихся в живых пленников поезда смерти шлю земной поклон рабочим станции Тайга за их благородное дело, за то, что, не побоявшись репрессий, они обогрели нас, вдохнули в нас новые силы. Горячую благодарность к ним мы пронесем до самой могилы.

В 1957 году через газету «Тайгинский рабочий», где была напечатана моя заметка с благодарностью за помощь в 1918 году узникам поезда, я установил, что эта помощь была организована партийной подпольной организацией большевиков. Об этом рассказал бывший член этой подпольной организации Павел Яковлевич Волков, живущий ныне в Новосибирске, член КПСС с 1917 года, с которым я стал переписываться.

В феврале 1958 года он приехал ко мне в гости в Ленинград. Вот вкратце его рассказ о том, как было организовано оборудование наших вагонов в теплушкы.

«От подпольной партийной организации Новониколаевска, — говорит он, — мы получили извещение, что на восток движется поезд с заключенными из Самары. Заключенные в ужасном состоянии, они гибнут от расстрелов, от голода и замерзают в нетопленых вагонах, на холодном полу, без нар и печей.

В Тайге была небольшая, но сплоченная подпольная организация большевиков. Тайга была и тогда крупной узловой станцией с депо и ремонтными мастерскими. У нас возникла мысль задержать поезд, не давать паровоза до тех пор, пока во всех вагонах не будут установлены нары и печки-буржуйки. Поскольку на Тайге приходилось оборудовать теплушкы для воинских эшелонов, доски и печки на станции были. Но мы натолкнулись на сопротивление коменданта поезда капитана Новака и начальника конвоя поручика Иванова.

Они грозили перестрелять всех, кто будет препятствовать продвижению поезда.

Но мы действовали нелегально через рабочих, а те через администрацию станции и депо. Коменданту пришлось уступить».

• Но белые рассчитались за это на ближайшей же станции от Тайги. Они открыли там стрельбу и убили несколько рабочих.

Нары были сделаны в два этажа по обе стороны вагона и, кроме того, вдоль дверей на уровне второго этажа были еще проложены доски. Нам, обитателям одиночки в самарской тюрьме, удалось устроиться на верхних нарах у второго правого люка (по ходу поезда).

В нашем вагоне и в остальных стало гораздо просторнее, а через некоторое время на одной из станций (возможно, в Красноярске) поезд сократили, освободилось несколько вагонов.

Сильно донимали нас пьяные конвоиры, напьются и начинают стрелять по вагонам: кого убьют, кого ранят. Раненых, чтобы они не стонали, офицеры добивали. Один сошедший с ума все высывался из люка и пытался дать телеграмму жене в соседний вагон, пока его не застрелил часовой.

Мучительно долго тянулось время. Больше всего говорили о еде, так как постоянное ощущение голода не давало ни минуты покоя. Много времени тратили на беспощадную борьбу со вшами, они размножались с такой быстротой, что никакие меры не помогали. Мне было особенно тяжело, так как паразиты завелись у меня не только в одежде, но и на голове. Повязку на голове я не мог менять часто; кусочек бинта, данный мне племянником, я берег как зеницу ока. Поэтому я снимал его, уничтожал паразитов, смазывал рану йодом и снова забинтовывал. При смазывании раны я обнаружил, что челюсть у меня стала выкрашиваться.

Легче стало, когда появились печки, и мы на огне прокаливали рубахи и штаны.

Много разговоров было, конечно, на политические темы. Рассуждали так: раз нас везут на восток, значит, дела у белых на западе плохи. Это радовало нас и давало силы. Редко попадавшиеся газеты с жадностью прочитывали, причем истину мы угадывали между

строк. И без конца строили догадки и предположения, какая судьба ожидает нас.

Иногда пели песни.

Далеко в стране Иркутской,
Межу скал, высоких гор,
Обнесен большим забором
Чисто выметенный двор...
Подметалов душ пятнадцать
В каждой камере сидит...
Ты скажи-ка, подметала,
Что за этот большой дом?
Кто хозяин сему дому?
Как фамилия ему?
— Это, барин, дом казенный,
Александровский централ.
А хозяин сему дому
Кровопийца Николай...

Пели про Волгу-матушку, про священный Байкал. Пели тихо, стараясь не привлечь внимание часовых в тамбурах.

Особенно отвечали нашим настроениям слова из революционной песни:

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

В Ачинске или Канске местные казаки встретили наш поезд по-своему: они открыли вагоны, обшарили всех и забрали все, что им понравилось из наших немногих оставшихся вещей. У меня отобрали старую потертую кожаную куртку, сапоги, правда, дали взамен старые солдатские ботинки.

— Комиссар! — рычали они, но не пороли, а в других вагонах пороли. Они грозились расстрелять меня как комиссара, но их убедили, что я не комиссар.

Кажется, в Красноярске нас всех вывели из вагонов, а вагоны прошпарили горячим паром из паровоза. Эту бесполезную обработку сделали потому, что среди нас было много больных тифом и другими болезнями.

Проехали Иркутск. Стали проезжать Байкал. Байкал! Всем хотелось посмотреть на «славное море, священный Байкал». Берзинь, высокий молодой латыш, тихонько открыл люк, и мы навалились на него, чтобы взглянуть на Байкал. Вдруг раздается крик, брань ча-

сного, стоявшего на тормозной площадке, и выстрел. Пуля пробила стену вагона снизу вверх, котелок на стени и вторую стену. А Берзинь, наклонившись, смотрел в люк, ему повезло.

Приехали в Читу — гнездо соловья-разбойника, атамана Семенова. О semenовском застенке в Маккавеево дошли слухи и до нас. Казаки и в Чите бесчинствуют: так как грабить больше нечего, они, пьяные, врываются в вагоны, бьют нагайками, стреляют. С чувством большого облегчения покинули Читу и миновали Маккавеево. Пошли степи. Мы жадно смотрели в щелки загонов на незнакомые широкие просторы. Мы были лишены свободы — этого величайшего блага человека!

Я понял тогда: лучше смерть, чем неволя и рабство. Прекрасно и сильно выразила эти чувства впоследствии Дорорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Нам стало известно, что поедем по Китайско-Восточной железной дороге. Вот и станция Маньчжурия. Конюхи дорвались до дешевой смирновской водки и вдребезги перепились.

Мы сидим уже несколько дней без дров, в вагоне темно и холодно. Вдруг стук прикладом в дверь, матерная брань, крик: «Открывай дверь, получай дрова». Бросились открывать дверь, но ее сразу не открыть, она примерзла, от мочи образовался толстый слой льда. Несколько человек, упираясь плечами в перекладину, пытались сдвинуть дверь, скальвали лед, а наш латыш Элис залез на доски, что были положены перед дверями вагона, уперся ногами в косяк, а плечом в перекладину.

Внезапно раздался выстрел, затем матерная брань и стонсы. Стонал Элис. Пуля пробила дверь, верхние двухдюймовые нары и вырвала из голени Элиса кость и кусок мяса величиной с ладонь. Наконец дверь открыли, затопили печь, зажгли лучину, на ноге Элиса зияла рана. Привели врача Зальцман из женского вагона, кое-как перевязали ногу.

Когда волнение, вызванное ранением Элиса, улеглось, заметили, что под нарами лежит еще один человек, но мертвый. Оказалось, пуля прошла ему в грудь и уже после этого пробила нары и ранила Элиса. Потом пулю эту нашли, она была вся искорежена.

Доктору удалось добиться, чтобы Элиса отправили в приемный покой при железнодорожной станции, а вместе с ним отправили и меня. Я очень обрадовался, что наконец избавлюсь от мучений. Но когда мы пришли в приемный покой, Элиса приняли, а меня осмотрели и отказались принять.

— У нас это лечить невозможно, — равнодушно сказал врач.

— Собирайся, живо! — заорали конвоиры и погнали меня к эшелону, они боялись, что эшелон уйдет без них.

Ослабевший от голода, я с трудом бежал, напрягая все силы, глотая открытым ртом воздух. Я понимал, что конвоиры не станут возиться со мной и рисковать из-за меня. Собрав последние силы, я добежал до вагона, но подняться не мог, товарищи подхватили меня и втащили в вагон. Отдышавшись, я рассказал им, что Элис устроился хорошо, но меня отказались принять. Мы порадовались, что хоть Элису удалось избавиться от проклятого поезда смерти.

Впоследствии я встречал Элиса во Владивостоке. Нога у него была отрезана по колено, и он ходил с костьюлом.

Нас повезли через Маньчжурию. Мы не отрываясь смотрели в щелки вагона и в люки на неведомую страну. Горы, или, как их здесь называют, сопки густо покрыты дремучими лесами. Мимо нас проплывали широкие долины, возделанные поля, заросли гаоляна, поселения китайцев.

С тоской смотрели мы, как люди занимаются своими повседневными делами: едут на арбах, достают воду из колодца, стоят, покуривают из длинных трубок, беседуют между собой.

Приехали на станцию Чжалайнор. На соседних путях стоял эшелон с какими-то иностранными солдатами — шляпы, на шляпах длинные перья. Кто-то дознался, что это итальянцы, альпийские стрелки.

Не знаю, какие чудовищные вещи наплели про нас, но через некоторое время эти мерзавцы открыли по беззащитному поезду бешеную стрельбу. Куда денешься из закрытого вагона? Некоторые спрыгнули с нар и растянулись на полу. Я уткнул голову в подушку,

полагая, что пуля не пробьет ее. Все дрожали, как в лихорадке.

В нашем вагоне оказался унтер-офицер Сахаров из конвоя. За какую-то провинность он был наказан оригинальным способом: его на сутки посадили в «карцер» — к нам в вагон. Когда началась стрельба, он растянулся на полу. Мы слышали, как он стучал зубами от страха, стонал и молился: «Господи, спаси и помилуй».

С великим облегчением почувствовали мы, наконец, что поезд тронулся. Унтер-офицер поднялся, в лице ни кровинки. Было ему лет под сорок. Отличался он своей черствостью, отказывал даже в пустячных делах — например, принести лишнее ведро воды, которой нам всегда не хватало для питья. Вырвавшись утром из вагона, он заметно изменил свое отношение к нам. В его дежурство мы уже не испытывали недостатка в воде.

Перед Харбином, кажется, на станции Чжаланьтунь, нам разрешили открыть двери вагона и вынести мусор. Был морозный солнечный день. Свежий воздух ворвался в вагон. А через короткое время у каждого вагона образовалась большая куча мусора и гора трупов. Трупы были голые и черные, словно закопченные.

В вагонах стало совсем просторно...

Проехали Маньчжурию, миновали станции Пограничную и Гродеково. Скоро Никольск-Уссурийский. Как будто конец нашему крестному пути. Но не для всех. Огромному большинству предстояло снова проделать тяжкий рейс в обратном направлении, до Александровского централа. Но об этом мы еще ничего не знали. Не доехав нескольких километров до города, эшелон остановился. Неужели действительно конец myтарствам? Как будто бы так: нам приказали выйти из вагонов на поляну. Больные не ждали, когда товарищи помогут им выбраться, они ползком, кто как мог, добирались до двери, бессильно падали под откос на песок.

Когда все высадились и расположились на лужайке, стало видно, что нас куда меньше, чем было при посадке в Самаре.

Было 15 или 16 ноября. Днем на солнышке мне в одной рубахе было еще терпимо, но к вечеру стал про-

бирать холод, мы жались друг к другу, пытаясь согреться.

Становилось все тревожней. Возникло предположение, что нас опять здесь не примут; мы сидели, мерзли, по обыкновению, нас не кормили.

Перед вечером на лужайке появилась группа уссурийских казачьих офицеров с широкими лимонно-желтыми лампасами на штанах. Все они были с нагайками. Обошли ряды измощденных, грязных, заросших заключенных и скомандовали: «Большевики, жибы и мадьяры, встать, построиться!» Никто не шелохнулся. Тогда они сами выбрали человек двадцать пять, построили в одну шеренгу и стали бить их нагайками по лицу, плечам, голове. Кровь заструилась по лицам и плечам истязуемых. Услышав возмущенный ропот скопившихся здесь горожан, «герои» прекратили избиение и скрылись.

На другом конце, говорили потом, конные казаки врезались в ряды заключенных, били их с маxу саблями плашмя.

И все же именно здесь, на этой стоянке, некоторым заключенным удалось вырваться на волю. Помогла им в побеге местная подпольная организация большевиков. Вот что рассказала мне много лет спустя коммунистка Татьяна Цивилева.

«Когда поезд смерти остановился у переселенческого пункта, к нему подошли жители железнодорожной слободки, в том числе и Мария Гавриловна Колесникова, член Никольск-Уссурийской подпольной организации большевиков. Конвой не был очень строгим, так как в это время тут находились американцы из Красного Креста.

М. Г. Колесникова помогла бежать некоторым из эшелонников. Она давала адреса заключенным, указывая, куда идти, где найти приют на первое время. Одним из таких приютов была квартира железнодорожника Григорьева, жившего в железнодорожной слободке. Тов. Григорьев был известен Колесниковой как бывший красногвардеец, и она не ошиблась: там бежавших с поезда приняли, вымыли, одели, накормили.

Этим адресом были снажены Трифон Климов, Михаил Орлов и Верещинский. После того как товарищи

отдохнули, М. Г. Колесникова отправилась с ними на Барановский разъезд, там посадила их в поезд и вместе с ними поехала во Владивосток.

Во Владивостоке она устроила товарищем у одного из членов союза грузчиков, к сожалению, фамилию его она забыла. Михаил Орлов рассказывал потом, как их привели к этому грузчику. Тот оставил их ночевать, а на другой день привел в помещение профсоюза. Там было какое-то совещание, присутствовало человек пятьдесят.

Товарищ, приведший их, взял слово и буквально заявил: «Вот, товарищи, тут я привел большевиков, которые сбежали из эшелона смерти, надо бы им помочь». Орлов и другие двое пришли в ужас от этих слов грузчика. Думали, что все пропало, но после такой речи грузчики, присутствовавшие на собрании, полезли в карманы и стали собирать деньги. Орлов, Климов и Верещинский были потрясены этой братской товарищеской солидарностью, так безыскусственно просто, без лишних слов проявленной рабочими грузчиками.

Через несколько дней Орлова снабдили паспортом, билетом, и он уехал в Советскую Россию».

О судьбе Верещинского ничего не известно, а третий товарищ, Трифон Климов, ушел в деревню, а когда были созданы партизанские отряды, стал партизаном. Татьяна Цивилева встречалась с ним летом 1919 года во Владивостоке, куда он прибыл с заданием от штаба партизанского отряда, Климов пробыл в городе несколько дней. На обратном пути в тайгу Климова и его товарищей настигли белогвардейцы, и в завязавшемся бою он был убит.

Со стоянки возле переселенческого пункта удалось бежать и еще некоторым товарищам, но основная масса заключенных вынуждена была под конвоем терпеливо ждать, что с ними будет.

Когда совсем стемнело, нас, совершенно prodогших, вернули обратно в вагоны. Надежда, что нас оставят в Никольске, совсем погасла.

Утром нас подтянули на станцию Никольск-Уссурийский. Прошел слух, что здесь нас не примут, а повезут во Владивосток.

Во Владивостоке в это время была в полном разгаре интервенция. Еще в апреле 1918 года японцы ввели войска в город, а за ними высадились агличане, фран-

цузы, американцы, итальянцы и другие интервенты. За американскими войсками потянулись американские организации: миссия Красного Креста, Союз христианских молодых людей, армия спасения. Миссия Красного Креста оказалась и в Никольске. Возможно, что она добилась смягчения режима. Я не видел американцев и не помню их. Но много лет спустя я получил американский журнал «Красный Крест» за 1919 год и читал в нем выписки из дневника сотрудника миссии Рудольфа Бьюкели о нашем самарском поезде смерти.

Как бы то ни было, но в Никольске нам стало заметно легче: люки открыли легально, население допускалось свободно с передачами, и мы получили столько хлеба, всякой еды, табаку, спичек, что почти настоящему были сыты.

Принесли и газеты. Радостно всколыхнуло нас известие, что в Германии свершилась революция. Сколько предположений и прогнозов сделали мы, читая известия о германской революции! Были в газетах сообщения и печальные. Мы узнали, что при попытке к бегству интервентами были убиты председатель Владивостокского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов К. А. Суханов и Дмитрий Мельников. Интервенты расправлялись с активными большевиками.

Утром нас поразило неслыханное приказание: выделить от каждого вагона по два представителя под круговую поруку оставшихся и взаимную поруку этих двоих и отправить их в город для сбора пожертвований.

От нашего вагона выделили тихого пожилого железнодорожника и молодого парня от уголовных. К вечеру все сборщики вернулись с полными мешками продовольствия и вещей, но молодого парня не оказалось. Железнодорожник заболел от волнения и тревоги, с ним случился удар. К счастью, поздно вечером парень вернулся тоже с полным мешком, его задержали никольцы своими угощениями.

Днем пришла еще одна неожиданная радость: всех больных снимают с поезда и помещают в военный госпиталь. Из нашего вагона взяли железнодорожника, меня, Василия Юдаева и еще кого-то, не помню. Мы расстались с товарищами и покинули страшный поезд. В госпитале с нас содрали всю одежду и сожгли ее, остригли и отправили в баню.

Из бани в нижнем госпитальном белье, в своей обуви мы направились в один из бараков, где на цементном полу была настлана солома, покрытая простынями, в изголовьях лежали соломенные подушки, были и одеяла. После нашего страшного поезда эта обстановка показалась настоящим раем. Вскоре нам дали чай и фунта по два белого хлеба. Хлеб был пышный, мягкий, душистый, неописуемо вкусный.

18 ноября 1918 года, лежа на соломе и блаженно попивая чай с белым хлебом, я отпраздновал день своего рождения — мне исполнилось девятнадцать лет.

В 1958 году Т. К. Цивилева, с которой мы вместе работали в подпольной организации в Приморье в 1918—1920 годах, прочитав мои воспоминания о поезде смерти, рассказала, как рабочий Красный Крест организовал нам помочь продовольствием в Никольске.

Дело было так. Когда поезд стоял под Никольском у переселенческого пункта, Цивилева поехала во Владивосток и сообщила о нем. По поручению подпольной партийной организации Владивостокский рабочий Красный Крест выдал ей удостоверение о том, что ей поручалось обследовать состояние заключенных в поезде смерти и оказать им помощь продовольствием и одеждой.

С этим удостоверением она обратилась к дежурному офицеру из конвоя. Судя по ее описаниям, это был прaporщик Озолин. Он был пьян.

Посмотрев удостоверение со знаком Красного Креста и увидев, что перед ним стоит молодая прлично одетая девушка, он вежливо спросил:

— Что вам угодно?

— Мне надо обследовать положение заключенных, чтобы оказать им помощь продовольствием, — ответила Цивилева.

— Продовольствие можете дать, а смотреть эту разу нечего, это опасно, — сказал Озолин.

С Татьяной Цивилевой был ее младший брат, учащийся. Потрясенный ужасным видом заключенных, он

снял с себя башлык и рукавички и отдал в ближайший вагон.

Татьяна Цивилева вернулась в город, разыскала секретаря профсоюза учителей Лохова и вместе с ним организовала сбор денег по профсоюзам. Большую помощь оказали союзы строителей и железнодорожников.

На собранные деньги закупили белого хлеба. Часть денег была затрачена на одежду.

Вмешательство рабочего Красного Креста и активность населения города способствовали облегчению нашего положения.

Что же было с поездом дальше?

Его отправили, как потом рассказывал Ткачев, сначала во Владивосток, но там сняли только двести человек больных, а поезд отправили на запад, причем конвоиры совсем озверели и положение узников стало еще более ужасным.

Оставшихся в живых сняли на станции Иннокентьевская и отправили в Александровский централ. Там многие из заключенных под видом добровольцев вступили в ряды колчаковской армии, а затем перешли на сторону Красной Армии. Так сделал и Федор Ткачев.

О группе заключенных, снятых с поезда во Владивостоке, упоминает П. М. Никифоров, старый большевик, руководитель Владивостокской партийной организации. Он в то время сидел во владивостокской тюрьме.

В своих воспоминаниях (рукопись попала ко мне в январе 1958 г.) он пишет, что в ноябре 1918 года тюрьма вдруг наполнилась шумом: скрипели телеги во дворе, суетились надзиратели, из окон уголовных раздавались крики: «Эй, откуда прибыли?» Надзиратель сообщил, что привезли много народа из вагонов смерти, с Урала...

— А кто они?

— Говорят, плленные красноармейцы, все в тифу.

Во дворе на телегах лежали люди, прикрытые ложмолями. Казалось, что это мертвые, но некоторые из них поворачивали головы и смотрели мутными глазами. Большинство лежало неподвижно.

Так закончилась эпопея с нашим поездом. Но таких поездов смерти еще много следовало за самарским из разных тюрем Поволжья и Урала.

А что было дальше с заключенными в поездах смерти? Вот что мне известно об отдельных товарищах.

Пока наш поезд находился в Никольске-Уссурийском, из него бежали многие заключенные, затем бежали из госпиталя многие выздоравливающие.

Очень большую роль в организации побегов и в устройстве бежавших сыграл б. учитель села Раковки Степаненко, член подпольной партийной организации. Его помянут добрым словом многие эшелонники из самарского поезда смерти.

Степаненко помог группе бежавших устроиться в деревнях и в тайге на заготовке дров, снабдил некоторых из них паспортами.

Через несколько времени эта группа в составе Сабанова, Петрова*, Д. И. Старовойтова, Жукова, А. Г. Хохлова и Алексея Зайцева была направлена в Анучино, Приморской области. Там они установили связь с крестьянами, настроенными против колчаковцев, и создали инициативное ядро по подготовке восстания, которое и было вскоре (март 1919 года) успешно проведено. Анучино стало одним из центров партизанского движения. Сабанов стал начальником штаба местного партизанского отряда, а другой из этой группы, Д. И. Старовойтов, был потом начальником штаба одного из крупных партизанских отрядов.

Первоначально центром партизанского движения была Ивановка, но карательный отряд ворвался в Ивановку, сжег шестнадцать домов и стал арестовывать крестьян.

Старовойтов, Петров и Эдуард Крастин (Адольф Алкснит) ушли из Ивановки и направились в Никольск-Уссурийский. В Даниловке их захватила кулацкая застава и привела на сход, требуя расстрела, как смутьянов.

У Крастина оказались здесь друзья, которые вступились за товарищей. Разгорелся жаркий спор из-за этой тройки. Чем кончилась дискуссия на сходе, товарищи так и не узнали, потому что они потихоньку ушли.

* Под фамилией Сабанова действовал К. Я. Чубаркин, а Петрова — В. П. Карганов. Оба они бывшие фронтовики, жители села Зубовки, Самарского уезда, арестованные белогвардейцами по доносу местных кулаков. — Сост.

М. П. Вольский

ции партизанского движения и введении его в русло организованной борьбы с контрреволюцией и интервенцией под руководством партийной организации большевиков.

Эшелонники Александр Бердников, Иван Качерин, Василий Малкин и другие с оружием в руках участвовали в свержении ставленника Колчака во Владивостоке генерала Розанова.

Примечательна судьба двух друзей из поезда смерти — Вольского и Кручины.

Они оба были из г. Вольска и на Дальнем Востоке играли большую роль. Мало кто знал, что настоящая фамилия Вольского была Мышкин Михаил Петрович. О нем имеются пока что весьма скучные сведения. Он окончил реальное училище в г. Вольске, а затем школу прапорщиков военного времени. Когда началась гражданская война, он стал командиром роты красногвардейцев.

Летом 1918 года в бою с белыми за город Вольск Мышкин попал в плен вместе со своим товарищем Кру-

чиной. Их сначала держали в вольской тюрьме, а с приближением к городу Красной Армии отправили в Самару, а затем в нашем поезде смерти их повезли на посток.

Здесь они расстались: Крастин отправился в Никольск, а Старовойтов и Петров — в Ану钦о для создания ядра партизанского отряда.

В Никольске Крастин разыскал меня у Зарубиных, и мы с ним отправились в Ану钦о.

Неутомимый организатор партизанских отрядов, Крастин, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

партизанского отряда, Крастина, имевший во всех деревнях и селах свои явки, сыграл огромную роль в организации

рева, посланных на Камчатку еще в 1921 году меркуловским правительством.

В апреле 1923 года банды Бочкирева и Полякова были разгромлены отрядом Вольского. Кручинин стал председателем губбюро парторганизации, а Вольский — председателем губревкома на Камчатке. Затем Кручинин работал заместителем председателя облисполкома, умер в 1925 году.

В период 1930—1937 годов Вольский работал в Хабаровске заместителем председателя крайисполкома.

Среди женщин, которым удалось вырваться из поезда смерти, была и Милда Калнберз, латышка. Она стала потом комиссаром коммунистического латышского полка, сформированного в Благовещенске.

Кроме перечисленных товарищих я встречал многих других бывших заключенных самарского поезда смерти в партизанских отрядах Дальнего Востока. Эшелонники, вырвавшиеся из поездов смерти, служили ядром, цементировавшим личный состав партизанских отрядов, а впоследствии регулярных войск Дальневосточной республики.

Очень тепло написал об эшелонниках из поездов смерти и мой незабываемый друг Александр Фадеев в своем романе «Последний из Удэге».

* * *

Какова же была моя дальнейшая судьба?

Прежде всего расскажу, как я вырвался из белогвардейского госпиталя, где нас, больных, держали на положении заключенных и по мере выздоровления переводили в тюрьму или зачисляли в белогвардейскую армию.

В хирургическом отделении военного госпиталя я лежал с полгода. За это время многим из эшелонников, лежавшим в госпитале, удалось связаться с рабочими города, участниками подпольной организации. Больные уходили в город за пожертвованиями и, посещая квартиры и заводя беседы, выявляли сочувствующих. Эти сочувствующие указывали нашим товарищам явочные квартиры.

Одну надежную явку дали и мне, так как я

не мог ходить по городу с забинтованной головой.

Когда мне в январе 1919 года сделали операцию и сняли повязку, я решил сходить по адресу.

Но как это сделать? Мы находились в госпитале на положении арестованных, верхней одежды у нас не было, в палатах мы ходили в нижнем белье.

Меня выручил один поручик. Он лег в хирургическое отделение с какой-то пустяковой операцией, а может быть, просто скрывался от фронта: он был из местных богатых жителей, недавно мобилизован и глубоко штатский человек.

Всем больным я рассказывал печальную историю юноши, случайно попавшего в ужасный поезд и невинно пострадавшего. Почти все мне поверили, только один штабс-капитан, маленький, плюгавый, в пенсне, буравил меня острыми мышиными глазками и без конца донимал вопросами, явно выражая свое недоверие. Этот паршивец однажды чуть не погубил меня. Об этом эпизоде я расскажу ниже.

Поручик же всему поверил и настолько, что сам предложил мне свою шинель и сапоги, чтобы сходить в город. Надев сапоги, шинель и фуражку с кокардой, я отправился в город по указанному адресу, где познакомился с рабочим столяром-краснодеревщиком Тимофеем Степановичем Зарубиным и условился, что приду к нему после бегства из госпиталя.

В апреле 1919 года меня выписали из хирургического отделения и направили в отделение по внутренним болезням, откуда нашего брата направляли в концлагерь, если кто отказывался вступать в колчаковскую армию.

Воспользовавшись этим благоприятным моментом, когда меня из хирургического отделения выписали, а во внутреннем еще не заприходовали и отвечать за мой побег было некому, я бежал. Верхнюю одежду — штаны, рубашку, бушлат из солдатского сукна, обмотки, ботинки и шапку — мне дали санитары и фельдшер отделения, сочувствовавшие нам. Бежал я через высокий забор, окружавший госпиталь, выждав, когда часовой удалится.

У Зарубина я прожил несколько дней, помогал ему «стирать» паспорта, сделал и себе годовой паспорт на имя Павла Гарнова. Затем ко мне пришел Адольф

Алкснит (Эдуард Фрицевич Крастин), и мы отправились с ним в солки, в Анучино.

В Анучине уже был ревком. Я стал работать там агитатором.

Анучинский партизанский район был большой. Жизнь в нем регулировалась решениями ревкома.

Крестьянство, испытав прелести белогвардейской власти и интервенции, охотно шло в партизанские ряды и поддерживало партизан.

Однажды по решению ревкома мы с Федором Шумятским — партийным работником из Владивостока были направлены к Ли Фу, командиру китайских партизан, чтобы договориться с ним о совместных действиях против японцев.

В расположение Ли Фу нас провел его представитель. По пути пришлось миновать много секретов и засад, которые останавливали нас, появляясь внезапно на тропе перед нами, и пропускали после того, как наш проводник произносил пароль.

В глухой тайге мы увидели несколько фанз, в одной из них был Ли Фу, пожилой, в морщинах китаец, с лицом, исеченным шрамами. Мы с ним быстро договорились о том, что китайский отряд красных партизан под его командованием будет действовать совместно с русскими партизанами под общим командованием русских.

Через несколько дней Ли Фу привел свой отряд в Анучино. Походный строй их был приспособлен к тяжким тропам, команда подавалась свистком. Вооружение их было разнокалиберное. Наряду с винчестерами было много трехлинеек, два старинных ружья с длинными стволами и короткими массивными ложами. Они заряжались с дула картечью, кусками железа, порох засыпался на глаз, и все туго забивалось пыжом. Вместо лафетов или сошек к этим «пушкам» были «приспособлены» два богатырского вида китайца — Миша и Вася. Когда надо было стрелять из этих пушек, живые лафеты наклонялись, и ружья клались вдоль их спин. Ахали эти ружья так, что гром шел по тайге. Японцы так и думали, что у партизан имеются две трехдюймовки.

Территория партизанского района все увеличивалась. Колчаковские власти бежали из сел, мелкие их

части уничтожались партизанами, движение по железной дороге все чаще нарушалось, поезда пускались под откос, взрывались мосты, коммуникации японских войск сильно нарушались. Небольшие японские отряды тоже терпели поражение в боях с партизанами.

Средствами, снаряжением и оружием нас снабжали в основном из Владивостока, Никольска-Уссурийского, с Сучана.

Мне пришлось как-то сходить в Никольск с заданием получить деньги и снаряжение.

Дело было летом. Мне достали бумажные городские брюки, русские сапоги, ситцевую рубаху; пиджак у меня был. Дали удостоверение на небольшом клочке тонкой бумаги, указали явки, и я отправился в путь. В городе сделал что надо и пришел к Т. С. Зарубину. Был субботний день, и мы с ним отправились в баню. По дороге я предвкушал наслаждение попариться, похлестаться веником, но испытать этого мне не пришлось и все из-за сморчка капитана.

В просторном предбаннике было много народа, люди сидели распаренные, в том ублаготворенном состоянии, которое наступает после хорошей, жаркой бани. Я уже разделся и собирался идти вслед за Зарубиным, как вдруг почувствовал на себе упорный взгляд. Я поднял глаза и похолодел: предо мной сидел штабс-капитан.

С молниеносной быстротой у меня пронеслось в голове: был еще или не был штабс-капитан в госпитале, когда я бежал, и вспомнил, что он уже выписался, но ходил на перевязку, значит, ему известно, что я бежал — вратить нельзя...

И тут началась между нами словесная борьба, у меня — за свою жизнь, у него — за разоблачение большевика. Начал он:

— Если не ошибаюсь, господин Сэров? — Он звал меня почему-то не Серов, а Сэров.

— А, господин штабс-капитан, здравствуйте.

— Как вы здесь оказались?

— А я, знаете ли, самовольно отлучился из госпиталя, уехал во Владивосток и поступил писарем к господину Дукельскому. Вот приехал в Никольск, чтобы оформить свои документы через госпиталь.

— Давайте вот что сделаем, одевайтесь, и мы сходим

к коменданту, там я помогу вам получить документы.

— Да зачем вам беспокоиться, я и сам это сделаю, — говорю я.

— Ну какое же беспокойство, надо помочь вам.

— Хорошо, господин штабс-капитан, благодарю вас, я помоюсь и приду к вам.

— Ну нет, давайте одевайтесь сейчас, а после придете и помоетесь.

Все-таки я победил в этом поединке.

Я сделал вид, что покорился, а сам незаметно бросил белье под лавку, надел на голые ноги сапоги, натянул штаны и рубашку, пиджак перекинул через руку и был готов. А офицер, увидев, что мне деваться некуда, продолжал утиратся полотенцем, лениво переговариваясь с соседями. Я посидел, потом медленно встал, «от чего делать» прошелся по предбаннику и опять сел, а сам слежу, как подвигается одевание офицера.

Потом опять встал, прошелся, подошел к сеним, вышел в сени, вернулся опять.

Убедившись, что штабс-капитан убаюкан моей покорностью и не следит за мной, я опять вышел в сени, спустился во двор, прошел через двор к калитке, вышел на улицу и здесь стремглав побежал во весь дух.

К Зарубину уже не стал заходить, а пошел к другим знакомым, переночевал у них и на рассвете вышел из города.

В ревком поступили сведения, что японское командование решило ликвидировать анучинское «гнездо» партизан.

Сведения подтвердились. В конце лета, дежуря у телефона, я вдруг услышал возгласы: «Аната, Аната!» Я обомлел: японцы. Ревком послал конного связного Д. И. Старовойтова к Сергею Лазо, который шел в Анучину из Сучана с группой партизан. Встретив Лазо у Варварки, километрах в восьми от Анучина, Старовойтов передал ему пакет и получил от него указание: в бой с японцами не вступать, а действовать мелкими отрядами и засадами.

Мы оставили Анучину, эвакуировав госпиталь, все запасы и снаряжение.

Мы двигались по Даубихинской долине на Семеновку — Петропавловку — Сысоевку до Гордеевки, откуда свернули на восток. Через отроги Сихотэ-Алинь-

ского хребта перевалили по тропе. Перевал был очень тяжелый. Вьючные лошади не могли подниматься с кладью по такой крутои тропе, приходилось их развязывать, а груз подтаскивать на руках.

На тропе повстречали Сергея Лазо — большого, опухшего, он искал наш госпиталь.

Добрались до Чугуевки.

В Чугуевке состоялась конференция. Собственно говоря, это не было конференцией в строгом смысле слова: было партийное руководящее ядро, были представители партизанских отрядов.

В конференции участвовали дядя Федя — Шумятский, дядя Ваня — Раев, дядя Володя — М. И. Губельман, И. В. Харitonов, Крастин, Боборыкин, Секретарева, Серов, Устюгов, Сурмач, Лунев — командир подрывного отряда и другие — всего человек пятьдесят.

Приняли решение не закрепляться на занятой территории, а действовать мелкими отрядами, главным образом вдоль линии железной дороги, чтобы систематически нарушать коммуникации японцев.

Мы с Секретаревой вошли в отряд Устюгова. Кроме нас в отряде были товарищи Дубровин — учитель, Коваль Федор и Орлов Шура — наборщики, Харитонов И. В., два брата Сергеевы — шахтеры, Шурыгин Никита — матрос, Крастин Адольф, Хренов Коля — учащийся из Владивостока, Хохлов — из поезда смерти, Шевченко — крестьянин, Михайлов — матрос, Борисов — фармацевт, Бухта — учитель из Чернышевки и другие, всего свыше двадцати человек.

З. И. Секретарева

Однажды наш отряд расположился невдалеке от деревни, там нам приготовили сыромятной кожи для обуви. Перед рассветом я только что сменился с поста и лег спать, как раздались выстрелы и крики «бэнзай». Это японцы с помощью кулаков обнаружили нас. Взяв нас в полукольцо, японцы чуть не захватили врасплох весь отряд, но выстрел часового предупредил об опасности, и после короткой перестрелки нам удалось уйти в тайгу. Интервенты захватили учителя Бухту, которому они отрубили голову.

В тайге нас собралась группа в несколько человек: Устюгов, Секретарева, Серов, Хохлов.

С тропы сбились. Блуждали по тайге четверо суток в поисках тропы. Питались листьями дикого винограда и кедровыми орехами. Они, правда, были еще не спелые, только еще наливались, но голод ими утолить можно было.

Вскоре набрели на отряд Туманова (Костарева). Партизаны как раз варили суп из конины. Тут мы подкрепились и отдохнули.

В отряде нам передали распоряжение о возвращении во Владивосток.

Во Владивостоке начался новый период моей жизни — период подпольной работы среди грузчиков и железнодорожников, подготовки восстания против колчаковского генерала Розанова, свержения Розанова, выхода из подполья, нового ухода в подполье после кровавого выступления японцев в апреле 1920 года.

* * *

В заключение несколько слов о чехословацких легионах. Их пребывание в России, совершившей революцию, в России, борющейся с интервентами и белогвардейцами, в России, героически защищавшей свою молодую рабочую власть, не прошло для них бесследно. Как свидетельствует прощальное письмо чехословацких солдат к населению Дальнего Востока, многие и многие из этого легиона прозрели и поняли, какое черное дело было сделано их руками. Поняли и воспротивились своим хозяевам. Привожу выдержки из

письма группы интернированных солдат чехословацкой армии из Анжерских копей от 20 августа 1920 года.

«Мы, разоруженные солдаты чехословацкой армии разных частей, прощаемся сегодня с вами, товарищи и граждане Дальнего Востока. Многие из нас были принуждены штыками воевать против вас, но все-таки этому был положен конец в прошлом году, когда самая черная реакция стала действовать по всей Сибири... 3 000 солдат было разоружено, многое нас было посажено в тюрьмы, а некоторые расстреляны.

... Нас в течение целого года старались заставить всеми силами взять оружие и отказаться от своих взглядов.

Дорогие товарищи и граждане, простите, но мы не виноваты в том, что здесь произошло. И Европа уже в прошлом году знала, кто виноват и кто в конце концов останется победителем.

Да здравствует социальная революция!»

В напряженный период гражданской войны, когда создалась угроза существованию молодой Советской Республики, В. И. Ленин писал, что мы должны во что бы то ни стало выстоять и победить, иначе народу придется терпеть двадцать—сорок лет мучительного белогвардейского террора.

История показала, что означает белогвардейский террор.

Это жертвы интервенции и белогвардейщины в Поволжье, на севере Советского Союза, в Архангельске и Мурманске, на Дальнем Востоке — во Владивостоке, в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске и других городах в 1918—1922 годах.

Это фашистские злодеяния на оккупированной территории СССР в 1941—1944 годах.

Это дикие зверства венгерских контрреволюционеров в 1919 и 1956 годах.

Творились эти зверства в разное время, в разных странах, но одной рукой — рукой буржуазии и ее наемников.

1957 год

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Авейде Мария Оскаровна (1884—1919) — учительница, член большевистской партии с 1904 года. Принимала активное участие в революционном движении и в партийной работе при царизме в Вятке, Перми, Екатеринбурге, Самаре. Неоднократно арестовывалась царскими властями. После Февральской революции была организатором Агитаторской группы из молодежи при Самарском комитете партии большевиков, впоследствии ставшей ядром самарского комсомола. В марте 1918 года была избрана членом бюро горкома РКП(б). После контрреволюционного переворота в Самаре вела работу в подполье. В августе 1918 года была арестована. Под Иркутском бежала из поезда смерти, поселилась в Екатеринбурге, где возглавляла подпольную большевистскую организацию. В марте 1919 года ее арестовала колчаковская контрразведка и подвергла мучительным пыткам, а 8 апреля вместе с другими большевиками белогвардейцы зарубили ее шашками. — 17, 67, 69.

Адамская Варвара Ксаверьевна (1886—1926) — видная деятельница Самарской партийной организации в 1917—1918 годах. В партии с 1905 года, при царизме вела революционную работу в Москве и Казани. В 1910 году была осуждена на пять лет каторги. После отбытия каторжных работ находилась в ссылке до Февральской революции. В марте 1917 года прибыла в Самару, здесь вела большую работу среди солдат, рабочих, трудящихся женщин. В 1918 году была комиссаром призрения, членом горрайкома партии. При захвате Самары интервентами осталась в городе для подпольной работы. В конце июня была арестована, затем увезена в Сибирь в поезде смерти. В середине 1919 года бе-

жала из колчаковского застенка. Впоследствии работала заведующей женотделом в Самарском губкому РКП(б). В конце 1920 года уехала в Москву, где была на партийной работе. — 17, 67, 69,

Алеев Габбас — рабочий, член Коммунистической партии с 1917 г. Активный работник татарской секции Самарской организации большевиков, накануне захвата города интервентами был инструктором Бюро секции. По доносу враждебных элементов он был арестован белогвардейцами 8 июня 1918 г. и расстрелян на глазах многочисленной публики. — 7.

Андронов Петр Иванович (р. 1893) — активный работник Самарской партийной организации в 1917—1918 и 1923—1932 годах. В партию вступил в 1917 году. В 1913—1916 годах был связан с большевиками, вел пропаганду среди рабочих. После Февральской революции был избран заместителем командира 143-го пехотного полка. Делегат 3-го Всероссийского съезда Советов. После захвата Самары интервентами был арестован и приговорен военно-полевым судом к расстрелу, замененному 12-летней каторгой. Из концлагеря в Сибири бежал. Был на политработе в Красной армии, затем на партийной и преподавательской работе. В настоящее время — персональный пенсионер, живет в Минске. — 17.

Батаев Степан Михайлович (1900—1918) — крестьянин села Б. Каменска, Самарского уезда. С 1916 года работал в Самаре на железной дороге. После контрреволюционного переворота в Самаре уехал в свое село, где был арестован белогвардейским карательным отрядом и расстрелян. — 11.

Белякин Тимофей Федорович (1887—1918) — рабочий Трубочного завода, большевик. После захвата Самары белочехами был арестован и расстрелян. — 7.

Берлинский Израиль Ильич — большевик, активный работник Сызранской партийной организации в 1917—1918 годах. Входил в Сызранский комитет большевиков и Совет рабочих депутатов. Был председателем Военно-революционного комитета и редактором «Известий Сызранского Совета рабочих и солдатских депутатов», с конца апреля — уездный комиссар труда. Во время контрреволюционного выступления мятежного чехословацкого корпуса в Сызрани 31 мая 1918 года был арестован и позже расстрелян белогвардейцами. — 15, 150.

Бешенковская Мария Соломоновна (1897—1964) — работница член Коммунистической партии с 1914 года. При обороне Самары в июне 1918 года была в санитарной группе при клубе коммунистов. После захвата города белочехами ей удалось выбраться из города и уехать на советскую территорию. В последующие годы была на партийной и профсоюзной работе. — 73.

Бурлов Николай Ананьевич (1883—1927) — один из героев гражданской войны в Сибири. Уроженец села Бирюсы, Тайшетской волости. В 1905 году принимал участие в восстании рабочих станции Тайшет. В период борьбы против иностранных интервентов и их наймита Колчака командовал крупным партизанским отрядом, затем партизанской бригадой. — 19.

Вавилов Павел Андреевич (1891—1919) — рабочий-слесарь,

член Коммунистической партии с 1911 г. Неоднократно подвергался арестам. После Октября был комиссаром Самаро-Златоустовской ж. д. 8 июня схвачен белогвардейцами и отправлен в Сибирь. После побега из заключения принимал участие в подготовке вооруженного восстания в Омске против Колчака, возглавлял военно-революционный штаб при Сибирском обкоме партии. В апреле 1919 г. был арестован и вместе с Масленниковым и группой других подпольщиков расстрелян. — 19.

Венцек Францик Иванович (1885—1918) — председатель революционного трибунала в Самаре в 1918 году, член большевистской партии с 1904 года. Во время царизма вел партийную работу в Самарканде, Москве, Харькове, Туле. Неоднократно арестовывался. В 1915 году Венцек был выслан под надзор полиции в Калугу, откуда бежал в Самару. Здесь вел партийную работу, руководил рабочими кружками. После Февральской революции Венцек был избран секретарем Совета рабочих депутатов, а после Октября — членом губисполкома и председателем революционного трибунала. Убит белогвардейцами в день захвата Самары интервентами. 8 июня 1918 г. — 7, 73, 74.

Вольский (Мышкин) Михаил Петрович (1897—1938) — член партии с 1917 года. Участник гражданской войны в Поволжье и на Дальнем Востоке. В Приморье командовал партизанскими отрядами. Возглавлял экспедицию по ликвидации банд Пепеляева и Бочкирева на Камчатке. Награжден орденом Красного Знамени. После гражданской войны был на руководящих партийных и советских постах на Дальнем Востоке. — 172, 173, 174.

Гаврилов Иван Гаврилович (1894—1937) — активный работник Сызранской организации большевиков, член партии с 1915 года. После захвата Сызрани белогвардейцами был арестован, позднее отправлен в поезд смерти в Сибирь. Сидел в Александровском центrale, затем был выслан в Балаганский уезд под надзор местных колчаковских властей. Принимал участие в деятельности подпольной организации большевиков, после занятия Балаганска партизанами входил в состав ревкома. В последующие годы был на партийной работе в Ленинграде. — 156.

Губельман Моисей Израилевич (р. 1885) — активный участник революционного движения, член большевистской партии с 1902 года, за революционную деятельность отбывал каторжные работы. Во время гражданской войны был комиссаром Дальневосточного отряда в Забайкалье, затем — военным комиссаром временного военно-революционного комитета Приморской области. Еместе с Сергеем Лазо руководил партизанским движением в Приморье. После гражданской войны Губельман был на ответственной работе в Москве. В настоящее время — персональный пенсионер, живет в Москве. — 179.

Дерябина Серафима Ивановна (1888—1920) — видная деятельница большевистской партии в годы царизма и в первые годы Советской власти. В партию вступила в 1904 году. В 1907 году возглавляла Екатеринбургскую городскую партийную организацию, была членом Уральского областного комитета. Затем вела работу в Челябинске, Ростове, Петербурге и других городах. В 1913 году

участвовала на Августовском совещании ЦК РСДРП(б) в Поронино. За годы царизма пять раз подвергалась арестам, несколько лет провела в ссылке. С 1915 года вела партийную работу в Самаре. После победы Октябрьской революции была первым губернским комиссаром по делам печати. На третьем губернском партийном съезде в марте 1918 года избрана членом Самарского губкома партии. После захвата города белогвардейцами в июне 1918 года была арестована и отправлена в поезд смерти в Сибирь. После побега работала в колчаковском тылу, была делегатом от Урала на второй Всесибирской конференции большевиков. По возвращении в Екатеринбург снова была арестована. Освобождена из тюрьмы по приходе Красной Армии. Умерла от туберкулеза в 1920 году. — 17, 67, 68, 69.

Дlugоленский Яков Моисеевич (1898—1918) — ученик фельдшерской школы, активный работник Самарской организации большевиков в 1917—1918 годах, член Агитаторской группы при горкоме партии. Вел большую работу среди рабочей и учащейся молодежи. В декабре 1917 года участвовал в вооруженных действиях против Дутова, был ранен. При наступлении интервентов на Самару Дlugоленский снова вступил в красногвардейский отряд и принимал участие в боях при защите Самары. После захвата города интервентами был убит белогвардейцами. — 7.

Емельянов Иван Петрович (1887—1918) — петроградский рабочий-слесарь, член партии с 1913 года. Уроженец с. Еремкино, Сызранского уезда. В марте 1917 года был прислан Центральным Комитетом РСДРП(б) на партийную работу в Сызрань. В 1917—1918 годах — член Сызранского комитета партии и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с установлением Советской власти — председатель уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. При захвате Сызрани интервентами и белогвардейцами Емельянов командовал красноармейским отрядом, вошедшим потом в Инженскую дивизию. Умер от туберкулеза горла в сентябре 1918 года. Похоронен в Сызрани. — 149.

Зверев Даниил Евдокимович (1894—1937) — крестьянин Бутуринского уезда, Самарской губернии. В годы первой мировой войны на фронте был произведен в чин поручика. После Февральской революции вступил в партию большевиков. В 1918 году в Поволжье командовал небольшим красногвардейским отрядом. В одном из боев был ранен и попал в плен. В поезде смерти был отправлен в Сибирь. Вступил в белогвардейский отряд особого назначения, возглавил восстание солдат этого отряда и перешел с ними к партизанам. Командовал крупными партизанскими соединениями, в том числе Восточно-Сибирской партизанской армией. Осенью 1920 года командовал воинским соединением на Южном фронте. После гражданской войны находился на административно-хозяйственной работе. — 18, 19.

Каландарашвили Нестор Александрович (1874—1922) — герой гражданской войны в Сибири. Уроженец Грузии. За организацию восстания крестьян был сослан царским судом в Сибирь. Во время гражданской войны в Сибири командовал партизанским отрядом. В сентябре 1919 года он совершил смелый налет на Александровский централ и освободил 420 политзаключенных. За геройизм в

боях с белогвардейцами и интервентами награжден орденом Бойового Красного Знамени. В 1921 году Каландарашвили командовал корейской бригадой, а позднее — корейскими революционными партизанскими отрядами Дальнего Востока. В начале 1922 года возглавил отряд советских войск, направленный для ликвидации белогвардейского мятежа в Якутию. Погиб в бою с белогвардейцами. — 19.

Карганов Василий Платонович (1896—1937) — из крестьян села Зубовки, участник первой мировой войны. В период учредительщины летом 1918 года был арестован и в октябре отправлен в поезд смерти. На Дальнем Востоке бежал, в рядах партизан боролся против интервентов и белогвардейцев. Вернувшись на родину в 1921 году, занимался сельским хозяйством, с 1925 года был на выборной работе — председателем волисполкома, затем председателем колхоза. Член КПСС с 1926 года. — 89, 90, 92, 94, 95, 171, 172.

Козлова Зинаида Товьевна (1895—1937) — воспитательница, работала в детдомах. Член Коммунистической партии с августа 1917 года. В период обороны Самары в июне 1918 года была в санитарной группе при клубе коммунистов. После контрреволюционного переворота в Самаре принимала участие в деятельности подпольной организации большевиков. Впоследствии работала в органах народного образования. — 73.

Колосов Алексей Иванович (1897—1956) — депутат Сызранского Совета в 1917—1918 годах, заведующий уездным отделом народного образования. С 1919 года Колосов был на партработе в Красной Армии, участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа гарнизона в г. Верном. В начале двадцатых годов Колосов перешел на газетную работу (*«Известия»*, с 1928 года — *«Правда»*) и получил широкую известность как талантливый журналист, автор многих рассказов, очерков, фельетонов. — 148.

Кондаков Петр Алексеевич (1879—1918) — рабочий Самарского Трубочного завода, член партии с 1907 года. Революционную работу начал в Москве, где в 1907 году был арестован; отбывал заключение в крепости. В феврале 1917 года за активное участие в забастовке был арестован и сдан в солдаты. После Февральской революции — член исполкома Самарского Совета, кандидат в члены губкома РКП(б). В Октябрьские дни — комиссар милиции, позднее — член революционного трибунала. В июле 1918 года был арестован белогвардейцами и по пути в тюрьму убит конвойным офицером. — 9.

Крастин Эдуард Фрицевич (1898—1938) — рабочий, член партии с 1917 года. Активный участник гражданской войны в Приморье на Дальнем Востоке, принимал деятельное участие в работе подпольной организации большевиков. Организатор партизанских отрядов. После гражданской войны окончил Ленинградский политехнический институт. Работал заместителем начальника Главсевморпути. За освоение северного морского пути награжден орденом Ленина. — 171, 172, 176, 180.

Лазо Сергей Георгиевич (1894—1920) — герой гражданской войны, выдающийся организатор и руководитель красногвардей-

ских отрядов в Сибири и на Дальнем Востоке. Член большевистской партии с 1918 года. В феврале 1918 года был назначен командующим Забайкальским фронтом. Под руководством Лазо советские войска разгромили банды атамана Семенова. Во время интервенции японских, американских, английских и других империалистов на Дальнем Востоке Лазо руководил партизанским движением в Приморье, по поручению обкома партии прошел подготовку всеобщего вооруженного восстания в Приморье, которое 31 января 1920 года было блестящее осуществлено. После этого Лазо провел огромную работу по организации и формированию революционных частей. В апреле 1920 года был предательски захвачен японцами во Владивостоке. После пыток Лазо был сожжен японцами и белогвардейцами в паровозной топке на станции Муравьево-Амурская (теперь ст. Лазо). — 95, 178, 179.

Либерсон Наум Григорьевич (1899—1918) — секретарь Совета губернских комиссаров в Пензе в 1918 году. До революции принимал активное участие в работе подпольных революционных кружков. Член большевистской партии с 1917 года. После Февральской революции работал в Орше, Москве, затем в Пензе. Был участником VII съезда РКП(б). В мае 1918 года по поручению Пензенского губисполкома вел переговоры с командованием бело-чешского корпуса. 29 мая был вероломно захвачен командованием в качестве политического заложника, увезен на восток и на одной из станций восточнее Самары расстрелян. — 15.

Малашевич Григорий Николаевич (р. 1893) — авиамеханик, большевик, служил добровольцем в Особой бригаде гидроавиации, прибывшей в Самару в марте 1918 года. Принимал участие в боях против интервентов под Самарой в июне 1918 года. После захвата Самары интервентами был арестован и в сентябре военно-полевым судом приговорен к расстрелу по делу Паршина. Расстрел был заменен 12-летней каторгой. До 1920 года Малашевич находился в заключении в иркутской тюрьме. После освобождения Иркутска Красной Армией вступил в ее ряды, принимал участие в ликвидации махновщины на Украине. С 1921 года работал в различных советских учреждениях, с 1939 года в Черноморском пристровом флоте на танкере *«Москва»*. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Краснодарском крае. — 53, 54, 55.

Масленников Александр Александрович (1890—1919) — профессиональный революционер, видный деятель большевистской партии. В революционном движении участвовал с 1905 года, член большевистской партии в 1909 года. Вел партийную работу в Петербурге, Ростове-на-Дону, на Украине. Неоднократно подвергался арестам, три раза бежал из ссылки. После Февральской революции был комиссаром Туруханского края, в июне 1917 года приехал в Самару. После Октября — член губисполкома, с весны 1918 года — председатель горисполкома. В середине мая 1918 года, когда выявилась угроза со стороны контрреволюционных отрядов атамана Дутова, Масленников был избран председателем военно-революционного штаба, а с 20 мая — членом президиума ревкома. При защите Самары от интервентов был захвачен и отправлен в Сибирь. Из заключения бежал. В колчаковском подполье был одним из руководителей Сибирской областной подпольной организа-

ции большевиков и военно-революционного штаба по подготовке восстания против Колчака. В апреле 1919 года Масленников вместе с группой других большевиков был арестован колчаковской контрразведкой и расстрелян. — 19, 67.

Митрофанов Алексей Христофорович (1879—1941) — один из видных руководителей Самарской организации большевиков в 1917—1918 годах, председатель губкома РКП(б), редактор газеты «Приволжская правда». Родился в семье безземельного крестьянина-батрака, в годы юности был пастухом. С 1894 года — рабочий одной из фабрик в Москве, в 1903 году вступил в РСДРП(б). С этого времени вел жизнь профессионального революционера. Он работал в Москве, Перми, Уфе и в других городах Урала, входил в состав Уральского областного комитета большевиков, в 1907 году был делегатом V (Лондонского) съезда партии. Неоднократно арестовывался охранкой, свыше пяти лет провел в тюрьмах. С 1916 года — в Самаре, участвовал в работе большевистской организации. После Февральской революции Митрофанов — председатель Самарского губкома партии и редактор газеты «Приволжская правда». В июле 1918 года, будучи в Москве как делегат пятого Все-российского съезда Советов, участвовал в подавлении контрреволюционного левоэсеровского мятежа. На съезде Советов Митрофанов был избран членом ВЦИК. В последующие годы он был на ответственной работе на Дону, в Сибири, в Москве. В 1923—1930 годах избирался на партийных съездах в состав ЦКК. — 67.

Никифоров Петр Михайлович (р. 1882) — активный участник революционного движения в годы царизма, член большевистской партии с 1904 года. Вел партийную работу в Сибири, в Крыму, Кронштадте. В 1910 году был арестован и по 1917 год находился в Александровской тюрьме. После революции работал на Дальнем Востоке, был заместителем председателя Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем краевого комитета РКП(б), членом Дальбюро ЦК РКП(б), председателем Совета Министров Дальневосточной республики. В последующие годы Никифоров был на ответственной советской работе. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Москве. — 170.

Паршин Федор Васильевич (1896—1918) — большевик, участник штурма Зимнего дворца в Петрограде в октябре 1917 года. В Самару прибыл по поручению Н. И. Подвойского для работы по формированию красноармейских частей. Работал в губернской коллегии по формированию Красной Армии. Во время наступления на Самару интервентов в июне 1918 года Паршин во главе отряда защищал подступы к городу. После отступления советских отрядов из Самары он вернулся в город для организации военно-разведывательной работы в тылу у белых, создал подпольную большевистскую группу и наладил доставку в ревком сообщений о положении на захваченной белогвардейцами территории. В июле 1918 года Паршин был арестован контрразведкой, а в сентябре по приговору военно-полевого суда расстрелян по обвинению в организации восстания. — 55, 56.

Проживин Семен Михайлович (1881—1918) — крестьянин села Утевки, Бузулукского уезда. Большевик. До белочешского мятежа был заместителем председателя Утевского волостного Совета.

Зверски убит белогвардейским карательным отрядом 22 августа 1918 года. — 13, 14.

Пудовкин Василий Сергеевич (1883—1918) — крестьянин села Утевки, Бузулукского уезда. Большевик. В 1918 году был членом Бузулукского уездного Совета, помощником комиссара Погроминского сельскохозяйственного училища. Замучен белогвардейским карательным отрядом 22 августа 1918 года в селе Утевке. — 13, 14.

Раев Григорий Федорович (1885—1923) — рабочий, член партии с 1904 года. Активный участник революции 1905 года, неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. С 1907 по 1917 год был в эмиграции в США, где принимал активное участие в деятельности социалистической партии, был членом Союза индустриальных рабочих мира. По возвращении из эмиграции был председателем Центрального бюро совета профсоюзов во Владивостоке. Являлся одним из руководителей борьбы за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. — 179.

Саблина Мария Сергеевна (р. 1893) — фельдшерица, член Коммунистической партии с марта 1917 года. Во время борьбы с Дутовым была политическим комиссаром санитарного поезда, в период наступления белочехов на Самару работала в медпункте при клу-бе коммунистов. После освобождения Самары была председателем комитета Красного Креста, комиссаром госпиталя. Позднее, окончив институт физкультуры, работала в детских и общих лечебных учреждениях. В настоящее время — персональная пенсионерка, живет в Москве. — 73.

Секретарева Зоя Ивановна (р. 1894) — активная участница Октябрьской революции и гражданской войны на Дальнем Востоке, член Коммунистической партии с июня 1917 года. Во время ходяничанья на Дальнем Востоке интервентов и белогвардейцев работала в подполье, в 1919 году участвовала в партизанском движении в Анучинском районе Приморья. В последующие годы была на ответственной работе в Ленинграде. В настоящее время персональная пенсионерка, живет в Ленинграде. — 23, 27, 179, 180.

Скворцов Иван Васильевич (1876—1918) — большевик, участник революции 1905 года. Неоднократно подвергался репрессиям царских властей. В 1906 году был арестован за распространение революционной литературы в Хвалынском уезде, Саратовской губернии. В июне 1907 года подвергался аресту в Сызрани за распространение прокламаций среди молодежи. После освобождения из тюрьмы продолжал революционную работу в Сызрани, где в 1909 году снова привлекался к дознанию. В январе губернатор постановил воспретить Скворцову проживание в Симбирской губернии. После революции был председателем совнархоза и комиссаром продовольствия в Сызрани. В момент захвата Сызрани белогвардейцами и интервентами был арестован и вследствие при перевозке заключенных из сызранской тюрьмы в самарскую — расстрелян. — 16, 149, 150.

Скубченко Василий Ефремович (1885—1958) — рабочий-слесарь, член Коммунистической партии с 1917 года. Активный участник революционной борьбы в 1905 году. В Октябрьские дни и позднее — красногвардеец, участник обороны Самары от бело-

чехов. В августе 1918 года был арестован белогвардейцами и отправлен в Сибирь. В Иркутске бежал. В последующие годы был на профсоюзной и кооперативной работе в Самаре. — 17.

Соколов Василий Григорьевич (1894—1918) — безземельный крестьянин села Хорошенькое, Самарского уезда. Кузнец. После Октябрьской революции — председатель волисполкома. В начале 1918 года был избран членом Самарского губисполкома и назначен членом коллегии губернского комиссариата юстиции. После контрреволюционного переворота уехал в свое село, где в июле 1918 года был арестован карательным отрядом и расстрелян. — 11.

Суханов Константин Александрович (1894—1918) — один из организаторов и руководителей Дальневосточной краевой большевистской организации. В революционное движение вступил в Петербурге в 1911—1913 годах, будучи студентом Петербургского университета. В 1913 году был арестован. В 1916 году во Владивостоке был снова арестован за принадлежность к социал-демократической организации. После Февральской революции Суханов — депутат Владивостокского Совета, а с ноября 1917 года председатель Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во время контрреволюционного переворота во Владивостоке 29 июня 1918 года Суханов и другие члены исполкома были арестованы интервентами и переданы в руки созданного под защитой иностранных войск белогвардейского правительства. 18 ноября 1918 года при переводе из концлагеря в тюрьму Суханов и член исполкома Дмитрий Мельников были убиты белогвардейцами якобы при попытке к бегству. — 168.

Сухоруков Сильвестр Степанович (1893—1964) — матрос Балтийского флота, авиамеханик, член Коммунистической партии с февраля 1918 года. Служил в Особой бригаде гидроавиации, прибывшей в Самару в марте 1918 года. Принимал участие в обороне Самары. После захвата города белогвардейцами был арестован. В сентябре 1918 года военно-полевым судом приговорен к расстрелу, который был заменен 12-летней каторгой. По дороге в Сибирь бежал из поезда смерти, через фронт добрался до своей части и всю гражданскую войну провел на фронтах. После демобилизации в 1924 году был на партийной и советской работе. — 53, 55.

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — выдающийся русский советский писатель и общественный деятель, член КПСС с 1918 года. Принимал активное участие в работе большевистского подполья на Дальнем Востоке, в 1919—1921 годах под фамилией Булыга находился в рядах партизан, затем в Красной Армии. Его произведения «Разгром», «Последний из Удэгэ», «Молодая гвардия» и другие пользуются заслуженной любовью советских читателей. — 174.

Хохлов Александр Григорьевич (1900—1964) — красногвардец, участвовал в боях под Самарой, попал в плен и отправлен в поезд смерти в Сибирь. После побега принимал участие в партизанской борьбе против белогвардейцев и интервентов на Дальнем Востоке. В 1920 году вступил в партию. После гражданской войны продолжал служить в Красной Армии, затем работал в партийных и советских органах. Продолжительное время работал в Глав-

севморпути, награжден орденом Красной Звезды. — 92, 94, 95, 171, 180.

Цепелевич (Шешин) Александр Васильевич (1878—1949) — рабочий, активный работник Самарской организации большевиков. Член Коммунистической партии с 1898 года. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. В 1916 году был участником Поволжской конференции большевиков, за что был арестован и отправлен в ссылку. После Февральской революции — один из руководителей большевистской организации на Трубочном заводе. После захвата Самары белочехами был арестован и отправлен в поезд смерти в Сибирь. Из иркутского концлагеря бежал. Впоследствии был на руководящей работе. — 17.

Цивилева Татьяна Константиновна (р. 1899) — уроженка Никольск-Уссурийского уезда, Приморской области. В партию вступила в 1918 году. Принимала активное участие в деятельности подпольных организаций большевиков в Никольске и Владивостоке. Была арестована белогвардейцами и находилась в тюрьме до свержения власти Колчака в Приморье. В настоящее время персональная пенсионерка, живет в Москве. — 23, 166, 167, 169, 170.

Цыкин Алексей Тимофеевич (1878—1918) — крестьянин-бедняк из села Хорошенькое, Самарского уезда. При царизме вел революционную пропаганду среди крестьян, был под наблюдением полиции. После революции принимал активное участие в общественной жизни села. В июле 1918 года был арестован белогвардейским карательным отрядом и расстрелян. — 11, 12.

Цыкин Андрей Григорьевич (1893—1918) — крестьянин села Хорошенькое, Самарского уезда. Матрос Черноморского флота, служил на крейсере «Алмаз». Член Коммунистической партии с 1917 года. После затопления военных кораблей в Новороссийске приехал в свое село. Был арестован белогвардейским карательным отрядом и расстрелян. — 11, 12.

Штыркин Иван Иванович — член Коммунистической партии с 1917 года. В революционной деятельности участвовал с 1906 года в Астрахани. После Октябрьской революции был председателем союза квартиронанимателей и заведующим жилищным отделом Самарского горисполкома. Убит белогвардейцами 8 июня 1918 года. — 7, 73.

Шумятский Федор Васильевич (1887—1940) — член Коммунистической партии с 1904 года, при царизме отбывал каторгу. Один из руководящих деятелей парторганизации Дальнего Востока. Участник боев с белогвардейцами и интервентами. После гражданской войны был на ответственной работе. — 176, 179.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Г. Попов. Они не покорились	3
Альберт Рис Вильямс. Письмо К. П. Серову	21
Люсита Вильямс. Они показали лучшие черты характера русского народа	25
Рудольф Бьюкели. Страшный поезд	31
М. М. Хатаевич. Палачи от «чистой демократии»	45
Д. И. Старовойтов. В застенках учредилки	51
А. Т. Биргель. Будьте прокляты, изверги!	65
Л. Г. Зальцман. В эшелоне смерти	72
К. Я. Чубаркин. От Самары до Приморья	88
Э. С. Стефанский. Тяжкий путь	97
К. П. Серов. Из поезда смерти — к партизанам	147
Дополнительные сведения о некоторых лицах, упоминаемых в книге	182

ПОЕЗД СМЕРТИ

Художник В. Д. Казаков

Редактор В. А. Коневникова

Худож. редактор Е. В. Альбокринов

Технический редактор В. Ф. Малыхина

Корректоры С. С. Пасешченко, Т. В. Дербенева

Сдано в набор 20/XI-65 г. Подписано в печати 5/II-66 г. ЕО 00758

Тираж 30000 экз. Формат 84×108 $\frac{1}{2}$. Физ. п. л. 12.0. Усл. п. л. 9,84.

Уч. изд. л. 10,09. Цена 44 қоп.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев. Сызранская, 201.

Тип. изд-ва «Волжская коммуна», г. Куйбышев, ул. Сызранская, 201.

Заказ № 6344.

44 коп.

КУИБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

ПОЕЗД СМЕРТИ